

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2015 – 10 (280)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2015**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке:
Е.С. Хазанов – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. – М., 2015. – № 10 (280). – 148 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

*Издано при поддержке Российского фонда содействия
образованию и науке*

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>А. Манойло.</i> Цветные революции и гибридные войны.....	5
<i>М. Горшков.</i> О влиянии неэкономических факторов на социально-экономическое развитие общества.....	15

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>А. Буттаева.</i> Качественная характеристика процесса исламского возрождения.....	34
<i>Ш. Баймурзаева.</i> Место и роль народного собрания во властной системе Республики Дагестан	42
<i>А. Хазанов.</i> Восточная политика России в конце XX – начале XXI в.	50

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Э. Цыркуль.</i> Внешнеполитический курс Турции в XXI в.	76
<i>М. Ходынская-Голенищева.</i> Кризис в Сирии. (Межсирийский переговорный процесс и политическая сирийская оппозиция)	88
<i>М. Володина.</i> Алжиро-марокканские отношения в свете западносахарского конфликта	106
<i>Ю. Свешникова.</i> Малайзия в капкане исламизации: Свобода совести в обмен на политический кредит	115

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Д. Пахомов.</i> Доклад на слушаниях в Общественной палате РФ на тему: «О противодействии деятельности “Исламского Государства” на территории Российской Федерации».....	126
<i>М. Билалов.</i> Онтологические и гносеологические различия суфизма и салафизма	131
<i>С. Демиденко.</i> Новая книга о Катар: Заполняя пустоты	141

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

А. Манойло,

доктор политических наук,
профессор кафедры российской политики
факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова,
проректор «Гражданского университета»

ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ

Когда говорят о гибридных войнах и цветных революциях, довольно часто смешивают и путают эти понятия. Более того, после появления в широком научном дискурсе термина «гибридная война» появилась тенденция объединить все известные формы, методы и технологии вооруженной борьбы под одним «зонтичным» брендом – понятием гибридной войны. Прилагательные ставят под сомнение корректность отнесения гибридных войн к войнам и цветных революций к революциям. Понятия «война» и «революция» не нуждаются в уточнениях. Строго говоря, гибридные войны – это не совсем войны, хотя и имеют с известными нам войнами много общего. А цветные революции – не совсем революции, больше того – совсем не революции.

В современном мире тематика гибридных войн и цветных революций продолжает набирать все большую популярность. Это неслучайно: мировая цивилизация на современном этапе своего развития столкнулась принципиально новыми инструментами формирования новой политической реальности, чрезвычайно эффективными в условиях кризиса однополярного мира, но вместе с тем представляющими исключительную опасность для современных наций-государств.

Соотношение понятий

Опасность исходит из понимания того, что гибридные войны и цветные революции – явления сравнительно новые, с них только недавно сняли кавычки, и для этих явлений, способных потрясать и разрушать сами основы современного общества, еще не выработано сбалансированных противовесов, противоядий, сдерживающих механизмов, ограничительных норм международного права.

Сегодня, когда говорят о гибридных войнах и цветных революциях, довольно часто смешивают и путают эти понятия. Более того, после появления в широком научном дискурсе термина «гибридная война» появилась тенденция объединить все известные формы, методы и технологии вооруженной борьбы под одним «зонтичным» брендом – понятием гибридной войны. Это понятие является своеобразной надстройкой над появившимися ранее в научном дискурсе и потому значительно более изученными традиционными, информационными, психологическими, сетевыми, сетевыми, прокси-войнами и цветными революциями. Это тоже неслучайно: между гибридными войнами и цветными революциями, помимо принципиальных различий, существует много общего: оба этих явления рассматриваются как на феноменологическом (как явление), так и на технологическом уровне (как технология и инструмент политического воздействия). Оба явления еще недавно встречались исключительно в кавычках, что говорит о том, что не было еще выработано специальной терминологии, точно описывающей эти явления и принадлежащей только им. Наконец, оба этих понятия даются синтетическими конструкциями, базирующимися на известных понятиях «война» и «революция» с уточняющими прилагательными, меняющими их смысл.

Действительно, гибридная война по своей сути находится ближе всего к понятию «война», а цветные революции, являющиеся технологиями организации государственных переворотов, успешно маскируются под революции истинные. Вместе с тем сами прилагательные ставят под сомнение корректность отнесения гибридных войн к войнам и цветных революций к революциям. Понятия «война» и «революция» не нуждаются в уточнениях. Строго говоря, гибридные войны – это не совсем войны, хотя и имеют с известными нам войнами много общего. А цветные революции – не совсем революции, больше того – совсем не революции. Тем не менее, так же как и в случае с определением «информационная война», мы вынуждены пользоваться этим приемом, описывая

новые явления через сравнения и аналогии с теми явлениями, событиями и процессами, смысл которых для нас предельно ясен.

Так, новая терминология рождается на прочном фундаменте аксиоматики политической науки, которая принята всем экспертным сообществом и которую никто не ставит под сомнение. Этот подход, помимо всего прочего, имеет еще и объективный характер: современный мир меняется с такой скоростью, динамика этих изменений настолько высока, что ежегодно возникают новые явления, не имеющие прямых аналогов в мировой истории, которые требуют своего определения и описания.

Тем не менее необходимо признать, что при всей эклектичности и публицистичности термины «гибридные войны» и «цветные революции» описывают объективные, реально существующие явления, и эти явления все больше распространяются в современном мире, оказывая заметное влияние на мировой политический процесс, политическую динамику и на трансформацию системы международных отношений. Наличие в их названии терминов «война» и «революция» указывают на их высокую социальную опасность, они играют сигнальную функцию, и такая оценка их опасности правильна. Не могу разделить мнение тех ученых, которые стремятся нивелировать значение этих новых явлений, утверждая, что гибридные войны существовали в истории человечества всегда. Мол, любая война является по своей сути гибридной.

Я убежден, что качественный эволюционный скачок и гибридные войны, и цветные революции совершили сравнительно недавно – в конце XX в. или даже позже. А их схожесть с войнами и «бархатными революциями» прошлого говорит в первую очередь о том, что ни одно принципиально новое явление не возникает в вакууме, оно всегда является результатом эволюционного процесса и всегда базируется на более ранних и более примитивных формах. Эти формы передают часть своих отличительных черт и технологических решений новым явлениям, но именно новые явления способны преодолеть технологический, военно-стратегический, цивилизационный барьеры, которые прежние формы преодолеть не в состоянии. Так происходит фазовый переход от одной политической реальности к другой, с одного витка эволюции к другому, более высокому, от набора аминокислот в «первичном бульоне» к первым формам белковой жизни. Так и в случае с гибридными войнами. По своему содержанию они – качественно новое понятие, более широкое, чем просто совокупность современных форм и методов вооруженной борьбы. То же самое можно

сказать и о цветных революциях после событий «арабской весны», кризиса 2013–2015 гг. в Украине и «зонтичной революции» в Гонконге.

Точки сопряжения

Для того чтобы точно определить, как именно соотносятся между собой гибридные войны и цветные революции, необходимо сопоставить их между собой, выявить сходства и различия, связи, объединяющие их в тех событиях, где они находят свое проявление. Прежде всего необходимо определиться с тем, что же такое гибридные войны, поскольку на этот счет существует масса различных мнений, зачастую противоречащих друг другу. Точного и однозначного определения гибридным войнам нет. Известно лишь, что впервые этот термин был брошен в оборот американскими фабриками мысли, такими как RAND Corp., Стэнфордский университет и др. Гибридные войны предполагают комбинированное использование стратегий, характерных для различных видов современных войн – традиционной, информационной, идеологической, экономической, для поражения сил и средств противника, достижения над ним военно-стратегического превосходства и силового принуждения к миру на условиях победителя. При этом гибридные войны могут вестись как в традиционной форме (предполагающей наличие линии фронта, тылов различной глубины и действия регулярной армии), так и в сетевцентрической, где линия фронта отсутствует в принципе. В гибридной войне именно информационные операции (операции информационной войны) могут иметь решающее значение для принуждения противника к капитуляции. А боевые операции вооруженных сил могут играть сервисную роль, обеспечивая организаторов информационных войн пиар-материалом, необходимым для информационных атак на сознание и подсознание противника с целью скрытого управления его поведением.

Именно такую картину мы наблюдали во время второй войны в Ираке, где боевые действия американских войск являлись конвейером для производства пиар-новостей и «мыльных опер» про войну, в операциях в Афганистане, Ливии, Сирии и теперь – в определенной мере – в гражданской войне в Украине. Целью гибридной войны по-прежнему остается классическая цель войны традиционной – военное поражение, уничтожение и капитуляция противника. Это важно понимать, потому что в противном случае

понятие гибридных войн быстро размывается и приобретает спекулятивную окраску.

В этом и заключается основное отличие гибридной войны от цветной революции. В отличие от гибридной войны, главной и единственной целью цветной революции является организация государственного переворота и ничто иное. Цветные революции – это технологии государственных переворотов в условиях искусственно созданной нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа, а инструментом шантажа выступает молодежное протестное движение, организованное по специальной сетевой схеме. Цель цветных революций – государственный переворот; после его успешного осуществления цветная революция заканчивается. На практике цветные революции довольно часто перерастают в вооруженные мятежи или сочетаются с военной интервенцией, но применение военной силы в цветных революциях – скорее исключение, чем правило. Но цветные революции, являясь технологиями демонтажа политических режимов, создают условия для вмешательства других государств во внутренние дела страны, ставшей жертвой цветной революции, для военной интервенции, военных мятежей, гражданских войн. Это мы хорошо видим на примере Украины.

Таким образом, все же наличие существенных отличий не позволяет полностью объединять современные гибридные войны, ставшие новой формой и содержанием современных вооруженных конфликтов, и цветные революции, ставшие инструментами организации государственных переворотов и принудительного демонтажа политических режимов. Гибридная война – это последовательность боевых операций, цветная революция – технология. Это не позволяет рассматривать цветную революцию в качестве одной из фаз гибридной войны, хотя технологии цветных революций могут использоваться в гибридных войнах в строгом соответствии с целями и задачами гибридных войн. Вместе с тем все же есть кое-что, что их объединяет: цветные революции довольно часто становятся прелюдией для гибридной войны, формируя условия, необходимые для перевода конфликта в военную фазу. Примером этого может служить нынешняя Украина. При этом часто реализуется следующая цепочка: цветная революция (инцидент – протест – майдан) – вооруженный мятеж – гражданская война – гибридная война. Цветная революция при этом играет роль спускового механизма гибридной войны, а ее технологии могут

использоваться организаторами гибридных войн в целях провоцирования вооруженного конфликта.

Цветные революции сквозь призму гибридных войн

В современной политической реальности цветные революции – одно из наиболее разрушительных и наименее изученных явлений мировой политики. Именно с ними сегодня связывают технологические схемы и приемы осуществления принудительного демонтажа политических режимов в государствах с неустойчивыми формами демократии, построенной по западным лекалам, или в государствах восточного типа, в которых демократическая форма правления довольно часто в принципе отсутствует.

Сопровождающий госперевороты демонтаж государственности и утрата суверенитета выдаются за процесс демократизации, модернизации, либерализации или «приобщения к европейской культуре», и несколько реже – за действие «мягкой силы».

Практически всегда прямым следствием цветных революций, помимо осуществления их главной (и единственной) задачи – совершения государственного переворота, становится погружение страны в политический хаос, который американцы любят называть «управляемым», переход страны под внешнее управление (вспомните назначение иностранцев-«легионеров» на ключевые посты в Кабинете министров современной Украины), а также гражданская война, геноцид мирного населения и военная интервенция.

Дальнейшая судьба этих государств печальна: люди, экономика, природные ресурсы становятся расходным материалом для инициирования цветных революций в других странах, для провоцирования новых международных конфликтов, в которых особая роль отводится новым акторам – государствам-провокаторам, ведомым марионетками, поставленными Вашингтоном, готовыми на все ради расположения и благосклонности своих настоящих американских «хозяев».

Довольно часто страны-провокаторы (такие как Грузия в российско-грузино-югоосетинском конфликте 2008 г., Украина в гражданской войне в Донбассе или некоторые страны Балтии, предоставляющие свою территорию для ударных группировок НАТО) получают от США статус основного союзника вне блока НАТО и миллиардные кредиты на закупку новейших вооружений и военной техники.

При всей неоднозначности отношения современного общества к такого рода мятежам все же следует признать, что большинство из них – чрезвычайно эффективный инструмент преобразования политической картины мира, который сегодня находится в неустойчивом и несбалансированном состоянии, называемом «кризисом однополярного мира».

При этом довольно часто свет истинной – «незамутненной» – демократии народам мира несут те самые силы, с которыми США – источник и главный организатор всех бунтов – борются всеми возможными (в том числе военными) способами. В цветных революциях «арабской весны» носителями демократических ценностей выступили монархии Персидского залива – Саудовская Аравия и Катар, жесткие авторитарные государства, в которых демократией даже не пахнет. В Египте главной движущей силой «демократизации» общества стали «Братья-мусульмане», в Ливии – исламисты, в Сирии – все те же исламисты, представленные широким спектром террористических организаций – от сирийских ячеек «Аль-Каиды», выставившей свои отряды для борьбы с Б. Асадом, от «Талибана» до «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ).

На Украине для Соединенных Штатов Америки передовым отрядом «демократизации» общества и его «приобщения к европейским ценностям» стали неонацисты, целое поколение которых США вырастили за 20 лет «независимости» страны, прошедших с момента распада Советского Союза.

Даже при поверхностном рассмотрении несложно увидеть технологию, причем одну-единственную, применяющуюся последовательно (с незначительными доработками) к различным странам как либерально-демократического, так и авторитарного типа. Однако довольно большое количество политиков и ученых продолжают рассматривать перевороты на феноменологическом уровне как социальное явление, природа которого связана с процессами модернизации традиционных обществ, обеспечивающих им скачкообразный переход в современный уклад.

Основными мотивами такого подхода, помимо принципа взвешенности, непредвзятости, историзма и следующей из него позиции принципиального отрицания любых «конспирологических» инсинуаций, нередко выступает стремление упростить себе жизнь.

Если цветные революции – явление объективное, связанное с особенностями протекания исторического процесса на совре-

менном этапе развития общечеловеческой цивилизации, то противодействовать им – дело заведомо бесполезное, так как социальное явление устранить из жизни общества нельзя, но можно пытаться регулировать его уровень социальной опасности, минимизируя издержки и максимизируя конструктивные качества.

Но при этом не очень понятно, почему именно в последние десятилетия, в эпоху просвещенной демократии и глобального демократического общества наиболее эффективным инструментом разрешения этих самых объективных противоречий стали сценарии и схемы государственных переворотов. Ведь их единственная цель – насильственный захват и удержание власти любыми способами, развязывание террора против собственного мирного населения (пример – Украина).

В целом же феноменологический подход к цветным революциям ведет к фактическому оправданию их организаторов и исполнителей. С них тем самым снимается клеймо уголовных преступников, ответственных за разрушение государства, за жертвы среди мирного населения, за геноцид, этнические чистки и военные преступления. Такие, которые сейчас совершают ВСУ и многочисленные «добровольческие» карательные батальоны в Донбассе.

В том что цветные революции являются современной формой истинных революций, таких как кубинская или никарагуанская, есть все основания сомневаться. Практически все из них, начиная от «бархатных» в Восточной Европе и заканчивая украинским евромайданом и «зонтичной» в Гонконге, сделаны как под копирку по одному и тому же, как его называют в Великобритании, «демократическому шаблону».

Все разговоры о демократизации и мягкой силе, транзите демократических ценностей (или дрейфе их же) выглядят при этом как легенда прикрытия (выражаясь языком разведчиков и шпионов), так как именно этим они и являются. Их сила в другом: перевороты дают гарантированный результат при строгом соблюдении технологического цикла.

Эти технологии действуют как часы и дают сбой только в редчайших случаях, что делает их высокоэффективным и потому опаснейшим инструментом демонтажа современных политических режимов. И сегодня он находится в руках (в эксклюзивном владении) североамериканских англосаксов – прямых авторов и разработчиков этих технологий. Только они умеют этот инструмент

применять таким образом, чтобы не нарушить технологический цикл.

Вместе с тем любая технология предполагает повторение одной и той же последовательности элементарных операций. Организационная технология предполагает многократное чередование одной и той же последовательности этапов или фаз. Цветные революции не являются исключением: развитие событий в них всегда проходит через шесть ключевых этапов, выстраивающихся в единую технологическую цепочку.

В этой особенности кроется главная возможность организации системного противодействия им: если речь идет о применении одной и той же технологии, то действия и тактику поведения ее организаторов, исполнителей и сценаристов всегда можно просчитать на много ходов вперед.

Успешность операции целиком зависит от строгости соблюдения технологического цикла: каким бы сильным и гениально прозорливым ни был ваш противник, он будет вынужден следовать правилам и неизбежно пройдет все этапы, предусмотренные базовым сценарием цветной революции, и в той самой последовательности, которая указана в технологической «инструкции к применению».

Это, в свою очередь, означает, что, своевременно выявив признаки подготовки к мятежу и определив, на каком этапе эта операция находится, можно точно вычислить контрольную точку процесса, в которую противник обязательно придет, следуя требованиям и логике технологического процесса, и в которой он окажется уязвим для заранее спланированной и подготовленной контратаки.

С точки зрения эволюции, цветные революции и гибридные войны развиваются по разным траекториям, что также подчеркивает тот факт, что это явления, имеющие различную природу. Цветные революции стремятся выработать такую технологическую схему воздействия на политические процессы, при которой применение прямой вооруженной силы станет излишним и просто вредным для достижения конечной цели – организации государственного переворота под прикрытием массовых протестов. Гибридные войны, напротив, ищут для прямой вооруженной силы новые форматы, модели и ниши применения. Возможно, это прямой пример того, как именно классические инструменты политического воздействия – жесткая и мягкая силы – пытаются приспособиться к новой политической реальности, к новой среде, которая

не является дружественной и податливой ни для чисто «мягких», ни для чисто «жестких» технологий. При этом эволюция жестких методов воздействия идет по пути гибридизации, «прививки» им «мягких» вакцин, часть из которых гибридные войны имплементируют в свой набор инструментов политического воздействия, комбинируя их и сочетая с «жесткими» инструментами (так появляется «умная сила»). А часть – отторгают, вырабатывая на них «антидот». Эволюция же «мягких» методов, к которым относятся классические схемы и технологии цветных революций, идет по пути «навешивания» на классическую схему, применявшуюся в «бархатных революциях» в Восточной Европе, новых «гаджетов». Это сервисные функции, предполагающие более широкое использование жесткой силы, такие как технологии «управляемого хаоса». В последних версиях цветных революций – например, в Украине 2013–2014 гг. – обязательным элементом сценария цветной революции стала работа снайперов по активистам Майдана и просто мирным гражданам с целью повышения уровня агрессивности толпы. Это типичный пример применения инструментов жесткой силы, имплементированных в более «мягкую» структуру сценариев цветных революций.

Именно на поле этих гаджетов технологии гибридных войн и цветных революций взаимно пересекаются: это информационные войны (операции и инструменты информационно-психологической войны) и технологии управляемого хаоса. И то, и другое успешно и эффективно используется и в гибридных войнах, и в цветных революциях, но – для достижения разных целей. В последнее время появилась мода на дальнейшее усложнение терминов: многие эксперты стали говорить о гибридной «хаос-войне», продолжая конструировать сущности и смешивая различные понятия. Во многом это размножение терминов не является оправданным. Их содержательная часть требует тщательного уточнения и конкретизации с опорой на методологический аппарат политической, военной и иных смежных наук.

«Стратегия России», М., 2015 г., № 7, с. 17–24.

М. Горшков,
академик РАН, почетный доктор ЮФУ,
директор Института социологии РАН
**О ВЛИЯНИИ НЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ОБЩЕСТВА**

В отличие от большинства других общественных и гуманитарных наук, вовлеченных в процесс познания общества и изучающих отдельные функционирующие в нем подсистемы и подструктуры, внутренние закономерности их развития, социология исходила и исходит из представлений о социуме как целостном образовании. Благодаря этому общественное бытие, «измеряемое» социологами, принимает форму устойчивой, но одновременно способной к мобильности и движению системы взаимодействующих институтов и процессов, интерес к которым опосредуется их местом и ролью в системе общественных отношений, образующих единый – действующий и живой – социальный организм.

Разумеется, системно-целостный подход к анализу общества не является «визитной карточкой» сугубо и исключительно социологической науки. В большей или меньшей степени он находит отражение, например, в трудах философов и историков. Вместе с тем нетрудно заметить, что и те и другие трактуют целостность иначе, нежели социологи. Так, в философии речь идет о целостности мира, а в истории – о целостности единого исторического процесса. В отличие от этого в социологической науке целостность общества не носит умозрительного характера, но раскрывается как конкретная реальность, исследуемая посредством обращения не только к теоретическим, но и эмпирическим методам. Как следствие, опираясь на строго установленные научные факты, социология изучает общество через призму человеческой деятельности, раскрывает потребности, интересы, ценностные ориентации, деятельность людей, их отношение и связи друг с другом, столкновение различных интересов, ориентаций, видов и способов проявления активности и т.п.

Отметим и другое: со времени своего возникновения в качестве самостоятельной социальной науки и по сей день социология изучает и раскрывает целостность как систему механизмов, вызывающих и определяющих движение, развитие общества. Неудивительно в связи с этим, что предмет социологии предлагается трактовать через понятие многочисленных и разнообразных по

характеру социальных механизмов функционирования общества как целостного организма, включая те, которые регулируют отдельные образующие его подсистемы, в том числе экономику [см.: 4].

Трактовка развития экономики как социального процесса означает, что ее развитие рассматривается не изолированно от других сфер общественной жизни, а в тесной связи с ними. Причем связь эта осуществляется через социально-экономические группы, включенные не только в экономику, но и одновременно во все другие сферы общественной жизнедеятельности. Будучи включенными во все разворачивающиеся в социуме процессы – политические, духовно-нравственные, психологические, демографические и т.п., люди, организованные в группы, становятся каналами связей между экономикой и иными сферами общества. Например, через группы власти на экономику влияют политические факторы, через семью – демографические, через национальные общности – культурологические, этнографические и др. Что это означает? А это означает, что любая социально-историческая реальность складывается, утверждается, развивается как результат взаимодействия экономического и неэкономического.

Если сформулированное положение признать за неоспоримый факт, то все модели экономического роста, исходящие исключительно из объемной, количественной стороны развития экономической системы, характеризующейся расширением ее масштабов, следует считать крайне ограниченными и неэффективными. Неудивительно в связи с этим, что одной из актуальных проблем современной экономической (да и не только) науки становится проблема воздействия разнообразных факторов на темпы и устойчивость социально-экономического развития общества.

Особый интерес к этой проблематике стал проявляться учеными со второй половины XX столетия, на волне фиксируемого в то время подъема мировой экономики. Тогда же утвердилось мнение, согласно которому основными детерминантами экономического роста являются не только валовое накопление и научно-технический прогресс, но и, как правило, зачастую не учитываемый в классических подходах (таких, например, как марксизм или маржинализм) человеческий капитал – интенсивный производительный фактор формирования инновационной экономики и экономики знаний, включающий образованную часть трудовых ресурсов, инструментарий интеллектуального и управленческого труда, среду обитания и трудовой деятельности.

Многочисленные исследования ключевых источников экономического развития, обращавшиеся к стандартным производственным функциям, не смогли подтвердить тезис о решающей (и тем более исключительной) роли в этом процессе накоплений «физического капитала» – средств производства и произведенных продуктов, участвующих в производстве товаров и услуг. Как следствие, на фоне усложнения структуры общественного воспроизводства возникла необходимость разработки моделей экономического роста, учитывающих влияние на него:

- информации;
- физико-географических условий;
- разнообразных институциональных структур;
- качественного и производительного труда;
- качества жизни;
- уровня культуры, образования, профессиональных навыков, знаний и интеллекта, состояния здоровья как компонентов человеческого капитала;
- психологических, духовно-нравственных и ряда других взаимосвязанных неэкономических факторов, через социальные практики доказавших свою способность быть действенными «мотиваторами» стабильного социально-экономического развития общества.

Установление причинно-следственных связей между экономическим ростом и обуславливающими его неэкономическими (зачастую и нематериальными, духовными, но при этом вполне объективными по своим последствиям) компонентами – проблема, бурно дискутируемая на протяжении последних десятилетий. Течение времени меняло лишь расстановку акцентов.

Вместе с тем стоит признать: несмотря на наличие достаточно обширной экономической литературы, посвященной различным аспектам влияния неэкономических факторов на рост национальной экономики, существующий уровень анализа недостаточен. Сохраняется категориальная разнородность трактовок и классификаций неэкономических факторов, недостаточно разработаны проблемы взаимодействия экономических и неэкономических факторов экономического роста, а также вопросы ранжирования и вклада различных неэкономических факторов в рост национальной экономики в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах. Кроме того, научным исследованиям вышеуказанных проблем свойственно отсутствие устоявшихся подходов к определению направлений эффективного регулирования неэкономических

факторов роста национальной экономики. С учетом сказанного выше данные проблемы нуждаются в самом пристальном внимании.

Глобальный экономический кризис 2008–2009 гг., последствия которого получили новое развитие в связи с резким изменением конъюнктуры на нефтяных и финансовых рынках в 2014 г., в еще большей степени продемонстрировал значимость неэкономических факторов в системе антикризисных мер и возможностей удержания экономической стабильности и восстановления хозяйственного роста. Внимание научной общественности, представителей политических кругов, различных социальных слоев и групп населения обращено в наши дни к изучению особенностей взаимосвязи, существующей между экономическими и неэкономическими составляющими социально-экономического развития, к разработке направлений и способов совершенствования регулирования неэкономических факторов, оптимизации их роли в преодолении внезапно возникающих кризисов.

При этом основным императивом проводимых изысканий становится гуманизация экономики, означающая приоритет человеческой личности в системе факторов и целей экономического развития [см.: 3; 7]. Подобная постановка вопроса неслучайна, ибо сама сущность развития определяется ориентированностью на человека, на человеческий потенциал как основное богатство любого общества, а базовой целью экономического роста страны признается увеличение объемов производства благ и услуг во имя улучшения их качества и обеспечения на этой основе более высокого уровня жизни. В этом отношении общепризнанным становится тот факт, что наиболее важные и значительные по своим последствиям качественные сдвиги в воспроизводственном процессе лидирующих в экономическом отношении стран мира происходят не в материальной сфере, а в области, связанной с развитием человека, удовлетворением его потребностей.

Экономические и неэкономические факторы экономического роста обладают определенной асинхронностью в масштабах и глубине действия на разных фазах экономического цикла. В период экономического спада роль и значение некоторых неэкономических факторов возрастает, в то время как экономические факторы имеют все более ограниченное влияние. В периоды экономического подъема – наоборот. Это происходит потому, что адекватная антициклическая политика государства усиливает действие неэкономических факторов, которые играют трансляционную (переда-

точную) роль в экономической системе и воссоздают общественный, побудительный импульс к развитию экономики.

Иначе говоря, неэкономические факторы роста довольно трудно привести к общему знаменателю: они в разной степени воздействуют на экономический рост в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах; в разной степени взаимосвязаны с экономическими факторами роста. Как следствие, их объективная или субъективная природа по-разному влияет на экономическое развитие (табл. 1).

Таблица 1

**Количественная оценка влияния
неэкономических факторов на динамику
российской экономики, % [5]**

Факторы экономической динамики	Вклад факторов в экономический подъем	Вклад факторов на этапе экономической рецессии
Вклад экономических и неэкономических факторов в прирост (сокращение), всего, в том числе:	100	100
1. Удельный вес экономических факторов	76	68
2. Удельный вес неэкономических факторов, в том числе:	19	26
– психологического	4	11
– институционально-политического	3	5
– инновационно-технологического	3	2
– физико-географического	6	4
– прочих неэкономических факторов	3	4

Если говорить о физико-географическом факторе, то он оказывает непосредственное воздействие на экономический рост через производительность, накопление труда и капитала, влияя на миграционное поведение людей и размещение инвестиций, и косвенное – определяя направления торговли и развитие институтов. В качестве примера стран, которые эффективно используют транспортную составляющую своего экономико-географического положения, можно назвать Нидерланды, Панаму, Египет, Сингапур, Эстонию, государства Центральной Европы, а геополитическое положение – Турцию. Так, доля доходов от транзита в общем объеме экспорта Нидерландов превышает 40%, а Турция практически контролирует проход крупнотоннажных танкеров через

проливы Босфор и Дарданеллы, ограничивая этим экспортные возможности России. Между тем и сама Российская Федерация ввиду своего крайне выгодного положения способна войти в число стран, которые активно используют свое геополитическое положение (в особенности после воссоединения Крыма с Россией).

Что касается инновационно-технологического фактора, то современный опыт свидетельствует: все наиболее динамичные страны добились высокого уровня конкурентоспособности собственных национальных экономик на основе становления инновационного типа развития общества. До 80–90% годового прироста ВВП достигается здесь за счет инновационного сектора. Таким образом, в настоящее время важнейшим фактором повышения конкурентоспособности национальной экономики становится стимулирование инновационного развития страны. В связи с этим актуальным оказывается вопрос оценки влияния инноваций на конкурентоспособность национальной экономики.

Если речь идет о наиболее развитых странах, то в них создаются крупные научно-исследовательские центры – целые города, занимающиеся разработкой и внедрением в производство новых технологий. В России подобные центры существовали давно. Это в первую очередь всем известные научные города, получившие название «научограды».

В современных условиях вызревшая проблема по объединению инновационных высокотехнологических проектов была решена при помощи создания центра инновационных технологий «Сколково». Выделение данного проекта подразумевает создание среды для формирования инновационного знания, способного обеспечить прорывное развитие России через реализацию передовых с научной и состоятельных с коммерческой точки зрения проектов в условиях жесточайшей глобальной конкуренции. Однако решение этой задачи, достижение указанных целей будет возможно лишь при условии высокоэффективной кооперации фонда «Сколково» с ныне действующими и уже существующими институтами развития.

Под психологическим фактором следует понимать массовидные духовно-психологические образования, которые определяются явлениями морально-психологической атмосферы, общественного мнения, социальных чувств и умонастроений, общественных волевых побуждений. Они редко берутся в расчет экономической результативности, хотя способны служить и дейст-

вительно оказываются стимулами либо антистимулами массовых экономических действий.

Если же говорить об институционально-политическом факторе, то следует отметить, что политическая и экономическая сферы общества неразрывно связаны и представляют собой взаимодействие государства, гражданского общества и личности, т.е. основополагающих «определителей» любого общественного устройства.

Проблема поиска адекватной национальным особенностям и веяниям времени модели экономического развития особенно актуальна для современной России, экономика которой долгое время обеспечивала указанный рост преимущественно за счет экстенсивных факторов. Кризис 2008–2009 гг. со всей определенностью показал, что российское общество находится на новом ветке, по сути – на переломе социально-экономического развития. К тому же прорыв к новому качеству роста осложняется событиями и процессами 2014 г. и нынешнего года, связанными с обострением международной обстановки в связи с украинским кризисом и принятием Западом антироссийских санкций.

Однако, как показывают история и практика российских трансформаций, социальный опыт преодоления экономических кризисов и социальных деструкций, именно в условиях внешнего давления, новых вызовов и угроз происходит мобилизация неэкономических факторов повседневной жизни россиян, а массовый социально-психологический и волевой ресурс начинает выполнять компенсаторную функцию сохранения в обществе социально-экономической стабильности.

Данный вывод вытекает не только из результатов прежних многолетних исследований ИС РАН, но и из материалов крупнейшего за последнее время общенационального социологического опроса, проведенного учеными института в ходе реализации научного проекта Российского научного фонда. Исследование было проведено в октябре-ноябре 2014 г., носило аналитический и мониторинговый характер и было направлено на выявление устойчивых и меняющихся характеристик российского социума в контексте новых реалий времени с учетом взаимовлияния социально-экономических, политических, социокультурных и этнорелигиозных факторов на общественную ситуацию в стране.

Объем выборочной совокупности исследования составил 4 тыс. респондентов в возрасте 18 лет и старше, представляющих

основные социальные группы населения и жителей всех территориально-экономических районов страны, согласно данным Росстата.

Анализ полученных результатов исследования позволяет представить следующую социолого-аналитическую картину духовно-психологических параметров текущего состояния неэкономических ресурсов российского общества. Поскольку в осуществленном исследовании использовалось большое число параметров (показателей) неэкономического, в том числе духовно-психологического, характера, в данной статье приводятся характеристики следующих из них:

- массовая оценка общественной ситуации и тех изменений, которые произошли в стране за последнее десятилетие;
- социально-психологическое состояние населения;
- степень удовлетворенности населения основными аспектами своей жизни;
- соотношение активного и инертного населения в контексте адаптации к изменяющейся экономической реальности;
- ценностно-нормативные и цивилизационные ориентации россиян в условиях новых реалий.

Что касается социально-экономического контекста происходящих в стране процессов, он характеризуется неоднозначным восприятием россиянами социальных перемен. К концу 2014 г. большинство населения оценивало ситуацию в стране как кризисную и тревожную, а треть – как нормальную, спокойную.

Анализ динамики этих оценок показывает, что в период после экономического кризиса 2008–2009 гг. негативные оценки ситуации в стране демонстрировали тенденции к снижению, в то время как положительные оценки, наоборот, росли. Однако в последний год произошел рост доли населения, считающего ситуацию в стране напряженной, кризисной (с 43 до 53%). Ресурсом этого роста стало снижение доли тех, кто затруднялся в прежние периоды дать конкретную оценку процессам, происходящим в стране.

Оценки общественной ситуации дифференцируются по ряду параметров, ключевым из которых выступает самооценка индивидом своего материального положения. Влияние на нее оказывают также возраст и тип поселения (в наибольшей степени обеспокоены текущей ситуацией жители мегаполисов).

Оценивая направления социальных перемен в стране за последний год, россияне разделились на две сопоставимые по численности группы, отмечающие перемены к лучшему (45%) и пе-

ремены к худшему (43%). Обращает на себя внимание резкий рост доли отмечающих перемены к худшему, произошедший за последний год (эта доля выросла с 2013 г. на 25%). Кроме того, наблюдается всё бóльшая поляризация мнений по данному вопросу среди населения, что свидетельствует о растущей дифференциации реального положения представителей различных социальных групп.

В контексте преобладания позитивных оценок населения над негативными выделяются изменения в двух сферах общественной жизни – борьбы с терроризмом и состоянии экономики страны. Что касается уровня жизни населения, ситуации в области прав и свобод и развития демократии, а также сферы борьбы с коррупцией, закона и порядка, то оценки россиян здесь неоднозначны: изменения, происходящие в этих сферах, оцениваются как положительно, так и отрицательно. В оценках изменений в сфере межнациональных отношений доля отмечающих их негативную направленность оказалась максимальной, что подчеркивает особую остроту данной проблемы. Наконец, в сферах международного положения страны, ситуации в социальной сфере, морального состояния общества преобладают негативные оценки динамики происходящих в них процессов (табл. 2).

Таблица 2

**Оценка россиянами изменений
в различных сферах жизни российского общества
за последнее десятилетие, %**

Сферы жизни общества	Лучше	Не менялось	Хуже
Борьба с терроризмом	43	47	10
Состояние экономики страны в целом	46	30	24
Уровень жизни населения	37	33	30
Ситуация в области прав и свобод, развитие демократии	21	61	18
Борьба с коррупцией, законность и правопорядок	24	51	25
Международное положение страны	33	27	40
Ситуация в социальной сфере (здравоохранение, образование, культура)	25	41	34
Моральное состояние общества	25	37	38
Межнациональные отношения	18	39	43

Ожидания населения относительно будущего страны могут быть охарактеризованы как сдержанно тревожные: почти половина респондентов сходятся во мнении, что страну ожидают трудные времена; четверть россиян считают, что страна будет развиваться успешно; аналогичная доля не ожидает никаких принципиальных изменений в развитии страны. Отмечаемая тревожность свойственна россиянам в отношении не только ситуации в России, но и в мире.

Социальный контекст происходящих в стране трансформаций четко отражается в социально-психологическом состоянии населения. Почти половина россиян осенью 2014 г. характеризовалась негативным социально-психологическим состоянием (четверть ощущали чувство тревоги, каждый пятый испытывал апатию, раздраженность).

Вместе с тем немногим более половины наших сограждан испытывали в целом положительные самоощущения (уравновешенность, спокойствие, эмоциональный подъем). При этом сопоставление показателей психоэмоционального состояния российского населения в 2013 и 2014 гг. показывает: никаких сколько-нибудь резких изменений в них не произошло (табл. 3).

Таблица 3

**Самооценка россиянами повседневного
эмоционально-психологического состояния,
2013–2014 гг., %**

Самооценка социально-психологического состояния	2013	2014
<i>Положительное социально-психологическое состояние, в том числе:</i>	63	54
Ощущают эмоциональный подъем	7	6
Чувствуют себя спокойно	56	48
<i>Негативное социально-психологическое состояние, в том числе:</i>	37	46
Ощущают чувство тревоги, надвигающейся беды	14	25
Находятся в состоянии безразличия, апатии	10	9
Ощущают чувство раздраженности	11	10
Ощущают чувство озлобленности	2	2

В целом анализ текущего социального контекста и его динамики за последние полтора десятилетия дает возможность говорить о тесной взаимосвязи микро- и макросоциальных процессов и явлений. Как показывают результаты социологических исследова-

ний ИС РАН, подъемы и спады социального самочувствия россиян практически совпадают (с небольшим временным лагом) с периодами стабилизации и дестабилизации ситуации в России и мире, а их уверенность в завтрашнем дне во многом оказывается сопряженной с пониманием созависимости внешних и внутренних факторов. Противоречивые оценки, которые россияне дают происходящим социальным переменам, свидетельствуют о сложившейся в массовом сознании неопределенности относительно тенденций и перспектив развития страны.

Социально-экономический контекст воздействия текущих процессов на состояние умов и настроения россиян в значительной степени определяется уровнем их доходов. Не только по статистическим, но и по социологическим данным в последние годы доходы населения заметно выросли. Причем тенденция их роста сказалась и на умонастроениях общества, и на умонастроениях власти. И у тех, и у других это вызвало своего рода «эйфорию благополучия», которая вместе с тем слабо подкрепляется реальной динамикой роста ресурсообеспеченности россиян в целом. В настоящее время большинство населения страны не имеет длительного «запаса прочности», притом что свыше 40% наших сограждан выражают уверенность в возможности обеспечения себя и своей семьи без поддержки государства (слой самодостаточных граждан).

Доходы более двух прожиточных минимумов на каждого члена домохозяйства имеют лишь около 45%. Это означает, что к возможной ситуации ухудшения положения дел в экономике Россия подходит с далеко не радужным экономическим состоянием домохозяйств, как может показаться, исходя только из данных о росте доходов населения за последние годы. К тому же доходы населения очень дифференцированы – даже в массовых его слоях, попадающих в социологические опросы, разрыв между имеющими максимальные и минимальные доходы группами россиян весьма велик. В зависимости от того, где провести линию этих «верхов» и «низов», такой разрыв будет составлять от 4,3 до 40 раз.

На общую дифференциацию доходов в стране накладываются глубокие региональные и поселенческие неравенства. Уровень доходов массовых слоев населения страны различается в разных субъектах Федерации более чем в три раза, причем это касается не только средних, но и медианных показателей доходов населения в них. В итоге в разных регионах существует разный «запас прочности» на уровне домохозяйств. Дополнительно усложняют картину социальной диагностики глубокие общественные неравенства,

которые, совмещаясь в условиях разной поселенческой структуры с региональными неравенствами, еще больше усугубляют неравенства в доходах, доступе к качественной медицине и образованию. При этом наблюдается общая закономерность: чем мельче населенный пункт, тем меньше в нем и все показатели, характеризующие доходы его жителей, их удовлетворенность собственной жизнью в целом.

Следует подчеркнуть, что последние два десятилетия ознаменовались значительным сокращением занятости в госсекторе. Однако при всех плюсах этого процесса с точки зрения реализации задачи перехода к рыночной экономике он имеет и ряд негативных сторон. Среди них, как показывают многочисленные исследования ИС РАН, прежде всего, гораздо более низкая социальная защищенность работников приватизированных и особенно вновь созданных частных предприятий. Кроме того, если в 1990-е годы переход в частный сектор означал практически автоматический рост зарплаты, то ныне картина принципиально иная. Уровень доходов работников практически полностью выровнялся по предприятиям всех типов собственности, что говорит о постепенном преодолении необоснованных неравенств в этой области. Однако, учитывая, что в госсекторе доля работников с высшим образованием более чем вдвое выше, чем на приватизированных и вновь созданных частных предприятиях, такая ситуация с доходами работающих в госсекторе означает продолжающую иметь место недооценку профессиональной квалификации при установлении уровня зарплат, а тем самым, в сущности, «недоплату» работникам.

Как показало общенациональное исследование, в условиях нарастания ощущения нестабильности своего положения россияне работают на пределе своих физических возможностей с учетом тех шансов, которые дают им локальные рынки труда. В итоге половина работающего населения страны «перерабатывает», средняя продолжительность рабочего дня составляет в современной России вместо положенных по законодательству 8 часов – 9 часов, а медианный ее показатель – 8,5 часа. При этом каждый седьмой имеет рабочий день в 12 и более часов. Меньше предусмотренного российским законодательством времени рабочей недели имеет продолжительность труда лишь каждый пятый россиянин, часть которых составляют работающие пенсионеры, характеризующиеся в массе своей занятостью на неполный рабочий день или неполную рабочую неделю. Максимальные нагрузки отличают сегодня

в России, прежде всего, работников в возрасте 31–40 лет, рабочих и жителей мегаполисов.

Как это ни парадоксально, но несмотря на все социально-экономические коллизии времени, население России, согласно социологическим данным, скорее удовлетворено своей жизнью, чем не удовлетворено ею (табл. 4).

Таблица 4

**Оценка россиянами различных аспектов
своей жизни, 2014 г., %**

Сфера жизни	Хорошо	Плохо	Разница
Отношения в семье	61	5	57
Общение с друзьями	55	4	51
Питание	41	5	36
Место, регион ожидания	39	10	29
Положение, статус в обществе	35	7	28
Ситуация на работе	33	10	23
Одежда и обувь	30	8	22
Жилищные условия	34	12	22
Реализация себя в профессии	34	14	20
Возможность получения необходимого образования	27	17	10
Уровень личной безопасности	31	11	20
Состояние здоровья	32	13	19
Возможности досуга	31	16	15
Материальная обеспеченность	21	18	3
Возможность отдыха	22	25	-3
Жизнь в целом складывается	36	5	31

При этом выявляется неоднозначная картина самооценок россиянами различных аспектов собственной жизни. С одной стороны, наиболее распространенными во всех сферах, кроме отношений в семье и с друзьями, являются оценки «удовлетворительно», которые дает более половины населения. Наряду с этим по ряду позиций картина в течение 2014 г. ухудшилась, особенно существенно по ситуации на работе, возможностям отдыха в период отпуска и проведения досуга. С другой стороны, позитивные оценки россиян продолжают доминировать по степени распространенности над негативными. Причем по большинству аспектов их жизни, а по некоторым из них (удовлетворенность собственным социальным статусом, уровнем личной безопасности) показатели превышения доли позитивных оценок над негативными даже

выросли. Обращает на себя внимание то, что показатели удовлетворенности населения своей жизнью в последние годы достаточно устойчивы.

Противоречивость картины удовлетворенности или неудовлетворенности населения своей жизнью объясняется неоднородностью причин, ведущих к различным оценкам. Как никогда ранее, значительны в последние годы показатели доли россиян, довольных теми сторонами своей жизни, которые связаны с возможностью удовлетворения базовых потребностей человека, причем как физиологических (питание, одежда, «крыша над головой»), так и социальных (хорошие отношения в семье и с друзьями). Это не может не сказываться и на устойчивости высоких показателей, оценивающих в целом жизнь как хорошую. В то же время, отмечая данный факт как безусловно положительный, переоценивать его не следует. Например, что касается возможностей удовлетворения базовых физиологических потребностей, то значительное большинство россиян (59–70%) оценивает свою жизнь лишь как удовлетворительную или плохую. В итоге, учитывая их блокирующую роль для высоких оценок собственной жизни, лишь чуть более трети наших сограждан оценивают на «хорошо» и свою жизнь в целом. В настоящее время такая самооценка своей жизни более типична в России для людей с традиционным набором ценностей, которые ориентированы на их микромир. В то же время есть и более продвинутая, ориентированная на социум в целом, часть населения с более сложной структурой потребностей, которая имеет возможность удовлетворять их в полной мере и которая также вполне довольна своей жизнью.

Стоит выделить тот факт, что немногочисленная на конец 2014 г. группа россиян (5%), активно недовольных своей жизнью и оценивающих ее как плохую, распадается на две подгруппы: 1) тех, кто недоволен своей жизнью из-за невозможности удовлетворения базовых физиологических или социальных потребностей; 2) относительно более многочисленную группу тех, кто недоволен своей жизнью из-за того, что она не дает им возможности реализовать ту жизненную модель, которая была бы для них желательна (т.е. у них нет возможностей самореализации ни в производственной, ни в досуговой сферах, при этом их материальное положение вызывает у них неудовлетворенность). В результате интегральной оценкой такой неудовлетворенности выступает характерное для большинства из них недовольство своим местом в обществе.

О локализации удовлетворенности или, напротив, неудовлетворенности своей жизнью в выделенных на основе формальных признаков социальных группах можно говорить с большой долей условности. Фактически четко просматривается в данной области лишь одна закономерность – с увеличением возраста доля оценивающих свою жизнь как хорошую падает с 45 до 25%. Однако неудовлетворенность жизнью при этом не растет, находясь во всех возрастных группах на уровне 5–6%. Что же касается пола, профессиональной принадлежности, образования, места жительства и т.д., то хотя в группах, выделенных по части данных признаков (например, образованию или профессиональному статусу), различия в степени удовлетворенности своей жизнью и наблюдаются, их статистическая значимость относительно низка.

Если сопоставить данные осуществленного и ранее проведенных исследований ИС РАН, то можно зафиксировать высокую дифференциацию российского общества по тем нормам, ценностям и установкам, которыми россияне руководствуются в своей повседневной жизни. Однако притом что выявлены основания, позволяющие констатировать постепенное движение россиян от инертности в сторону активизма, группы активных и инертных наших сограждан в настоящее время близки по численности и составляют около 40%. А каждый пятый россиянин может быть отнесен к представителям смешанного типа, чьи взгляды носят не полностью согласованный характер, совмещая в себе активные и инертные установки и ценности одновременно (рис. 1).

Инертный – 37%

Активный – 40%

Смешанный – 23%

Рис. 1. Различные модели социальной адаптации, 2014 г., %

Если же рассматривать установки населения по отношению к власти и его представления о желаемом пути развития и позиционирования страны, то степень дифференциации взглядов здесь значительно ниже. Например, доля этактистов-державников не только составляет более половины всего населения (59%), но и в разы превышает в этом случае долю последовательных либералов, которые вообще в настоящее время находятся в явном меньшинстве в российском обществе (8%).

Группы с разными типами ориентации на модели социальной адаптации сближает общий запрос на социальную справедливость. Но если для россиян активного типа социальная справедливость должна достигаться через обеспечение прав человека, демократию и свободу самовыражения личности, то для россиян инертного типа более характерен запрос на жесткую власть, которая сможет обеспечить порядок, а также возвращение к традиционным ценностям. Что касается групп с разными типами ориентации на модели позиционирования страны, то этатисты-державники воспринимают идею социальной справедливости через возвращение к национальным традициям и Россию как империю, объединяющую разные народы, а либералы – через идеи прав человека, демократию и сближение с Западом.

Рассмотрение общих тенденций и социокультурных особенностей ценностно-нормативной системы россиян в этнокультурном контексте позволяет сделать два ключевых вывода.

Во-первых, ценностно-нормативная система россиян, независимо от их этнической принадлежности, в настоящее время устойчиво базируется на традиционалистских основаниях. Однако было бы ошибкой полагать (как это нередко трактуется), что опора на традицию означает ориентацию чуть ли не на все конкретные практики предыдущих поколений. Современный традиционализм – это ориентация на такие практики, которые в массовом сознании общепризнанны и разделяются большинством сообщества. А это могут быть в равной мере как досоветские практики, так и советские, утвердившиеся в общественном сознании как нормальные и естественные и принятые массовыми слоями уже в постсоветский период. В таком понимании общая для всех народов опора на традицию (как на общепринятое) отнюдь не противоречит этнокультурному разнообразию конкретных традиций, но предполагает в качестве общероссийской ценности уважение к сложившимся традиционным основам образа жизни и практикам социального взаимодействия на различных территориях России.

Во-вторых, практически все этнические группы Российской Федерации в равной мере включены в процессы модернизации. При этом на разных национальных территориях страны приоритеты модернизации той или иной сферы социально-экономической или социально-политической жизни могут быть различными. И это естественно, поскольку одни этнические группы, в силу региональных особенностей постсоветского периода, включились в этот процесс раньше, другие – позже. Исторический опыт пока-

зывает, что инновации, как технологические, так и социально-политические, всегда распространялись в России от «центра» к «периферии», а «центр» – это территории с доминантным русским населением. В данном контексте различное соотношение традиционного и модернистского в сознании и поведении разных этнических и территориальных сообществ – явление закономерное, заслуживающее специального изучения.

Общую картину состояния российского общества ярко дополняют внешнеполитические ориентации россиян. Сразу же подчеркнем, что внешнеполитический контекст исследования показал: российское общество в основном избавилось от посттравматического синдрома, вызванного крахом Советского Союза. Большинство наших сограждан гордятся своей страной, относят ее к числу ведущих мировых держав. В то же время полученные данные показывают, что в обществе экспансионистские, имперские настроения широкого распространения не имеют. Для большинства россиян главной предпосылкой возвращения России в число ведущих мировых держав является не агрессивная внешняя политика, а решение внутренних политических, социально-экономических и культурных проблем. Другими словами, россияне считают, что для того чтобы занять законное место в «высшей лиге» мировой политики, наша страна должна укрепиться изнутри, обеспечив благосостояние и безопасность своих граждан. При этом особое значение в решении данной задачи за последнее десятилетие приобрела, по их мнению, необходимость возрождения в обществе высокого уровня культуры (табл. 5).

Таблица 5

Ответы на вопрос: «Что необходимо сделать, чтобы Россия стала великой державой?», 2005–2014 гг., %

Варианты ответа	2005	2014
Иметь развитую современную экономику	64	58
Обеспечить высокий уровень благосостояния граждан	56	53
Иметь мощные Вооруженные силы	44	44
Возродить высокий уровень культуры	23	39
Соблюдать нормы демократии и прав человека, принятые в цивилизованном мире	19	14
Стать мировым центром влияния, способным регулировать международные конфликты	11	13
Стать цивилизованным мостом между Европой и Азией	7	8
Получить контроль над территориями бывшего СССР	14	8

В условиях осложнившейся международной обстановки, ухудшения отношений с Западом и угрозы изоляции интерес российских граждан к событиям и процессам международной жизни существенно вырос. Поддерживая внешнеполитический курс руководства страны, россияне тем не менее обеспокоены ростом напряженности в отношениях с Западом. Бóльшая их часть полагает, что Россия и США вновь возвращаются к холодной войне. Постоянно снижается уровень доверия населения к Европе, что, в свою очередь, ведет к росту числа россиян, сомневающих в принадлежности нашей страны к европейской цивилизации и полагающих, что у современной России свой особый вектор развития (рис. 2).

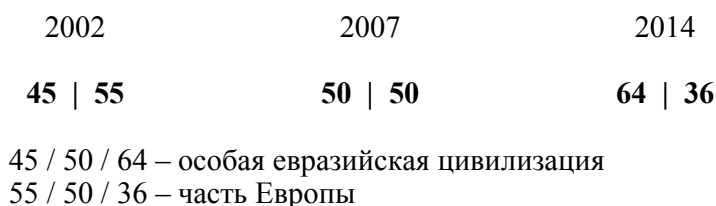

Рис. 2. Представление россиян о месте России в Европе и мире, 2002–2014 гг., %

Несмотря на эмоциональную реакцию на некоторые события международной жизни, массовое сознание россиян прагматизируется. Нынешнее поколение наших сограждан не питает иллюзий относительно истинных намерений некоторых наших партнеров. В то же время у них нет синдрома «осажденной крепости». Подавляющее большинство россиян выступает за международное сотрудничество, но только такое, которое позитивно сказывается на жизни внутри страны. Подобные умонастроения, скорее всего, и будут преобладающими в ближайшей перспективе.

Уже рассмотренный ограниченный перечень параметров духовно-психологической составляющей неэкономических факторов показывает природу их противоречивости, многомерности, возможной изменчивости и устойчивости. Становится эмпирически зримее и сложный механизм взаимодействия экономического и неэкономического, вовсе не отличающийся исключительно прямолинейными связями и влияниями первого на второе. Тем более в условиях переломных этапов исторического развития важно на мониторинговой основе вести социологический анализ динамики

воздействия неэкономических факторов на состояние и развитие общества, выявляя в конкретных ситуациях жизни страны их доминирующую роль.

Литература

1. Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М., 2014. – 304 с.
2. Горшков М.К. Средний класс как отражение экономической и социокультурной модели современного развития России // Социологические исследования. – 2015. – № 1. – С. 35–44.
3. Гринберг Р.С. Найти выход из мирового тупика // Мир перемен. – 2013. – № 1. – С. 3–10.
4. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: Очерки теории. – Новосибирск, 1991. – 448 с.
5. Ипатов П.Л. Неэкономические факторы роста российской экономики: Особенности и проблемы регулирования. – СПб., 2009. – 118 с.
6. О чем мечтают россияне: Идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М., 2013. – 400 с.
7. Федотова В.Г., Колпаков Н.Н., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. – М., 2008. – 558 с.

*«Гуманитарий Юга России»,
Ростов-на-Дону, 2015 г., № 1, с. 15–25 (начало)
№ 2, с. 10–20 (окончание).*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А. Буттаева,

профессор

(Дагестанский государственный институт
народного хозяйства)

КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССА ИСЛАМСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

После стольких лет проб и ошибок мы пришли к выводу, что в возрожденном исламе не количественными (рост числа мусульманских общин, медресе, мечетей и т.д.), а качественными критериями (философский и богословский анализ, установление научной основы и возможных направлений развития мусульманского богословия с учетом требований времени, изучение изменений в мировоззрении мусульманина, его отношение к исламу, раскрытие характера шариата как подверженной влиянию времени юридической системы и мн. др.) определяются центральное и существенное.

Вопрос о количественном измерении исламского возрождения имеет немаловажное значение для судьбы ислама в России. Дагестанский исследователь М.Я. Яхьяев отмечает: «Помимо значительного количественного роста числа практикующих мусульман формальными признаками исламского возрождения является восстановление старых и бурное строительство новых мечетей, разрастание системы исламского образования, развитие сети исламских организаций, резкая активизация мусульманских религиозных деятелей» [3, с. 4].

Но наступила пора, когда в обществе ставятся вопросы, требующие качественного анализа данного феномена. Эти две взаимодополняющие стороны в исламском возрождении становятся отличительными особенностями исламского возрождения и отвечают общему состоянию социокультурного пространства нашего времени, общему характеру его развития. Логика развития ислам-

ского возрождения подвела его к такому рубежу, когда уже актуальными становятся анализ практического опыта согласованных действий внутриисламских течений, мазхабов и т.д. и взаимодействие духовных структур с государственными органами. Чем более масштабным является социальное воздействие того или иного явления, а исламское возрождение и есть такое масштабное явление, тем труднее учесть в нем все многообразные моменты особенного, индивидуального реагирования человека на изменение ситуации.

«Нельзя дважды войти в одну и ту же реку», – говорили древние греки. Эта фраза подтолкнула Уильяма Джеймса к выводу: «...ни одно прошлое состояние не может быть восстановлено и быть идентичным тому, чем оно являлось ранее» [2, с. 154].

Взяв за основу этот принцип, мы предполагаем, что внутренняя качественная определенность возрожденного ислама заключается в том, что традиционный ислам в сочетании с модернизирующимся исламом предопределили основное направление исламской мысли в XXI в. Это диалектическое соединение, способствующее восстановлению ислама в модифицированной, приспособленной к современным политическим и социальным условиям окружающей среде, в свою очередь породило массу противоречивых тем и проблем.

На наш взгляд, исламское возрождение как некий духовный феномен характеризуется очень высоким уровнем внутреннего напряжения, а это значит, что присутствовавшие в ней как побуждающие, так и сдерживающие силы, о значении которых мы пока только догадываемся, обладают огромным социальным потенциалом.

Очевидно, что сегодня в центре мусульманского мировоззрения находится ислам с его наиболее важными проблемами и вопросами. Наибольшее внимание привлекают те типы исламской религиозной мысли, которые выражаются в разнообразных попытках возродить исламскую традиционность, в которой центр остроты проблемы переносится в глубины человека, в опыты нового религиозного мировоззрения, того нового в исламе, которое связано с необратимыми и неизбежными глобальными изменениями во всех сферах социального бытия.

Нет ничего удивительного в том, что современное исламское мировоззрение стремится к религиозной авантюристике и к исторической масштабности: оно ищет фундаментальных истоков, корней и вековых образов исламского религиозного сознания, остере-

гается произвола мысли, поступков, столь характерных для современного человека. Исламское мировоззрение боится подмены религиозного оригинала. Однако это никак не ограждает радетелей ислама от надуманного подражания прошлому, от рефлексивных размышлений, настраивающих на лад старинных религиозных традиций, от безнадежного оптимизма в жизненных оценках.

Следует отметить, что после многих десятилетий гонений и тоталитарной зависимости процесс возрождения ислама на первых порах вполне естественно проходил как своеобразное «отрицание отрицания». В то же время мы понимали, что огульное отрицание ценностей прежней системы чревато угрозами политического и культурного экстремизма, имеющими в своем арсенале только разрушительные программы. Одновременно приходило и понимание того, что безотчетное и опрометчивое возвращение к прошлой жизни, к ее ценностям, традициям и укладу может обернуться и другой крайностью – непризнанием реалий сегодняшнего мира, отрицанием необходимости модернизационных процессов в обществе.

Именно с позиций такого своеобразного отрицания появилась опасность возникновения религиозной экстремистской оппозиции в лице фундаментализма, которая, по сути, может стать оппозицией духовности. Суть ее антидуховных устремлений – создание антидуховных общественных конструкций на смеси шовинизма, религиозной нетерпимости и ничем не оправданной ненависти ко всему «не нашему».

Мировое сообщество неоднократно являлось свидетелем конкретных экстремистских проявлений прошлых и настоящих дней, насколько агрессивна была эта реакция, сколь велики были в ней разрушительные начала и ненависть ко всему, что невозможно было уложить в узкие рамки мировосприятия отдельных воинствующих религиозно-политизированных группировок.

Так вот, анализируя наши исследования и ежедневные наблюдения в обществе и в особенности наиболее мобильной ее прослойке – молодежной среде, где наиболее часты деструктивные проявления на религиозной почве, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, одна из причин деструктивных проявлений в обществе с религиозной подоплекой – это то, что огромное количество людей, подхватившее идеи возрождающегося ислама, понимают и объективируют эти идеи без осознания их действительного смысла. Не вдаваясь и не углубляясь в суть учения, не

зная места, роли и времени возрождения этого учения, просто привыкают, учатся манипулировать соответствующими терминами и словами. К ним можно применить понятия «невежда», «полужайка», «дилетант» и т.д.

Во-вторых, для многих верующих, не только рядовых, но и представителей духовенства, этот процесс предстает как нормальный, ожидаемый феномен современного глобализирующегося мира со всеми его типическими признаками. Некоторые считают, что его не надо понимать и не надо осмысливать. Они заняты «нарративом», описанием данного феномена, но не в контексте закономерных исторических процессов, природы, культуры, общества, личных переживаний, а чужих текстов, мыслей, образов.

В-третьих, имеются недостатки в сфере исламского образования, в том числе и в сфере государственно-конфессионального взаимодействия по линии образования. Требуется значительное повышение качества образования и научно-методической базы в существующих исламских вузах страны, а также уровня подготовки на бюджетных отделениях светских вузов квалифицированных специалистов, в которых нуждаются наши духовные управления и исламские учебные заведения. Неэффективно работает механизм прикрепления исламского учебного заведения к светскому вузу-«спутнику», который должен подтянуть, вывести на качественно новый уровень учебно-методическую и научную работу в исламских учебных заведениях.

В-четвертых, происходит деформация социальных ценностей и представлений о них как о наиболее тонких, подвижных и труднопредсказуемых элементах общественной жизни. Как известно, в социальных ценностях и ориентациях закрепляются национальные традиции, общечеловеческие идеи, установки больших и малых социальных групп.

Всякая «реставрация» старой и отжитой социокультуры за исключением относительной повторяемости некоторых существенных моментов старого, всегда несет с собой нечто новое, неизведанное. Это диалектический взгляд на развитие любой системы, который и становится все более устойчивым в результате последовательного разрешения внутренне присущего ему противоречия.

«Возрождающийся ислам» нас интересует сегодня как бытие этой системы в социокультурном пространстве России. И нам необходимо попытаться, невзирая на определенные сложности, обусловленные многими объективными и субъективными причинами, постараться дать объективную картину исламского возрож-

дения и, используя современные обобщения науки, всматриваться в логику этого феномена, который развивается на наших глазах.

Итак, для того чтобы дать качественную характеристику исламского возрождения, мы попытаемся, с одной стороны, представить исламское возрождение как обусловленный объективными (открытость постсоветских границ и т.д.) обстоятельствами процесс, а с другой – критиковать его экспансионистские поползновения к разрушению (действия вполне конкретных сил и вполне конкретных элит, прямо заинтересованных в разрушении светского общества и разжигании войны) всех остальных форм духовной жизни, включая состоявшиеся исторические.

По нашему мнению, существующие различия в трактовке понятия «возрождение» свидетельствуют, что исследователи пока не пришли к общепризнанному определению возрождения как научной категории и частое употребление во многом объясняется его расплывчатым смыслом, лексическое значение которого удовлетворяет различным запросам социального характера. «Возрождение» провозглашается в качестве программы действий в общественной жизни, в качестве оценки социально-политических, исторических, религиозных и других событий и явлений; используется в качестве символического обозначения и оформления публичных действий и т.д. Термин попадает в поле зрения гражданских и конфессиональных структур, приобретая ситуативное, произвольное значение и истолкование. В результате частая эксплуатация термина «возрождение» приводит к еще большему размыванию его смысловой структуры.

Как нам кажется, точность при определении понятия «возрождение» во многом достигается благодаря выделению различных частных видов возрождения: для описания состояния системы в целом, структуры, отдельных подсистем и, наконец, процессов и отношений.

С нашей точки зрения, понятие «возрождение» в любом социокультурном пространстве подразумевает под собой процесс целенаправленного извлечения тех значимых, существенных признаков в социально-экономической, духовной жизни прошлого общества, прошлых эпох, конструктивно взаимодействующих с новациями, которые необходимы сегодня для обеспечения жизнедеятельности человеческой личности, семьи, социальной группы, общества в целом.

Данная формулировка термина «возрождение» охватывает разнообразные изменения в отношениях, возникающие между людьми почти во всех сферах жизнедеятельности общества.

Важно понять, как это делается, чтобы определить и выбрать, что полезно, нужно, необходимо, а что отторгнуть, чему противостоять. И тогда мы сможем решить проблему или предложить некий *modus vivendi* как условие, обеспечивающее возможность совместного существования, или, на худой конец, хотя бы временные мирные, диалогичные отношения между интересующими нас направлениями: фундаментализмом и модернизмом. А для этого, во-первых, нужен не сциентистский, а гуманистический взгляд на возрожденческие процессы в исламе, во-вторых, к этому процессу нужно особое феноменологическое (ценностное), а не теоретическое отношение¹.

Как бы то ни было, в российском исламском социуме «религиозность, неважно, традиционная или нетрадиционная, конструктивная или деструктивная, оказалась переведенной в разряд респектабельных социальных отправлений, и религия стала приобретать новую для себя и для общества нишу» [4, с. 8].

Религиозная мысль у различных народов России, исповедующих ислам, имеет множество оттенков. Поскольку ислам в России возрождается в условиях секулярного общества, некоторые формы исламской религиозной мысли имеют лишь суброгационное значение и для религиозного сознания являются неразвитыми. Развитое и раскрывшееся в полной мере исламское религиозное сознание не может не подойти вплотную к исламу, не интересоваться исламскими темами. Это чувствуется, когда начинаешь задумываться над вопросами: что же из прошлого возрождается сегодня в исламе? Какие же новации, связанные с глобализацией, модернизмом, вливаются в возрождающийся ислам? Как сочетаются в общественном сознании эти дихотомичности? Актуальность нашего исследования заключается в этих вопросах.

На наш взгляд, для того чтобы полнее охарактеризовать проблему диалектического отрицания в возрожденческих процессах в исламе, нужно понять и принять очень многие образы и оттенки этого уникального явления, которые проецируются на общественную жизнь, формируя ценностные ориентации и реаль-

¹ Буттаева А.М. Исламское возрождение на Северном Кавказе: Теоретические и прикладные аспекты. – Махачкала, 2011. – С. 10.

ное поведение людей. В этом случае нам важно понять психологию фундаменталистов и модернистов в исламе.

Нельзя утверждать, что возрожденный ислам – это новый ислам, новое исламское мировоззрение. На наш взгляд, новое в исламе – это то, что возникло в мире глобализма. Фундаменталистам не удастся до конца подогнать свое мировоззрение под старый, архаический тип исторического ислама, хотя они увлечены старой религиозной истиной и ищут путей возврата в лоно далекого Халифата. Это отмечает и М.Я. Яхьяев: «Сторонники фундаменталистского ислама (салафиты, ваххабиты), будучи главными противниками традиционалистов, в качестве социально-политического идеала проповедуют возврат к реалиям “золотого века” ислама (период жизни первых трех поколений мусульман, или период, связанный с жизнью и деятельностью Пророка Мухаммада и четырех “праведных” халифов) и шариатизацию общественной жизни» [3, с. 6].

Это явление совершенно противоположно тому, что мы видим в исламском модернизме. Сторонники модернизма ищут новой жизни и новой мысли, направленные на перекодирование культуры, связанное с утверждением нового миропорядка. В их представлении модернизация ислама – разумный компромисс между религиозными догмами и современным миром. Именно они пытаются произвести инновационный сдвиг в мусульманском сознании, соединяя религиозный опыт с новым духом, с современным научным сознанием.

Если исходить из утверждения американского социолога Э. Шилза, что «традиционализм – это сознательное, преднамеренное утверждение традиционных норм при полном сознании их традиционной природы и убеждении в том, что их ценность обусловлена традиционной передачей из некоего священного источника» [1, с. 72], то ислам можно назвать традиционалистской идеологией лишь потому, что в его основе лежит священная традиция – Коран и Сунна Пророка Мухаммада. А ревностное стремление сохранить верность принципам, заложенным в основу богословско-правовой школы, способствует укоренению традиционалистского сознания.

Вот откуда необузданная устремленность в прошлое, бегство от современных реалий в материнское лоно Халифата, характерные для современных фундаменталистов. Им кажется смелым и дерзновенным их возврат к прошлому ислама после стольких лет неверия.

В то же время внутри самого ислама они не обладают смелой инициативой, лишены творческой энергии, не могут победить в себе вариативности современных людей, хотя эстетически и этически устрашают себя и других дефективностью, безнравственностью современного мира. Но в силу жизненной необходимости они вынуждены оставаться на перепутье между традиционным исламом и реалиями современной культуры, с раздвоенным сознанием и разодранными мировоззренческими ориентирами. На наш взгляд, фундаменталисты лишены религиозной монолитности и особенно жадно ищут монолитности в возврате к средневековой правоте, к былой неотъемлемости. Они живут с оглядкой, постоянно осматриваются, стараются взглянуть в прошлое и найти там ответы на вопросы, которые ставит перед ними современность. Этими исканиями себя в прошлом и бегством от себя и своего времени они духовно обессиливают себя, так что не могут найти в себе твердой точки опоры для дальнейших творческих подвижек.

С другой стороны, нельзя отрицать, что фундаменталисты обладают достаточно организованной и развитой философской культурой. Возврат к исламской цельности и к исламскому примитивизму у фундаменталистов – сознательный акт. Легковерность переживаний и легковерность мысли у них нельзя найти. Как нам кажется, легковерно и непосредственно переживать можно лишь новое, современное, впервые видимое и творимое. Былое же, устарелое, сотворенное другими, прежними, можно пережить лишь рефлексивно-сознательно. Поэтому тот ислам, утверждавший непосредственно, наивно, цельно, в современном возрождении должен утверждаться сознательно, философски, с рефлексией, с оглядкой, со стилизацией.

Что касается специфики бытия ислама в республиках Северного Кавказа, то следует отметить, что здесь распространен не нормативный ислам, а смешанный, в котором религиозно-правовые предписания и духовно-нравственные нормы, закрепленные в Коране, в сочетании с яркими, образными примерами из жизни Пророка Мухаммада смешались с местным духовным субстратом многообразных культур. Такое сращивание привело к возникновению локальных, региональных форм его бытования, опиравшихся, однако, на общеисламские принципы. Именно этот ислам, который мы и называем традиционным, обеспечивает в северокавказских республиках более или менее стабильное функционирование

мусульманского общества, регулируя его духовную и социальную жизнь.

В заключение отметим, что в качественном анализе феномена исламского возрождения решение проблемы содержательного соотношения ислама нормативного и ислама регионального также имеет важное научно-практическое и методологическое значение как в плане определения подхода к изучению данного феномена в качестве целого, так и в плане применения полученных результатов к изучению региональных процессов его возрождения в качестве частного.

Фундаментальной идеей при разработке такого подхода является, по нашему мнению, представление о том, что в ходе исторического развития различные идейные течения и религиозные структуры мусульманского мира, объединенные рамками общей религиозной системы – ислама, находились в сложном взаимопереплетении и взаимозависимости. В этом основной ключ к пониманию механизма возрождения ислама как религиозной системы.

Литература

1. Аверьянов В.В. Традиция и традиционализм в научной и общественной мысли России (60–90-е годы XX века) // Общественные науки и современность. – 2000. – № 1.
2. The Principles of Psychology. V. 1–2. – N.Y., 1890.
3. Яхьяев М.Я. Место и роль ислама в социокультурной интеграции дагестанского общества // Исламоведение. – 2013. – № 3.
4. Яхьяев М.Я., Камышова Е.Г. Власть и религия в современной России: Метаморфозы взаимодействия // Исламоведение. – 2013. – № 1 (15).
«Исламоведение», Махачкала, 2014 г., № 3, с. 30–35.

Ш. Баймурзаева,

кандидат исторических наук,

директор Дагестанского филиала

Университета Российской академии образования

МЕСТО И РОЛЬ НАРОДНОГО СОБРАНИЯ ВО ВЛАСТНОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

Со времени распада СССР во всех национальных республиках Северного Кавказа, в том числе в Республике Дагестан, произошли существенные изменения. Так, в Дагестане принятие

Конституции 1994 г., а за ней – Конституции 2003 г. и создание на их основе новых государственно-политических институтов явились крупными позитивными шагами, определившими основные векторы формирования и дальнейшего развития новой государственности на началах рыночной экономики и политической демократии. Сформировались и утвердились основополагающие демократические ценности, принципы, институты и отношения, такие как защита прав и свобод человека и гражданина; разделение власти на три ветви – законодательную, исполнительную и судебную; парламентаризм; институт выборов и др., зафиксированные в Конституции РФ и основополагающих международно-правовых документах.

При всём том ситуацию в республике с данной точки зрения нельзя оценивать однозначно. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые положения Конституции, в особенности их трактовка и реализация правящими кругами республики, не всегда соответствуют общепринятым в мире критериям и принципам политической демократии и правового государства. Формально признанные демократические ценности, институты и отношения не всегда и не обязательно служат своему прямому предназначению. Дело в том, что зачастую разделение власти на три ветви носит формальный характер, поскольку на практике при принятии решений, имеющих жизненно важное значение для общества, последнее слово принадлежит главе республики. Наглядное представление об обоснованности данного тезиса можно получить на примере анализа реального статуса, полномочий и деятельности законодательного и представительного органа – Народного собрания – во властной системе Республики Дагестан.

Следует отметить, что с самого начала процесс становления новых институтов государственной власти и самого политического режима на принципах рыночной экономики и политической демократии Республики Дагестан шел медленно и с большими трудностями. Здесь институты советской власти реально были ликвидированы в последнюю очередь, а формирование и утверждение новых институтов власти шли со значительным отставанием от Москвы и других промышленных и культурных центров РФ. Этот процесс осуществлялся «сверху», под полным контролем бывшей советской партноменклатуры.

В процессе принятия Конституции особенно острые дискуссии развернулись вокруг вопроса о парламенте. Следует отметить, что со стороны как общественности, так и представителей власти

не было недостатка в доводах и аргументах в пользу необходимости сильного и эффективно функционирующего законодательного и представительного органа. К примеру, член Конституционного суда Республики Дагестан С. Диярханов отмечал: «Крайне важно, чтобы формируемое собрание было действительно народным, профессиональным, работоспособным. Народное собрание должно быть не “пятым колесом в телеге”, а ведущей осью нашего общества. Опыт распущенного Верховного совета РФ показывает, что иногда некоторые народные избранники оказываются заложниками интересов тех или иных групп давления, не оправдывают доверие избирателей, за подачки и другие услуги предают интересы народа. Надо добиться того, чтобы такие люди не оказались в нашем парламенте»¹.

В том же духе высказывался и тогдашний председатель Народного собрания М.Г. Алиев. «Дагестану, – утверждал он, – нужен сильный и авторитетный парламент, который в условиях многонациональности и многоконфессиональности, дифференцированности социальной структуры и идеологической поляризации обеспечивает цивилизованное и публичное внимание ко всем взглядам и устремлениям в дагестанском обществе, вырабатывает согласительный путь нахождения наиболее справедливых решений самых сложных общественно-политических вопросов, повышает доверие народа к государственной власти»². Однако эти установки в силу целого комплекса факторов оказались реализованными не в полной мере.

Парламент, будучи одновременно законодательным и представительным органом, призван быть своеобразным слепком с общества. В этом качестве в полиэтничных странах или государственных образованиях в рамках многонационального государства или субъектах федерации законодательно-представительный орган просто не может вынести за скобки национальный вопрос.

Как известно, в федеративном государстве так называемая общая воля или общий интерес, объединяющий всех его граждан в единое целое, образуется как бы из двух источников – волеизъявления всех его граждан, с одной стороны, и субъектов федерации – с другой. Именно этим во многом объясняется тот факт, что в большинстве многонациональных государств парламент

¹ Дагестанская правда. 1994. 7 окт.

² Дагестанская правда. 1996. 1 нояб.

состоит из двух палат, которые отличаются друг от друга по своим предназначению, функциям, объему властных полномочий и т.д.

Такова структура Федерального собрания РФ, которое состоит из верхней палаты – Совета Федерации и нижней палаты – Государственной думы. В целом Совет Федерации призван обеспечить так называемое региональное, или территориальное, представительство. В соответствии с ст. 95 Конституции в него входят по два представителя от каждого субъекта Федерации. В тех случаях, когда речь идет о национальных республиках, представительство приобретает национально-территориальный характер. Это подтверждается тем фактом, что в Совете Федерации представлены национальные автономные края, специально выделенные в составе некоторых краев именно для представительства малочисленных народов в Федеральном собрании. Характерно, что такой же национально-территориальный характер носит представительство в тех федерациях (например, Индии), в которых хотя бы часть субъектов образованы по национальному признаку. Что касается Государственной думы, то она призвана обеспечить политическое представительство, или представительство интересов населения РФ в целом. В Республике Дагестан как многонациональном государственно-политическом образовании не мог не возникнуть вопрос о такой двуединой форме представительства. Поэтому не удивительно, что в процессе разработки и принятия конституции основная борьба развернулась между сторонниками однопалатного и двухпалатного парламента. Но среди первых также не было единства. Так, часть из них предлагала, чтобы однопалатный парламент был наделен реальными полномочиями по формированию правительства, подотчетного самому парламенту. Это означало бы введение в республике парламентской формы правления, что, по мнению сторонников этого предложения, открыло бы более широкие возможности для демократизации властной системы Дагестана.

Рабочая группа Конституционной комиссии разработала проект парламента, состоящего из законодательной палаты, в которую депутаты избирались бы по территориальным округам, и палаты представителей, или палаты национальностей, в которой обеспечивалось бы представительство по национальным округам в зависимости от численности той или иной этнонациональной группы. «Двухпалатная структура [парламента], – писали в данной связи А.М. Халилов, Ш.Б. Магомедов и А.Р. Омаров, – обеспечивает более тщательное обсуждение законопроектов, способствует

принятию законов, отвечающих принципам правового государства. В многонациональных государствах, каковым является Дагестан, такая структура дает возможность полнее учитывать интересы национальностей, защищать их права, правильно и обоснованно решать вопросы в области национальных отношений» [Халилов и др. 1995: 190].

Однако этот проект встретил ожесточенное сопротивление противников введения двухпалатного парламента. Разумеется, даже самые ярые противники двухпалатного парламента не могли полностью игнорировать значение национального вопроса в Дагестане. Более того, в ст. 72 Конституции Республики Дагестан 1994 г. подчеркивалось, что «в Народном собрании гарантируется представительство всех народов Дагестана. Порядок избрания депутатов и механизм обеспечения такого представительства устанавливается законом»¹.

В Законе же «О выборах в Народное собрание Республики Дагестан» по данному вопросу говорится: «В целях обеспечения представительства народностей в парламенте в городах и районах с многонациональным составом населения по предложению представительных органов местного самоуправления и местных администраций Центральной избирательной комиссией осуществляется квотирование мест по избирательным округам пропорционально численности населения той или иной национальности, проживающей на данной территории»².

Политическое руководство Республики Дагестан предложило, на первый взгляд, компромиссный, но в действительности сомнительный с точки зрения справедливости и эффективности вариант учета этнонационального фактора при формировании состава Народного собрания.

Депутаты избираются в основном от территориальных округов, но в ряде случаев в городах и районах с многонациональным населением предусматривается их избрание от специально созданных для этого национально-территориальных округов. Конечно, такое решение не могло не быть половинчатым и не отражающим сути проблемы. Фактически был игнорирован тот факт, что в условиях Дагестана парламент по логике вещей должен быть не только представительным и законодательным органом, но и

¹ Конституция Республики Дагестан. – Махачкала, 1994.

² Закон «О выборах в Народное собрание Республики Дагестан». Ст. 11. – Дагестанская правда. 1994. 29 окт.

местом согласования интересов различных этнонациональных групп. В этом контексте не может не вызвать удивление тот факт, что из текста Конституции 2003 г. вообще исчезла статья о гарантии представительства всех народов Дагестана в Народном собрании республики.

Согласно ст. 68 Конституции Республики Дагестан 2003 г. к ведению Народного собрания Республики Дагестан относятся: внесение изменений и дополнений в Конституцию Республики Дагестан, за исключением гл. 1, 2, 10, принятие законов, внесение в них изменений и дополнений; решение вопросов административно-территориального устройства Республики Дагестан; дача согласия на назначение на должность председателя правительства Республики Дагестан; назначение на должность председателя, заместителя председателя и судей Конституционного суда Республики Дагестан, заместителя председателя Конституционного суда Республики Дагестан, а также мировых судей; назначение на должность и освобождение от должности председателя Счетной палаты Республики Дагестан, его заместителя и аудиторов; назначение уполномоченного по правам человека в Республике Дагестан; решение вопроса о недоверии (доверии) главе и председателю правительства Республики Дагестан; установление порядка проведения выборов в Народное собрание и избрание главы Республики Дагестан; утверждение республиканского бюджета Республики Дагестан и отчета о его исполнении и др.¹

Однако анализ реальных возможностей осуществления названных полномочий позволяет сделать вывод, что в Республике Дагестан в силу целого комплекса факторов сильный, дееспособный и профессиональный парламент не состоялся. С точки зрения реального осуществления этих и других связанных с ними полномочий и функций определяющее значение имеет тот факт, что вопреки установленному Конституцией Республики Дагестан разделению власти на три ветви реальная власть в области принятия решений по ключевым вопросам сосредоточена в руках главы республики. Можно утверждать, что по ряду ключевых критериев парламент Республики Дагестан фактически трудно оценивать как реальный и эффективный противовес президенту и исполнительной власти.

Многолетний опыт парламентской деятельности свидетельствует о том, что Народное собрание практически единогласно голо-

¹ Конституция Республики Дагестан 2003 г. Ст. 68. – Махачкала, 2003.

сует за любого кандидата на пост главы республики, предложенного федеральным центром. В этом плане показателен следующий факт. М.А. Алиев вскоре после занятия поста президента республики в 2006 г. поставил перед парламентом вопрос об отставке Магомедсалама Магомедова, сына бывшего главы Дагестана Магомедали Магомедова, с поста председателя Народного собрания. Депутаты единогласно проголосовали в поддержку предложения Алиева. Спустя три года, в 2010 г., они так же единодушно проголосовали за того же Магомедова, предложенного Президентом РФ на пост президента Республики Дагестан. Еще через три года, в 2013 г. те же депутаты почти единогласно проголосовали за его отставку и назначение на эту должность Р. Абдулатипова, кандидатура которого была предложена Кремлем.

После обнародования закона о восстановлении выборности глав субъектов Федерации, вступившего в силу 1 июня 2012 г., у многих граждан республики появились надежды на изменение такой ситуации. Однако с сожалением приходится констатировать, что эти надежды не оправдались, поскольку по настоянию правящей элиты Дагестана, равно как и других национальных республик Северного Кавказа, применительно к региону реформа фактически была пересмотрена. Руководители республик обратились в Кремль с предложением не проводить на их территории прямые выборы глав субъектов Федерации, что нашло понимание у высшего руководства страны¹.

Естественно, фактическая ревизия первоначального варианта реформы применительно к региону вызвало неприятие и резкую критику широких слоев населения, в том числе оппозиции. Проблема состоит в том, что фактическое дезавуирование реформы ведет к консервации существующей этноклановой системы власти и двойных стандартов в оценке равноправности статуса национальных республик по сравнению с другими субъектами Федерации. Такая ситуация воспринимается значительной частью граждан как дискриминация населения национальных республик как граждан второго сорта, будто бы не достигших должного образовательного, культурного и интеллектуального уровня развития и в силу этого не способных самостоятельно выбирать себе руководителей.

При оценке этих реалий необходимо учесть, что важными факторами, негативно влияющими на процессы политической

¹ Губернаторов будут назначать в семи регионах // Известия. 2013. 24 янв.

модернизации республики, являются довольно низкий уровень доверия населения к власти и правящей элите; низкий уровень их авторитета и легитимности; крайняя слабость оппозиции, которая фактически лишена равных с правящей элитой возможностей законным путем добиваться власти; недостаток легальных механизмов политического участия населения. Свою роль играют также особенности политической культуры народов Дагестана, которая характеризуется преобладанием групповых, коллективистских ценностей и установок, клиентелизма и других традиционных ценностей и установок.

Важно учесть и то, что формирование и институционализация политической демократии, ее ценностей, институтов и отношений нельзя представить как одноразовый акт, поскольку это весьма сложный и трудный процесс, для которого требуется много времени и усилий нескольких поколений. Поэтому нельзя удивляться тому, что к настоящему времени политический режим республики прошел часть пути модернизации и политической самоорганизации общества на основе демократических ценностей, принципов и институтов.

При всех названных и целом ряде других недостатков системного и структурного характера сам факт введения института парламента можно считать важным шагом в процессе политической модернизации и дальнейшего совершенствования политического режима и властной системы Республики Дагестан. Хотя в настоящее время по ряду порой весьма серьезных вопросов он по весу и влиянию уступает президенту и исполнительной власти, тем не менее по мере, так сказать, «взросления» государственно-политической системы он будет играть все более существенную роль в разработке и принятии ключевых решений по важнейшим вопросам общественной жизни.

Литература

Халилов А.М., Магомедов Ш.Б., Омаров А.Р. Национально-государственное устройство Республики Дагестан в составе Российской Федерации. – Махачкала, 1995.

«Власть», М., 2015 г., № 6, с. 89–93.

А. Хазанов,
доктор исторических наук
(Институт востоковедения РАН)
**ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.**

После окончания холодной войны и распада СССР глобальная биполярная структура международных отношений уступила место монополярной. Из двух сверхдержав, составляющих ее основу, с 1945 по 1991 г., осталась одна – США, которая стала играть решающую роль на международной арене. Россия вынуждена была считаться с этим фактором. Кроме того, приходилось учитывать, что Россия находится в состоянии глубокого и затяжного политико-экономического кризиса. К началу 90-х годов оказалась почти полностью разрушенной российская индустриальная экономика, доведенная до такого состояния, когда она лишилась способности адаптироваться к новым – и, прежде всего, финансовым и политическим – условиям воспроизводства¹. К середине 90-х годов ВВП России составлял всего лишь 330 млрд долл., что было в два раза меньше ВВП Канады и было сопоставимо с уровнем ВВП Гонконга, Тайваня и Турции².

Учитывая все это, внешняя политика России должна была планироваться в соответствии с ограниченными финансово-экономическими возможностями на основе тщательного анализа глобальных и региональных международных отношений.

Согласно концепции Джеймса Розенау, решающую роль в формировании внешней политики играют пять факторов: факторы личности, статуса, правительства, общества и международной системы³.

Во внешней политике СССР (России) персональный фактор всегда играл исключительно большую роль. Генсек ЦК КПСС Горбачёв выдвинул концепцию нового мышления, суть которой состояла в том, что СССР отказался от конфронтации с США.

Вплоть до конца 1993 г. внешняя политика Москвы характеризовалась ярко выраженной прозападной ориентацией. Это было связано с ожиданиями щедрой помощи от США и их союзников и надеждами на интеграцию России в западные политические и экономические структуры. Олицетворением этого прозападного курса Москвы в те годы стал тогдашний министр иностранных дел РФ А.В. Козырев.

Российское руководство в те годы ориентировалось исключительно на Запад, махнув рукой на Азию и Африку. Дело доходило до смешного. Посол Ирака, выступая перед группой депутатов парламента РФ, рассказал анекдотический случай: он хотел начать переговоры о возвращении России долга в 7 млрд долл., но никто из российского правительства не захотел его принять⁴.

Свидетельством прозападного крена тогдашнего российско-го руководства было и то, что оно с большим опозданием осознало необходимость визитов в крупнейшие страны Азии. Однако вскоре стало очевидно, что Запад не собирается принять Россию на равных в свои политические, экономические и военные структуры. Россия не обрела союзников на Западе и растеряла старые связи на Востоке. В связи с этим сторонники прозападной внешней политики во главе с А.В. Козыревым окончательно потеряли свое влияние в Кремле. В январе 1996 г. новым министром иностранных дел РФ вместо А.В. Козырева был назначен крупный ученый-востоковед академик Е.М. Примаков. Он отказался от односторонне прозападной ориентации внешней политики РФ и сделал ее более взвешенной и сбалансированной. Во время пресс-конференции 10 февраля 1996 г. в Хельсинки Е.М. Примаков выразил негативное отношение к планам расширения НАТО. Несколько позже, в интервью 6 марта 1996 г. уже в Москве он подчеркнул, что «внешняя политика России... состоит ныне в более активной, эффективной защите наших интересов». Он также отметил, что «некая держава намерена доминировать», явно намекая на США. «Россия не станет ни врагом, ни тесным союзником Запада, и должна добиваться “цивилизованного партнерства” на основании “равенства”, защищая “свои собственные интересы”» – такие слова в изложении корреспондента Ассошиэйтед пресс использовал министр в своем интервью⁵. Эти высказывания свидетельствуют о новых акцентах во внешней политике России, о намерениях нового министра восстановить международное достоинство России, утраченное при господине «Да» (так называли А.В. Козырева в США). На Ближнем и Среднем Востоке на рубеже XXI в. новой политической реальностью стало стремление США утвердить себя в регионе в качестве единственной силы, способной, по словам З. Бжезинского, «нести груз ответственности за стабильность и мир». Свидетельством тому являются не только многочисленные заявления официальных деятелей Вашингтона о якобы «жизненно важных интересах» США на Ближнем Востоке и, в частности, в Персидском заливе, но и фактическое установление постоянного

присутствия США и НАТО в этом районе, его превращение после войны США и НАТО против Ирака в 1991 г., по признанию того же Бжезинского, в «американскую военную заповедную зону».

На Ближнем и Среднем Востоке после окончания холодной войны перед политикой России открылись многочисленные возможности и опасности. Региональная политика России представляла собой ответ на эту комбинацию угроз и возможностей. Москва всеми силами стремилась расширить свою роль в регионе. На некоторых направлениях ей удалось добиться определенных успехов.

Так, активный процесс нормализации отношений России с Израилем завершился в октябре 1991 г. восстановлением в полном объеме дипломатических отношений. Они были прерваны еще в 1967 г., и это была, по нашему мнению, серьезная ошибка советского руководства, так как этой акцией был нанесен малочувствительный ущерб Израилю и весьма ощутимый ущерб интересам СССР, который лишился на многие годы доступа к одной из сторон ближневосточного конфликта. Кроме того, эта акция и антиизраильский курс СССР ощутимо резонировали внутри Советского Союза, став одной из причин массовой эмиграции евреев и сделав арабо-израильскую проблему в какой-то степени «внутренней проблемой» СССР. (В разрыве дипотношений с Израилем ярко проявился характерный для советской дипломатии тех времен идеологизированный и догматизированный подход к международным отношениям.) Россия имеет собственные геополитические интересы на Ближнем и Среднем Востоке и обнаружила решимость проводить политику возвращения в этот важный регион, а также строить свои отношения с этими странами без идеологических наслоений в соответствии с реалиями современного мира. Вызывающие и бесцеремонные действия США и НАТО, направленные на установление мирового доминирования Вашингтона, поставили Россию перед лицом вызовов и угроз в Европе, в СНГ и на Ближнем и Среднем Востоке. Как показали события в Ираке (войны 1991 и 2003 гг.), в Иране и Афганистане (вторжение туда войск НАТО в 2001 г.), теракт в США 11 сентября 2001 г., Россия столкнулась с реальными угрозами, связанными с распространением исламского терроризма и экстремизма (две войны в Чечне, теракты в Москве, Беслане и др.), с проблемами наркотрафика, беженцев. Президент РФ В. Путин в интервью «Пари матч» в июне 2000 г. сказал: «Сегодня мы являемся свидетелями создания некоего экстремистского интернационала по так называемой “Дуге

нестабильности” начиная от Филиппин и кончая Косовом. Международный исламский фронт, по-моему, ставит своей задачей создание исламского халифата, соединенных штатов ислама, в которые должен войти и ряд исламских государств, и некоторые центральноазиатские республики бывшего СССР, и часть современной территории РФ... Россия стоит на переднем крае борьбы с этим международным терроризмом»⁶. «Большая опасность заключается в возможности того, что внешние спонсоры, такие как Турция, Иран, Афганистан и Пакистан, могут активно поощрять и поддерживать экстремистские мусульманские силы в России»⁷.

После назначения Примакова министром иностранных дел ближневосточная политика РФ резко активизировалась. Когда разразился новый ливанский кризис, Примаков попытался взять на себя роль посредника между Израилем, ливанскими боевиками и Сирией. Хотя его миссия закончилась неудачей, он использовал ее для того, чтобы начать укреплять отношения РФ с Францией и с арабским миром. В Москве не без оснований считали, что Нетаньяху, одержавший победу над Ш. Пересом на выборах в Израиле, затормозит мадридский мирный процесс до такой точки, когда возникнут серьезные трения между Израилем и арабами и между Вашингтоном и арабами.

Запад категорически отказывался рассматривать Россию как полноправного участника в ближневосточном мирном процессе. Однако такая позиция содержала опасность увековечить высокую степень региональной напряженности. Этому содействовали также поставки оружия той или иной стороне конфликта. Однако позиция России пользовалась поддержкой Сирии, Ирака и лидера ООП Арафата. Они опасались, что без участия Москвы они лишатся надежного источника противодействия нажиму Вашингтона и Иерусалима.

В то же время политика России на Ближнем Востоке вызывала раздражение Запада и Израиля.

Российская дипломатия стремилась сохранить баланс, равномерно развивая отношения с двумя полярными ближневосточными силами – арабским миром и Израилем. В деле разрешения арабо-израильского конфликта Россия располагает значительным потенциалом; являясь совместно с США сопредседателем мирной конференции, она могла бы внести свой вклад, активно участвуя в многосторонних переговорах, на которых обсуждаются вопросы разоружения, безопасности, экологии в регионе.

10 июля 2000 г. министр иностранных дел РФ Игорь Иванов представил на пресс-конференции в пресс-центре МИД в Москве «Концепцию внешней политики РФ». В этом документе, в частности, говорилось: «Россия будет добиваться стабилизации обстановки на Ближнем Востоке, включая зону Персидского залива и Северную Африку, учитывая при этом воздействие ситуации в регионе на обстановку во всем мире. Используя свой статус как коспонсора мирного процесса, Россия намерена вести линию на активное участие в нормализации обстановки в регионе после кризиса. В этом контексте приоритетной задачей России будет восстановление и укрепление позиций, особенно экономических, в этом богатом и важном для наших интересов районе мира»⁸.

Во время войны США и Англии против Ирака в 2003 г. Россия четко обозначила свою позицию, объединившись с Германией и Францией в критике агрессивного курса США. В это время Москва прозрачно намекала, что может применить вето в ООН, однако в действительности она решила избежать острой конфронтации с США. Поэтому, когда США и Англия предприняли вторжение в Ирак 20 марта 2003 г. без одобрения ООН, президент РФ В.В. Путин официально критиковал это вторжение как нарушение международного права и устава ООН, но по неофициальным каналам дал понять, что Россия не применит вето в ООН.

Особо следует остановиться на отношениях России с Исламской Республикой Иран.

Одним из самых крупных проектов экономического сотрудничества РФ со странами Азии является строительство атомной электростанции в г. Бушер (Иран) в соответствии с российско-иранским соглашением от 25 августа 1992 г.

В последние годы западная печать полна сообщений о том, что Иран занимается созданием атомной бомбы. Этот вопрос подробно обсуждается в Москве российскими и американскими дипломатами. Россия попросила у американцев документальных доказательств, которых у них не оказалось. Инспектора МАГАТЭ досконально проверяли соответствующие иранские объекты, но также не нашли таких доказательств. Иран выполняет свои обязательства в области непроизводства и нераспространения ядерных вооружений. Иранская тема постоянно присутствует в российско-американском диалоге. Россия сотрудничает с Ираном во всех сферах, кроме тех, которые касаются режима нераспространения оружия массового поражения и средств его доставки.

США внимательно следят за внешними связями Ирана, высказывают свое неудовольствие по поводу некоторых контактов ИРИ. Но пока что никакие подозрения, что Россия помогает Ирану в реализации национальной программы разработки оружия массового поражения и средств его доставки, ни разу не подтвердились. У России нет информации, что у Ирана существует национальная программа создания такого оружия. Сами иранцы отрицают наличие такой программы. Они являются участниками договора о нераспространении ядерного оружия. Они также открыты для инспекции МАГАТЭ⁹.

Основные направления торгово-экономического сотрудничества между РФ и ИРИ – энергетика, в том числе и атомная, нефтегазовая и химическая промышленность, транспорт.

В декабре 1991 г. было провозглашено создание Содружества Независимых Государств (СНГ). Многие считали, что СНГ – изначально не жизнеспособное образование. В отличие от ЕС в СНГ на огромном евроазиатском пространстве находятся страны, стоящие на различных уровнях социально-культурного развития, имеющие различные культуры и ценности. В них различные политические режимы. Причины вступления в СНГ тоже были у всех разные.

Однако, несмотря на существование большого числа дестабилизирующих и центробежных факторов, интеграционные процессы в начале 90-х годов начали набирать обороты.

9 сентября 1992 г. в Бишкеке состоялся VIII саммит-совещание лидеров стран СНГ. Эта встреча показала, что идут активные и плодотворные поиски путей решения «внутренних» проблем на базе не противостояния, а баланса национальных интересов каждого. В Бишкеке был сделан крупный шаг в сторону гармонизации национальных интересов ради быстреего выхода из затянувшегося политического и экономического кризиса, строительства основ устойчивой системы для поддержания стабильности и безопасности каждого и всех членов СНГ в целом. По словам Н. Назарбаева, встреча в Бишкеке продемонстрировала «возросшую благожелательность и взаимопонимание при обсуждении сложных спорных проблем»¹⁰.

29 марта 1996 г. в Москве между президентами России, Казахстана, Белоруссии и Киргизии были подписаны документы, нацеленные на дальнейшее укрепление интеграции в экономической и гуманитарной областях.

Следующим шагом на пути интеграции СНГ явилось подписание в Москве президентами России и Белоруссии 2 апреля 1996 г. договора об углублении интеграции между двумя странами.

«Дуга напряженности» (термин введен Бжезинским в книге «Великая шахматная доска»), к сожалению, не уменьшается, а удлинняется и расширяется.

Дуга нестабильности тянется от северо-запада Африки до юго-востока Азии, проходя и по территории России. Ясно, что добрососедские отношения с этим громадным регионом для нашей страны особенно значимы.

Азия – крупнейший континент земного шара, и от того, как здесь будет складываться обстановка, во многом будет зависеть судьба всей планеты. В этом обширнейшем регионе соседствуют ядерные державы, а также пороговые государства, на континенте сосредоточены две трети мировых арсеналов обычных вооружений. Здесь же под ружьем находятся, по разным оценкам, от 10 до 12 млн человек, или более половины всех вооруженных сил мира. В Корее, Вьетнаме, Ираке несколько раз появлялись полумиллионные армии одной сверхдержавы, а в Монголию и в Афганистан вводила многотысячные армии другая сверхдержава. Это противоборство привело к созданию разветвленной военной инфраструктуры.

Как известно, последняя война в Ираке не сделала мир более безопасным. Вопреки обещаниям Вашингтона, она не помогла уничтожить терроризм и урегулировать палестино-израильский конфликт. Напротив, палестинское урегулирование постиг крах. А война с терроризмом оказалась отброшенной назад. По данным Международного института стратегических исследований в Лондоне, в мире сейчас гораздо больше террористических группировок, чем три года назад.

Пентагон опубликовал доклад о том, что якобы российская разведка в марте 2003 г. во время операции «Шок и трепет» снабжала Хусейна разведданными о передвижениях американских войск.

Весьма резкой критике подвергаются в Вашингтоне позиция России по Ирану и приглашение Владимиром Путиным лидеров ХАМАС в Москву. К этой критике присоединилось израильское руководство. Так, Шимон Перес заявил: «Я был удивлен этим приглашением. Визит лидеров ХАМАС в Москву на том этапе, когда они отказываются признать Израиль, создал у руководства ХАМАС некую иллюзию своей значимости – президент России

пригласил их в Москву. Делегация ХАМАС побывала в России, где ее тепло и с почестями встретили, вернулась домой. А что дальше? Мировое сообщество не изменило своего мнения, да и Владимир Путин понимает, что нельзя быть председателем «Большой восьмерки», не учитывая интересы международного сообщества».

Общие интересы как основа российско-исламского сближения

Начало современного этапа укрепления отношений России с мусульманскими странами связывают с десятидневной поездкой президента России по странам Юго-Восточной и Центральной Азии в августе 2003 г. и последующим участием В.В. Путина в работе сессии организации «Исламская конференция» в Малайзии в октябре того же года.

Построение сотрудничества России с мусульманскими странами и организацией «Исламская конференция» мотивируется общими целями глобального и регионального характера, а также заинтересованностью каждой из сторон во взаимной поддержке и партнерстве при решении собственных внешне- и внутривнутриполитических задач.

Среди обоюдоважных для России и стран-членов ОИК проблем глобального уровня выделяются борьба с терроризмом и межцивилизационный диалог. Угроза терроризма актуальна и для России, и для самих мусульманских стран, ставших ареной кровавых террористических актов.

В начале XXI в. президент России В. Путин выступил инициатором политического и экономического возвращения России на Ближний Восток (БВ). Причин активизации процесса возвращения России на БВ в 2000-х достаточно много, в том числе экономические интересы лоббистских сил внутри страны и интересы российского ВПК, ищущего рынки сбыта. В результате были открыты емкие рынки вооружений в Алжире, Сирии, Иране. Более того, львиная доля интересов исходит и от энергетических компаний (Газпром, ЛУКОЙЛ, Роснефть), которые в тесной связке с государством и его поддержкой также нацелены на расширение зоны своей деятельности на БВ. Тем более что в регионе уже ведется жесткая борьба крупных ТНК за доступ к энергоресурсам региона.

Ближневосточную политику Путина во время второго президентского срока в целом следует признать удачной. Своим диа-

логом с ХАМАС Россия перехватила инициативу на палестинском треке. К успехам следует отнести и более тесное сотрудничество с мусульманским миром, как следствие вступления России в ОИК на правах наблюдателя. Близкие отношения с Ираном (до обострения проблемы ядерной программы) имели не только выгодную экономическую основу (вооружение, топливно-энергетические сделки, транспортные коридоры и т.д.), но и дали нам некоторые возможности для регионального сотрудничества с Ираном.

Основными направлениями ближневосточной политики России в первой декаде XXI в. стали:

- 1) увеличение сотрудничества в военно-технической сфере;
- 2) Акцент на защиту интересов российских компаний (прежде всего ТЭК на рынке БВ);
- 3) Усиление своего экономического и культурного присутствия в Палестине, Сирии, Ливане, Египте.

Москва в политике на Большом Ближнем Востоке переходит от тактики к стратегии. Она возвращается в регион в политическом, экономическом и гуманитарном смыслах. У нас богатый исторический опыт общения со странами Большого Ближнего Востока. Вместе с тем Россия играет недостаточно активную роль в ближневосточном урегулировании. До сих пор главную посредническую роль на Ближнем Востоке играют США и ЕС, а сам процесс палестино-израильского мирного диалога находится в тупике. Реализации стратегии возвращения России на Ближний Восток мешает недооценка дипломатии.

В настоящее время любые внешнеполитические стратегии должны включать в себя публичную дипломатию, которая становится неотъемлемой частью процесса осуществления долгосрочной внешней политики.

При наличии достаточного количества ведомств, отвечающих за проекты в области публичной дипломатии, единая стратегия их деятельности отсутствует. Пути формирования стратегии публичной дипломатии России должны стать предметом широкого обсуждения с участием экспертного сообщества, аналитических центров, представителей бизнеса, неправительственных организаций, средств массовой информации.

Поддержка и доверие арабо-мусульманского региона крайне важны для нас и с точки зрения того колоссального влияния, которое он оказывает на российских мусульман. Известно, что религиозный сепаратизм, радикализм на Кавказе подпитываются финансовыми вливаниями со стороны организаций, действующих на

территории целого ряда государств Ближнего Востока. Сейчас проблема ваххабизма стала уже актуальной и в Поволжье.

Культура имеет все шансы стать одним из наиболее действенных инструментов публичной дипломатии России на БВ. Поэтому России необходимо расширить сферу имиджевой политики за счет инвестирования в долговременные образовательные и культурные программы. На БВ в странах, с которыми в советский период было тесное сотрудничество, за последние 20 лет выросла молодежь, которая ориентирована больше на страны Запада, нежели на Россию. Эта молодежь не помнит и не знает примеров и атмосферы дружбы с СССР. Европейские страны, такие как Германия, Франция, Норвегия, Италия, предстают для нее в более выгодном свете, нежели Россия. Поэтому нам следует создавать такие институты, которые представляли бы реальную помощь всем желающим посетить Россию, приехать на учебу, наладить контакты. Необходимо развернуть системы стипендий и программ студенческого обмена, доступные всем желающим.

Данный подход в первую очередь должен применяться к Сирии, потому что она является единственной страной региона, с которой у России до сих пор сохраняются действительно союзнические отношения. От того, каким образом Россия будет восприниматься в Сирии, во многом будет зависеть дальнейший успех продвижения положительного образа нашей страны на всем Ближнем Востоке.

Таким образом, можно говорить о том, что, несмотря на успешное сотрудничество России со странами БВ в области ВПК и ТЭК, наблюдается практически полное отсутствие работы механизмов публичной дипломатии. Мы существенно уступаем влиянию европейских государств, Китая в этой сфере, что неизбежно приведет к ослаблению позиций и во всех остальных сферах.

В этой связи возрастает острая потребность в разработке стратегии публичной дипломатии, для России требуется единый, рассчитанный на долгие годы подход, в основу которого должны быть положены историческая составляющая отношений и сотрудничество в военно-технической сфере.

* * *

Страны Центральной Азии имеют для России ключевое значение, которое определяется следующими факторами:

– наличием на территории ЦА значительных запасов природных ресурсов. Большую внешнеполитическую роль играет для России обеспечение контроля над основными маршрутами их транспортировки;

– соображениями национальной безопасности, поскольку именно с юга исходят основные угрозы для России.

Приоритетным партнером для России в Центральной Азии является Казахстан. В период с 1991 г. по настоящее время обе страны сумели выработать прочную договорную базу экономического и политического сотрудничества. Казахстан стал первым государством СНГ, заключившим с Россией в мае 1992 г. договор «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи». Согласно этому договору, предусматривается создание общего военно-стратегического пространства, совместное использование военных баз, полигонов и иных военных объектов в случае угрозы России или Казахстану.

Именно Россия и Казахстан являются гарантами стабильности в Центрально-Азиатском регионе. Москва и Астана активно взаимодействуют в политической сфере, придерживаясь по ключевым вопросам международной повестки дня близких позиций и прилагая большие усилия для активизации деятельности таких региональных организаций, как СНГ, ШОС и ОДКБ¹¹.

Успешно сотрудничают между собой в сфере борьбы с терроризмом и наркотрафиком правоохранительные органы и спецслужбы России и Казахстана.

Для Казахстана Россия является «окном в Европу» и основным партнером во внешней торговле. Но и сама Россия не может обойтись без казахстанских природных ресурсов. Обе страны тесно связаны оборонным комплексом. Наконец, по-прежнему велика доля русскоязычного населения в Казахстане.

Отношения России и Узбекистана похожи на маятник, они поочередно переживают периоды охлаждения и потепления. Это связано во многом с тем, что у двух государств нет общей границы, что позволяет Узбекистану проводить политику балансирования между Западом и Россией, склоняясь от одних к другим, исходя из собственной выгоды. В таких условиях основной задачей России является привлечение Узбекистана в совместные торгово-экономические, военные и научно-технические проекты с целью ликвидации «западных устремлений» Ташкента¹².

Высокой степенью развития отличается военно-политическое сотрудничество России, Таджикистана и Киргизии. На терри-

тории двух центральноазиатских республик расположены военные базы России. В состав базы в Таджикистане входят авиагруппа военно-воздушных сил и уникальный оптико-волоконный комплекс обнаружения высокоорбитальных космических объектов «Окно», расположенный в 70 км от Душанбе (за этот объект Россия списала 242 млн долл. таджикского долга)¹³.

Таджикистан остается южным форпостом России в СНГ. Для России Таджикистан важен в контексте борьбы с распространением радикального ислама и ликвидации каналов поставки наркотиков из Афганистана, а Таджикистану, в свою очередь, необходимы российская экономическая помощь и политическая поддержка на мировой арене. Однако следует отметить, что в последнее время Таджикистан все больше сближается с Ираном, что наносит некоторый ущерб отношениям с Россией¹⁴. Для того чтобы не допустить выхода Таджикистана из орбиты российского влияния, Москве нужно активно вовлекать эту центральноазиатскую республику в деятельность ШОС, ОДКБ и СНГ, а также углублять двустороннее взаимодействие в экономической сфере.

Важным представляется укрепление военного присутствия России в Киргизстане на основе открывшейся в октябре 2003 г. военной базы в Канте. Достигнуты договоренности о создании мобильных военных формирований в рамках ОДКБ для оперативного реагирования на возможные угрозы, что очень важно в стратегическом плане. В то же время в республике на территории международного аэропорта «Манас», близ Бишкека, размещены группы американских военных. Эта военная группировка используется для тылового обеспечения и поддержки сил антитеррористической коалиции в Афганистане, но при необходимости авиабаза в техническом плане готова обеспечивать истребительную и штурмовую авиацию. Несмотря на заявления Бишкека в 2009 г. о выводе базы с территории республики, этот вопрос до сих пор не решен. Такая непоследовательная политика Киргизии объясняется тем, что для спасения национальной экономики страна остро нуждается в финансовых ресурсах, которые поступают в счет оплаты аренды двух военных баз, поэтому закрытие одной из них сильно отразится на уровне доходов Киргизии¹⁵.

Российско-киргизские отношения усложняют и внутривнутриполитические противоречия в центральноазиатской республике, возникшие в результате «тюльпановой революции», которая вспыхнула с подачи Запада. Кроме того, беспокойство России вызывает и деятельность экстремистской группировки «Хизб ут-Тахрир»,

стремящейся захватить власть в Киргизии. Таким образом, Россия может сохранить тесные связи с Киргизией только путем оказания ей экономической и политической поддержки, а также с помощью совместного противостояния угрозе, исходящей от радикальных исламских группировок¹⁶.

Самые сложные отношения в регионе у России складываются с Туркменистаном. В годы президентства С. Ниязова республика не проявляла особой заинтересованности в построении прочных партнерских отношений с Россией. С приходом к власти Г. Бердымухамедова ситуация изменилась, но не намного. Это объясняется тем, что Ашхабад является конкурентом Москвы на рынке природного газа. Поэтому закономерным является развернувшаяся между Западом (проект «Набукко») и Россией (Прикаспийский газопровод) борьба за доступ к туркменскому газу. От того, какой проект трубопровода будет реализован, во многом будет зависеть то, какая же сила станет доминирующей в регионе Центральной Азии¹⁷. Пойдя на уступки в вопросе цен на газ, Россия может добиться некоторого потепления в отношениях с Туркменистаном и снизить шансы на успех западной центральноазиатской политики.

Наряду с успехами политики России на центральноазиатском направлении существуют проблемы, которым уделяется недостаточное внимание.

Важнейшей задачей для России является формирование эффективной совместной системы безопасности региона с учетом ее национальных интересов, а также выработка широкой научно-теоретической основы национальной безопасности и стыковка региональной системы с соответствующими системами соседних стран. Укрепление системы безопасности без учета интересов соседей может привести к нестабильности и взаимному недоверию.

Особого внимания требуют внутренние процессы обновления политических элит в республиках ЦА. Пока у России имеются возможности участия в поддержке пророссийских настроений элиты в сферах государственной и политической жизни стран ЦА. До недавнего времени центральноазиатские лидеры всегда чувствовали свою близость к Москве в личностных контактах, культурных, исторических, политических, геополитических и экономических связях. Но сейчас в Центральной Азии подрастает новое поколение политиков, формируются новые элиты, не связанные исторической памятью бывшего советского пространства. Теряет свою значимость русский язык. Поэтому представляется, что для России

крайне важно сохранить присутствие в регионе не только бизнеса, но и увеличить культурную экспансию.

Приходится признать, что в последнее время, несмотря на очевидную интенсификацию российско-центральноазиатского взаимодействия в нефтегазовой сфере, сотрудничество ограничивается, к сожалению, двусторонними межгосударственными связями сырьевой направленности. А доминирование у России и ряда стран Центральной Азии узконаправленных интересов существенно препятствует налаживанию взаимовыгодного многостороннего сотрудничества.

Вместе с тем страны региона, преследуя свои национальные интересы, стремятся снизить зависимость от России в плане экспорта углеводородов и ищут альтернативные пути транспортировки нефти и газа на мировой рынок.

На современном этапе еще можно констатировать, что главы центральноазиатских режимов, а соответственно и страны, несмотря на острые разногласия и противоречия, а в ряде случаев даже личную неприязнь друг к другу, предпринимают попытки консолидировать усилия в рамках региональных проектов совместно с Россией и под ее руководством.

«Арабская весна» и позиция России

Муза истории Клио часто сочиняет сценарии, до которых не додумаются писатели с самым богатым воображением. Не случайно в Средние века музу истории Клио изображали стоящей рядом с музой трагедии Мельпоменой. Сейчас всех волнует вопрос: кто же после «арабской весны» станет хозяином Ближнего Востока? Ну как тут не вспомнить стихи Н.С. Гумилёва:

*Завтра мы встретимся и узнаем,
Кому быть властителем этих мест.
Им помогает черный камень,
Нам – золотой нательный крест.*

Мы все отлично понимаем, что «арабская весна» имеет судьбоносный характер для всего человечества. Отсюда нынешний бум интереса к этим событиям. Дело востоковедов в этом разобратся. «Если тебе “корова” имя, ты должен иметь молоко и вымя» (Маяковский). Историк обязан ответить на пять вопросов: что, где, когда, как и почему? Главный из них – вопрос «почему?».

Ответ именно на этот вопрос превращает всякую историческую работу в исследование, выводит ее за пределы эмпирического описания, придавая ей аналитический характер.

Итак, вопрос № 1: в чем причины революционных событий на Арабском Востоке? Существуют три точки зрения по этому вопросу.

Некоторые высокопоставленные представители российской элиты, ошарашенные происходящими событиями, прибегают к теории заговора для объяснения их причин. «Арабские революции импортированы – их организовал Гугл», – заявил второй человек в российском правительстве Игорь Сечин¹⁸.

Разумеется, такая версия заговора абсолютно непригодна для объяснения «арабской весны».

Вторая точка зрения состоит в том, что в основе арабских революций лежат социально-экономические причины. Третья точка зрения: нынешняя арабская весна – это развитие исламистских движений, это продолжение исламской революции в Иране, событий в Алжире в 90-е годы прошлого века, победы ХАМАС на выборах в Палестине. Сторонники этой точки зрения утверждают: весь Ближневосточный регион последует по пути Ирана.

Наша точка зрения состоит в том, что все эти три фактора имеют в лучшем случае вспомогательное, не первостепенное значение. Главное же, определяющее значение имеет демографический фактор. Причем не столько «бэби-бум» (население Египта уже 85 млн человек), сколько поколенческая структура арабского общества. 60% египтян моложе 30 лет, 30 – имеют возраст от 30 до 50 лет. 10% – старше 50 лет. Важная для понимания нынешних событий особенность арабских стран состоит в том, что большую часть их населения (в отличие от Европы, где население стареет) составляет молодежь. Раньше мы занимались главным образом классовой структурой изучаемых нами стран и упускали из виду важнейший фактор – поколенческую структуру населения. А он многое объясняет. Всех интересовали только партии, армия, духовенство. Но как-то не приходило в голову, что есть еще четвертая сила, которая может самоорганизовываться не в партиях, не в мечетях, а в Интернете. Это образованная молодежь. Спецслужбы отслеживали ситуацию в партиях и мечетях. А молодые люди общались между собой через «фейсбук» и «твиттер». В Сирии сейчас ходит анекдот: Башар Асад идет по пляжу, видит – лежит бутылка. Поднял – оттуда выскочил джинн: давай, говорит, назови мне три желания.

«Я хочу, — отвечает Асад, — чтобы не было “фейсбука”, “твиттера” и пятниц»¹⁹. Желания Асада понятны. Через социальные сети молодые люди общаются между собой, а по пятницам после молитвы обычно начинаются демонстрации.

Конечно, огромную роль сыграли и социально-экономические факторы.

Накопилось великое множество нерешенных социальных проблем: огромная безработица, нищета, колоссальная классовая дифференциация и поляризация общества, болезни.

В Ливии, хотя среднегодовой доход на душу населения превышает 13 тыс. долл., безработные составляют 30% трудоспособного населения. В Алжире в среднем уровень безработицы составляет 12%, но есть районы, где он выше, особенно среди молодежи (до 50%), что провоцирует эмиграцию молодых людей, в том числе и нелегальную, в страны ЕС²⁰.

Когда я (А.М. Хазанов) был в Каире, мне, прежде всего, бросилась в глаза его невероятная перенаселенность. Мне говорили, что жилой фонд города рассчитан только на 3 млн человек, а население Каира перевалило уже за 8 млн, жилье стоит дорого, цены на него все время растут. Насер строил в свое время дома для бедноты, но Садат прекратил это строительство. Многие бездомные ночуют прямо на тротуарах, особенно много таких людей я видел возле мечетей. Большинство же каирских бомжей ночуют в знаменитом «городе мертвых». Это самое большое кладбище в мире. Раньше здесь в склепах хоронили богатых мусульман, сюда же перетаскивали мебель, строили специальные помещения, куда приходили родственники умерших. При Садате и Мубараке беднота хлынула в эти пустующие «апартаменты». На улицах и на «суку» (рынке) в Каире много бакшишников, нищих, деклассированных элементов. Отчаявшись найти работу на родине, сотни тысяч египтян разъехались по другим арабским странам в поисках заработков для своих семей. В Дамаске я однажды увидел бедно одетых людей, которые сидели прямо на земле, на солнцепеке. Это были египетские рабочие, имевшие высокую квалификацию и большой трудовой опыт. Они проводят здесь долгие часы в ожидании и надежде, что придет работодатель, которому понадобится плотник, столяр, маляр, кровельщик, электрик, водопроводчик. Средний заработок рабочего — 200 долл. в месяц. Когда в Аммане (Иордания) я однажды зашел по паспортным делам в полицейский участок, я увидел, как во дворе строили в колонну группу египтян-

нелегалов с вещевыми мешками за спиной, которых отправляли на родину.

В Ливане мне рассказывали, что там устроиться на работу невероятно трудно, особенно для людей интеллигентных профессий. Чтобы получить хорошее место, надо сдать специальный экзамен. Поэтому в Бразилии и в других странах живет многомиллионная ливанская диаспора.

В Сирии популярна шутка: после окончания университета молодой человек получает два диплома: специалиста и безработного. При этом отсутствуют пособия по безработице.

Тоталитарные восточные правители, которые сакрализуются массами, с высоты своего величия взирают на них как на расходный материал, не имеющий в их глазах никакой ценности. Во время ирано-иракской войны Хомейни бросал в бой тысячи почти безоружных людей. Если тебя постоянно хвалят, ты начинаешь чувствовать себя фараоном. Постоянные славословия окружающих, всеобщая лесть убеждают тоталитарных правителей в собственной гениальности и уникальности, а это может сублимироваться в деспотизм и садизм.

Насилие включает в себе существенный момент самоутверждения. Акт насилия садиста – потребность, адекватная потребности нормального человека в коммуникации. Как сможет тоталитарный правитель доказать свое могущество самому себе? Единственная возможность – это мучить своих подданных.

Муаммар Каддафи, казалось бы, безусловно, принадлежит к числу людей, которых Бог поцеловал при рождении. В 27 лет он стал правителем Ливии и более 40 лет (дольше, чем кто-либо другой из арабских лидеров) находился у власти. Его подвели к краю пропасти, но он упирается. Как гласит американская поговорка, можно подвести лошадь к водопою, но заставить ее пить нельзя. Каддафи не хотел пить чашу позора, как Мубарак и Бен Али.

Некоторые психиатры считают, что он параноик. Когда к нему приехал Ф. Кастро просить заем, он сказал, что должен посоветоваться с Аллахом, поехал с Кастро в пустыню, там два часа молился, после чего заем дал.

Как рассказал работавший в Ливии К.А. Кошев, Каддафи сказал ему: «Передайте в Москве, чтобы сменили нынешнего посла. У него неприятное лицо». – «Хорошо, – ответил Кошев, – мы вам пришлем “Мисс Россия”».

Каддафи организовал в 1988 г. с помощью своего агента Меграхи взрыв «Боинга» над шотландским городком Локерби, а позже выплатил 2,7 млрд долл. родственникам погибших.

Советники Каддафи обязаны были находить и кратко пересказывать ему интересные книги и статьи, особенно на других языках. Несмотря на тщательно складываемый образ правителя-философа, у которого даже нет формального титула, Каддафи на самом деле жестко контролировал все важные процессы в государстве. Так, он лично проверял все контракты ливийских компаний стоимостью более 200 млн долл. и многие более дешевые сделки²¹.

Крупнейший в нашей стране специалист по истории Ливии, лично общавшийся с Каддафи, А.З. Егорин пишет: «Широко известна экстравагантность ливийского лидера. Он предпочитает яркие, диковинного вида наряды, любит путешествовать с размахом. В зарубежных поездках его часто сопровождает отряд вооруженных женщин-телохранителей, а сам он проживал в бедуинских шатрах, которые впоследствии преподнес Владимиру Путину... Саркози и... Ющенко... В некоторые поездки ливийский лидер даже брал с собой верблюдов, чтобы пить в поездке их молоко»²².

Когда в Ливии началась эпидемия СПИДа, Каддафи арестовал четырех болгарских медсестер, их подвергли зверским пыткам и заставили признаться, что они заражали ливийских детей СПИДом по заданию сионистов. Только после приезда в Триполи Саркози медсестер помиловали.

Сын Каддафи Ганнибал вместе с женой избили горничных в швейцарской гостинице. Когда их забрали в полицию, Каддафи призвал к расчленению Швейцарии между Италией, Германией и Францией и забрал из ее банков личные 5 млрд долл. В результате президент Швейцарии вынужден был униженно извиняться перед Каддафи. В августе 2010 г. во время визита в Италию Каддафи заявил, что Европа должна принять ислам. Сразу же по приказу его «друга» Берлускони 200 итальянок выразили желание это сделать²³. До этого он прочел им лекцию о превосходстве ислама над христианством²⁴.

Когда Садат подписал Кэмп-Дэвидский договор с Израилем, Каддафи, выступая в Триполи, заявил: «Тот, кто ищет способа сосуществования с врагом, хочет вонзить отравленный кинжал в сердце арабской нации». Он подчеркнул, что Ливия против подписания любого соглашения, которое может быть осуществлено

вопреки воле арабской нации, будь то в Иерусалиме, в Белом доме или в Кэмп-Дэвиде.

В 1981 г., когда в Тегеране одну из улиц назвали в честь убийцы Садата, Египет разорвал с Ираном дипломатические отношения, а Каддафи с восторгом отозвался о решении иранских властей.

Возмущение образованной части арабского общества вызывает то, что диктаторы находятся у власти по 30–40 лет и сменить их практически невозможно. Прав профессор Католического университета Левена Арно Вандерланге, сказавший: «О причинах взрыва на Ближнем Востоке можно спорить, но главная – очевидна. Это отсутствие в странах региона механизма мирной, законной передачи власти новым политическим силам, которые более соответствуют современным реалиям и чаяниям общества»²⁵.

И в наших, и в западных публикациях, как правило, упускается из виду, что структура арабских обществ не имеет ничего общего с европейским укладом. Принцип семьи и клана в этих, в сущности, родоплеменных обществах формирует мощные региональные структуры, которые играют огромную роль в политической и экономической жизни. Таким образом, традиционная для западной философии концепция баланса государства и общества, из которой вытекает принцип защиты прав отдельной личности, в арабском мире действует абсолютно по-другому. Здесь верховная власть обеспечивает баланс сил между влиятельными кланами и племенами. Кроме того, религиозные противоречия между различными течениями ислама на современном Ближнем Востоке имеют практически ту же интенсивность, как в Европе в период религиозных войн.

США решили вмешаться в события в Ливии. Администрация Обамы подробно обсудила возможность установления контроля над воздушным пространством над Ливией вместе с союзниками по НАТО.

В начале марта 2011 г. министр обороны Роберт Гейтс сказал, что это будет большая операция в большой стране²⁶.

Влиятельные американские сенаторы Джон Маккейн и Джо Либерман, вернувшись из 12-дневной поездки по Ближнему Востоку и Северной Африке, заявили, что США должны помочь в установлении «бесполетной зоны» над Ливией в рамках широких мер по оказанию помощи борцам с тоталитаризмом и репрессиями в арабском мире. По их мнению, народные восстания в арабских странах могут привести к непредсказуемым результатам и могут

обернуться потенциальными подводными камнями для США. Выступая в Институте Брукингса, сенатор Либерман заявил: «Уже давно мы в Соединенных Штатах задаемся вопросами: где все эти умеренные силы в исламском мире? Почему они не проявляют себя? И вот они решили проявить себя, причем более мощно, чем мы могли представить, на улицах Каира, Туниса, Бенгази и в других местах. И это весьма примечательно. И мы проклянем этот день, если как страна не сыграем активной лидирующей роли и не сделаем все возможное, чтобы поддержать умеренные силы, поддержать переход к демократии»²⁷.

Сенатор Маккейн присоединился к этому мнению: «Американская политика заявлена президентом Обамой и в эмоциональном выступлении госсекретаря Клинтон в словах: Каддафи должен уйти! И если в этом состоит американская политика, то, на мой взгляд, мы должны помочь народу Ливии достичь своих целей»²⁸.

США заявили о намерении заморозить все активы Ливийского инвестиционного управления, контролируемые американскими учреждениями²⁹.

В феврале 2011 г. на основе резолюции СБ ООН 1970 были заморожены зарубежные счета правительства Каддафи и членов его семьи, общий объем которых достигал 30 млрд долл.³⁰ Резолюция 1973 разрешила западным странам воздушные операции над Ливией.

Военное вмешательство Запада в дела Ливии было законным и необходимым. Бывают ситуации, когда необходимо вмешаться. В Камбодже Пол Пот уничтожил треть населения. Если бы Вьетнам не вмешался, он уничтожил бы еще треть. В Уганде Иди Амин отдавал людей на съедение крокодилам и творил другие преступления. Если бы Танзания не напала, он бы продолжал это делать. В Руанде тутси и хуту резали друг друга. Никто не вмешался, и 1,5 млн человек забили мотыгами. Саакашвили обстреливал ракетами Цхинвали. Если бы мы не вмешались, он выдавил бы тысячи осетин через Рокский тоннель в Северную Осетию.

Однако Франция, Великобритания и их союзники, наносившие удары с воздуха по регулярной армии и объектам ПВО в Ливии, поставили себя и повстанцев в затруднительное положение. Наземные операции на ливийской территории, по сути дела, были запрещены резолюциями СБ ООН. Одни только воздушные удары были малоэффективны.

Вызывала удивление позиция, которую заняла по ливийской проблеме Россия. После того как Евросоюз признал власть Каддафи

нелегитимной, стало ясно, что его власть рано или поздно падет. В этих условиях России было бы выгодно принять активное участие в содействии повстанцам. Вместо этого Россия заняла позицию сидения на двух стульях. С одной стороны, Россия не блокировала военную операцию Запада, а с другой – тут же подвергла ее критике. Политолог Сергей Карганов назвал это «изящным лицемерием»³¹.

В.В. Путин назвал резолюцию СБ ООН, которая была принята при непротивлении России и Китая, «неполноценной и ущербной», а саму операцию союзников сравнил с крестовым походом³².

Выступая перед рабочими завода в Воткинске, В.В. Путин сказал: «Внутриполитическая ситуация в Ливии приобрела характер вооруженной борьбы, но это, конечно, не значит, что кому-то позволено вмешиваться в чужой, даже вооруженный конфликт извне... Это мне напоминает средневековый призыв к крестовому походу, когда кто-то призывал кого-то идти в определенное место и чего-то освободить»³³.

Москва в то же время призвала все государства неукоснительно выполнять требования резолюций 1970 и 1973 СБ ООН и воздержаться от вмешательства во внутренние дела Ливии. Эксперты предсказывают, что из-за смены власти в Ливии Россия скорее всего безвозвратно потеряет огромные контракты, заключенные с правительством Каддафи, как на разработку газовых месторождений, так и на строительство объектов инфраструктуры³⁴. Член Комитета Госдумы по международным делам С. Багдасаров отметил, что через какое-то время Россия будет вынуждена признать то правительство, которое будет в Триполи. «Вопрос в том, как у нас будут выстраиваться отношения вообще с новым правительством. Возврат к этому будет крайне затруднителен и маловероятен, потому что Ливия будет более западной», – подчеркнул он³⁵.

Острые разногласия выявились между Россией и Западом и по конфликту в Сирии. Глава МИД РФ С. Лавров обвинил западные державы, выступавшие за усиление давления на режим Б. Асада, в проведении деструктивной политики, срывающей процесс национального примирения. «Ряд влиятельных государств настойчиво провоцируют оппозицию на бойкот предложений к национальному диалогу и к нагнетанию конфронтации, отказываются даже обсуждать, пусть и запоздалые, реформы, которые

предлагает президент Асад», – заявил С. Лавров, выступая перед студентами МГИМО³⁶.

С весны 2011 г. и до сегодняшнего дня в Сирии полыхает пожар гражданской войны. Жестокие действия режима Асада по подавлению восстания привели к интернационализации конфликта. Россия и КНР с самого начала заняли жесткую позицию по отношению к возможности иностранного вмешательства в Сирию. В 2012 г. Москва и Пекин дважды воспользовались правом вето в СБ ООН. Россия выступает против санкций, и особенно против применения к Сирии главы 7 Устава ООН, которая предусматривает жесткие экономические санкции и даже применение силы в отношении стран, политика которых несет угрозу международному миру и безопасности.

Существенным шагом вперед в направлении урегулирования кризиса явилось поддержанное международным сообществом предложение Москвы вывезти из Сирии и уничтожить все запасы химического оружия.

Позиция России в СБ ООН по Ливии и резко полярный подход к Сирии отражают явно бессистемную политику России на Ближнем Востоке.

Пока коалиция западных держав бомбила Ливию, в других странах Ближнего Востока усиливались внутренние конфликты, обострялась ситуация в Сирии и Йемене.

Беспорядки в этих странах стоили тысяч жертв среди протестующих. В Бахрейне армейские части Саудовской Аравии помогали подавить бушующую оппозицию. Уроки Туниса, Египта и Ливии не прошли зря: власти Алжира, Марокко и Иордании спешно начали переговоры с оппозицией, монархи нефтяных государств Персидского залива обещают народу новые рабочие места и социальные реформы. Однако обострение ситуации в Сирии и Йемене, ввод саудовских войск в Бахрейн демонстрируют новую опасную тенденцию в мусульманских странах – обострение внутриисламских распрей. Между суннитами, которые составляют 90% мусульман, и шиитами – оставшиеся 10% – давние счеты. В странах Северной Африки, Аравийского полуострова и Турции преобладают сунниты, в Ираке, Иране, Ливане, Йемене, Бахрейне – шииты.

Самый неприятный для Запада сценарий – если дестабилизация перекинется из Йемена в соседние нефтяные монархии и восточные провинции Саудовской Аравии, где проживает много шиитов, а также вызовет новый виток обострения в Ливане.

Сейчас внутриисламские противоречия на руку Ирану, который может придать протестам шиитов антиевропейскую и антиамериканскую направленность.

Аятолла Хаменеи заявил, что Иран поддерживает все революционные движения в регионе³⁷. Такая позиция Тегерана легко объяснима: пока Запад занимается Ливией, он не занимается Ираном.

О том, что алжирский сценарий может повториться в Египте, Тунисе, Ливии и Сирии, свидетельствуют некоторые события, имевшие место осенью 2011 г. В сентябре в Каире под рев толпы было разгромлено посольство Израиля. Все мировые телеканалы показывали, как египтяне неистово топтали и жгли израильские флаги. «Революция 25 января» в Египте оказалась непокорным джинном, и «арабская весна», похоже, только начинает проходить настоящую проверку на прочность. Министр иностранных дел Италии Франко Фраттини так прокомментировал эти события: «Те кадры, что мы увидели, а особенно кадры осады израильского посольства, говорят о том, что насилие взяло верх над демократическими ценностями. У тех, кто приветствовал “арабскую весну”, это может вызвать лишь разочарование». Он считает, что пока египетская свобода обретается не через демократию, а через уличный террор. Тон комментариев обозревателей единодушен: вероятно, подобные акции будут идти по нарастающей³⁸.

Уже сейчас очевидно, что арабские революции, за которыми, по мнению ряда экспертов, могут стоять суннитские монархии Персидского залива, привели к усилению на Ближнем Востоке исламского фактора. Это связано с тем, что исламские партии, запрещенные при прежних режимах в Египте и других переживших революции странах Ближнего Востока, являются наиболее организованной политической силой.

В Египте к власти рвутся «Братья-мусульмане». Международная группа по предотвращению конфликтов (штаб-квартира 36 в Брюсселе) считает, что Б. Асад сознательно дает зеленый свет исламистским силам в Сирии, чтобы иметь возможность утверждать, что, если он уйдет, победят исламисты. Он постоянно твердит, что проведет реформы, а на следующий день учиняет очередное кровопролитие.

В Тунисе на парламентских выборах в октябре 2011 г. победили исламисты, получившие 90 мест из 217.

Безусловно, есть основания опасаться, что новая ситуация, созданная революциями в арабских странах, может быть исполь-

зована исламистами для перегруппировки своих сил и для последующего перехвата власти, и тогда эти страны ждут радикализация населения, хаос, экономический спад, скачок нефтяных цен, неконтролируемая волна миграции. В западных СМИ сейчас царит эйфория. Подавляющее большинство очень неглупых и эрудированных специалистов на Западе почему-то закрывают глаза на то, что те, кто борется против диктаторов, могут стремиться отнюдь не к демократии, а лишь к тому, чтобы занять их место, и, весьма вероятно, к тому, чтобы ввести исламскую форму государственно-го устройства а-ля ИРИ.

Как писал известный французский социолог Ги Эрме, «восставшие угнетенные сами собой не становятся демократами. Приведенные в действие мстью, невежественные толпы людей сами являются носителями репрессированного начала. Подчас бездоказательно убежденные в том, что составляют большинство в обществе, сами они мало считались с достоинством других социальных слоев и групп, в совокупности составляющих действительное большинство. Тирания лидеров, получивших власть в результате восстания, воспринимается массами как нормальная, отнюдь не противозаконная, как необходимость подавления “угнетателей”». В качестве примера приводится реакция масс в СССР на сталинские репрессии в 30-е годы.

После победы восстания пришедшие к власти лидеры не являются профессионалами. Они воспринимают народ в качестве некоего единства, не сознавая или не желая считаться с тем, что имеется множество различных слоев и групп населения, часто с противоречивыми желаниями и интересами. «Деспоты-профессионалы знают границы своих возможностей, и способность к интроспекции удерживает их в определенных рамках. Деспоты народные парят в пустоте и переходят всякие границы. Они принимают свой преходящий триумф за неоспоримый знак абсолютной ценности своих побуждений. Деспоты, вышедшие из низов (деспоты-плебеи), не обладают ни мандатом всеобщего доверия населения (или хотя бы реального большинства), ни легитимностью традиций. Они не выражают воли большинства, на что обычно претендуют»³⁹.

Подводя итог, следует сказать, что на послереволюционном Ближнем Востоке, в сущности, возможны только три сценария развития событий.

Сценарий первый, наименее вероятный. К власти надолго приходят арабские либералы, которые строят демократическое общество.

Сценарий второй, более вероятный. К власти приходят псевдodemократы, которые проведут кое-какие реформы и будут под нажимом Запада мимикрировать под демократов, построят псевдodemократические режимы с головой ангела и телом волка.

И наконец, третий, наиболее вероятный, на наш взгляд, сценарий: ситуацией в районе воспользуются исламские экстремисты, которые проведут широкомасштабную вербовку сторонников и попытаются всюду насадить исламские режимы. При этом сценарии неизбежны хаос и гражданские войны по алжирскому, а возможно, и по сомалийскому образцу.

Примечания

- ¹ Отечественная история / Под ред. Ш.М. Мунчаева. – М., 1997. – С. 323.
- ² Арин О. Россия на обочине мира. – М., 1999. – С. 18, 48.
- ³ International Politics and Foreign Policy / Ed. by Rosenau J. – N.Y., 1969.
- ⁴ Россия – СНГ – Азия (проблемы и перспективы сотрудничества). – М., 1993. – С. 6.
- ⁵ US Department of State. 96/02/10 Remarks with Russian Foreign Minister Primakov. Office of the Spokesman. 10.02.1996; 06.03.1996.
- ⁶ Цит. по кн.: Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке и политика России на рубеже XXI века. – М., 2000. – С. 44.
- ⁷ Defense and Foreign Affairs Strategic Policy. 1998. June. P. 10.
- ⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации. – М., 2000.
- ⁹ Шувалов К. Россия будет развивать сотрудничество с Ираном. – М., 1999. – С. 30.
- ¹⁰ Россия – СНГ – Азия (проблемы и перспективы сотрудничества). – М., 1993. – С. 26.
- ¹¹ Маруев А.Ю., Карпенко А.О. Восточный вектор геостратегии России // Научно-аналитический журнал Обозреватель. – Observer. – 2010. – № 1. – С. 7.
- ¹² Там же.
- ¹³ Дадабаева З.А. Страны Шанхайской организации сотрудничества: Взаимные интересы и противоречия // Известия Уральского государственного экономического университета. – Екатеринбург, 2009. – № 2. – С. 80.
- ¹⁴ Маруев А.Ю., Карпенко А.О. Восточный вектор геостратегии России // Научно-аналитический журнал Обозреватель. – Observer. – 2010. – № 1. – С. 7.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. – С. 8.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Press digest. 05.03.2011.
- ¹⁹ Известия. 23.09.2011.

- ²⁰ Долгов Б.В. Исламистский вызов в странах Магриба // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 6. – С. 42.
- ²¹ Ведомости. 22.03.2011.
- ²² Егорин А.З. Муаммар Каддафи. – М., 2009. – С. 393.
- ²³ Новая газета. 02.03.2011. – С. 9.
- ²⁴ Московский комсомолец. 11.10.2011.
- ²⁵ Компас. 2011. № 12. 17.03.2011. С. 28–29.
- ²⁶ Голос Америки. 04.03.2011.
- ²⁷ Голос Америки. 04.03.2011.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Press digest. 05.03.2011.
- ³⁰ Независимая газета. 01.09.2011.
- ³¹ Ведомости. 22.03.2011.
- ³² Ведомости. 22.02.2011.
- ³³ Коммерсант. 22.03.2011.
- ³⁴ Независимая газета. 23.08.2011.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Коммерсант. 02.09.2011.
- ³⁷ Ведомости. 02.03.2011.
- ³⁸ Российская газета. 12.09.2011.
- ³⁹ Hermet G. Le peuple contre la democratie. – P., 1989. – P. 125, 140.

*«Изменения в геостратегической карте Азии
и Северной Африки в начале XXI века /
Под ред. А.М. Хазанова / Институт востоковедения РАН. –
Центр стратегической конъюнктуры»,
М., 2014 г., с. 23–47.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Э. Цыркуль,
аспирант Санкт-Петербургского
государственного университета
(факультет международных отношений)
**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС
ТУРЦИИ В XXI в.**

Правление Партии справедливости и развития при участии премьер-министра Т.Р. Эрдогана – это особый исторический отрезок в политическом развитии Турецкой Республики. Турция смогла начать переговоры по вопросу вступления в Европейский союз, создала политику «нулевых проблем», весьма продвинулась в проведении внутренних реформ, став действительно самой европейской из восточных стран, и при этом часто демонстрировала свою независимость и твердость в политике. Несмотря на то что в последние пару лет у Турции ухудшились отношения с рядом стран, а сам Р.Т. Эрдоган подвергся жесткой критике внутри страны, это не пошатнуло ни позиций Турции на мировой арене, ни позиций турецкого лидера.

Какими же были годы успешного правления Р.Т. Эрдогана, которые в результате увенчались президентским креслом?

Результаты парламентских выборов 3 ноября 2002 г. стали неожиданностью для турецких политических, общественных, деловых и военных кругов. Почти неизвестная, сформированная чуть более чем за год до выборов происламская правая Партия справедливости и развития (ПСР) одержала в светской Турции внушительную победу, получив 34,5% голосов избирателей. Установленный 10%-ный барьер не преодолела ни одна из партий, составлявших правительственную коалицию.

В парламентских выборах 2002 г. приняли участие 18 политических партий, но лишь две сумели пройти в Меджлис – Великое национальное собрание Турции – высший законодательный

орган страны. В результате этой победы ПСР получила 366 мест из 550 и смогла сформировать однопартийное правительство, чего не наблюдалось в политической истории страны около 20 лет. Впервые за последние 40 лет в Турции был избран двухпартийный парламент.

Во время предвыборной кампании Генеральная прокуратура Турции выступала с представлением о запрете ПСР, так как военные, являвшиеся на тот момент гарантом светского режима в стране, отрицательно относились к политической деятельности исламистов.

В 1997 г. уже был прецедент отстранения армией от власти исламистской Партии благоденствия и ее лидера Н. Эрбакана.

Сразу после победы ПСР сделала ставку на разновекторную внешнюю политику, учитывая евразийскую сущность страны. Анкара сумела сохранить отношения с Вашингтоном на уровне стратегического партнерства, несмотря на трения в отношениях, связанные с отказом предоставить американским войскам турецкую территорию для широкомасштабной силовой операции против режима Саддама Хусейна и нежеланием Белого дома принимать силовые меры в отношении курдских боевиков РПК. Эти действия показали, что Анкара может принимать жесткие решения в защиту своих интересов даже тогда, когда эти решения не устраивают Вашингтон. Кроме того, Турция нормализовала отношения с соседними странами, занималась посредничеством и миротворчеством, призывала к диалогу цивилизаций. Был расширен список стран, с которыми отменен или упрощен визовый режим.

Самым впечатляющим достижением нынешнего турецкого правительства можно считать принятое 3 октября 2005 г. решение ЕС начать переговоры с Турцией о ее вступлении в Евросоюз в качестве полноправного члена. При всех сложностях этого события, неоднозначном отношении к нему как в самой Турции, так и в Евросоюзе следует признать, что именно правительство осуществило мечту, к реализации которой страна шла больше 40 лет.

Внешнеполитические ориентиры

В предвыборной программе 2011 г. правящей Партии справедливости и развития, определяющей направления политического и социально-экономического развития Турции до 2023 г., есть раздел, посвященный внешнеполитической стратегии Турецкой Республики, включающий следующие направления:

– стратегической целью является полное членство в ЕС. ПСР планирует продолжить шаги в этом направлении, несмотря на скептицизм некоторых европейских стран;

– укрепление сотрудничества с США. Турецко-американский политический диалог касается вопросов, затрагивающих Ирак, Афганистан, Ближний Восток, события в арабском мире, поддержание стабильности на Кавказе и Балканах. Отмечается необходимость расширения экономических связей, а также взаимодействие в сфере энергетики, безопасности и науки;

– сближение Турции с ближневосточными странами с перспективой полной экономической интеграции между Турцией и государствами региона;

– развитие турецко-российских отношений, что позволит осуществить стратегические планы Турции – стать энергическим транзитным узлом. Экономические отношения отмечаются позитивным ростом, их цель – достичь увеличения товарооборота к 2020 г. до 100 млрд долл.;

– распространение на тюркские республики нового формата сотрудничества, связанного с созданием советов стратегического сотрудничества высокого уровня¹. Турция рассчитывает, создав тюркоязычный союз, использовать его в качестве мощного внешнеполитического инструмента.

«Если Турции удастся сделать турецкий язык языком общения в тюркоязычном альянсе, политических дебатов и всего документооборота, это был бы несомненный успех. Известно, что лингвополитические объединения играют важную роль в структуре транснациональной среды мировой политики»²;

– расширение связей со странами Африки. Партия власти важнейшей задачей видит открытие новых посольств и консульств на африканском континенте, а также участие турецких компаний и неправительственных организаций в расширении контактов.

¹ Политическая концепция ПСР до 2023 года // URL: <http://www.akparti.org.tr>

² Ягья В.С. Турция в современной системе мировой политики // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке / Под ред. В.С. Ягьи. – СПб., 2011. – С. 168–224.

Политика «нулевых проблем»

В последнее время Турция в качестве основной опоры своей внешней политики использовала концепцию «ноль проблем с соседями». Ее идеологом стал бывший министр иностранных дел, а ныне премьер-министр Турции Ахмет Давутоглу.

Политика «ноль проблем с соседями» – это формулировка задачи внешней политики Турции построить мирные и взаимовыгодные отношения со всеми соседними странами. Ахмет Давутоглу считает, что каждой стране следует приложить усилия в формировании сильных региональных структур, которые смогут тесно взаимодействовать в целях укрепления мира и стабильности, создать атмосферу доверия и развить чувство ответственности за региональные проблемы.

Необходимость уделять внимание всему окружающему региону он объясняет просто: «Если вокруг Турции начертить круг диаметром в тысячу километров, в него войдут 20 стран, в круг же с диаметром в три тысячи километров поместятся 70 государств. Сколько стран находится в диаметре в три тысячи километров вокруг США?»¹.

Хью Поуп в статье «Pax Ottomana? The Mixed Success of Turkey's New Foreign Policy» выделяет некоторые результаты такой внешней политики: стремление турецких властей решить вопрос Кипра, улучшение отношений с Грузией и Грецией, развитие связей с Россией до уровня одного из ведущих торговых партнеров и поставщика туристов. А также то, что Турция явилась помощником на переговорах между Израилем и Сирией, Сербией и Боснией и Герцеговиной. К тому же распространение новой внешней политики и на Ближний Восток до некоторой степени способствовало стабильности в регионе.

Неудачами, по мнению Хью Поупа, следует считать результаты споров с Арменией и ухудшение отношений с Израилем².

Ситуацию с Арменией, напротив, стоит рассматривать как определенный успех политики «нулевых проблем», с опорой на

¹ Давутоглу А. Нагорно-Карабахский конфликт // Информационно-аналитическое обозрение. 2011. 20 апреля // URL: <http://www.economy.az/archives/56519>

² Pope H. Pax Ottomana? The Mixed Success of Turkey's New Foreign Policy // Foreign Affairs. 2010. Nov/Dec. Vol. 89. Iss. 6. P. 161.

которую обеим странам стало возможным сдвинуться с мертвой точки после долгих лет полного неприятия друг друга.

В книге «Стратегическая глубина: международное положение Турции» Ахмет Давутоглу говорит о том, что международное сообщество всегда ставило в плюс Турции ее связи с исламским миром, но при этом никогда не воспринимало их как «реальное сотрудничество». Это подрывает доверие арабских стран к Турции, которое постепенно стало снижаться. По его мнению, Турции необходима комплексная ближневосточная стратегия¹.

Однако за несколько лет у Турции существенно ухудшились отношения с некоторыми странами, более того, Турция занимает в конфликтах принципиальную и довольно смелую позицию. Так, турецкое руководство активно привлекало внимание мирового сообщества к инциденту с «Флотилией свободы» и требовало извинений от Израиля и выплаты компенсаций семьям погибших, сведя при этом дипломатические контакты фактически к нулю. Несмотря на то что наладить отношения с Кипром, казалось бы, одна из ее первоочередных задач, но Турция, напротив, отметила осень 2011 г. скандальным спором из-за средиземноморского шельфа.

«Пробное бурение шельфа Кипром в начале октября Ахмет Давутоглу назвал провокацией и предупредил, что в Анкаре заключат соглашение с непризнанной международным сообществом Турецкой Республикой Северного Кипра (ТРСК) о разграничении шельфа в Средиземном море и начале проведения зондажных работ»².

Далее турецкие власти приняли решение отправить дополнительные военные корабли в Средиземное море в связи с обострившимися отношениями с Кипром и Израилем. Сегодня в трех важнейших странах региона – Египте, Израиле и Сирии – отсутствуют турецкие послы. США и ЕС устанавливают прямой контакт с Ираном. За последние три года в переговорах о членстве Турции в ЕС открыли только один раздел (ноябрь 2013 г.). К этим внешнеполитическим неурядицам добавились громкий внутренний коррупционный скандал, чистки в правоохранительных органах, ограничение свободы прессы и разгон демонстраций минувшим

¹ Davutoglu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu, İstanbul, 2009.

² Кипр начал бурение на шельфе – Турция решила не отставать // Радио Голос России. 2011. 19 сентября // URL: <http://rus.ruvr.ru/2011/09/19/56375861.html>

летом. Список проблем становится все больше, и это позволяет поставить вопрос о том, что стало со стратегией «нулевых проблем с соседями». Ответом на этот вопрос можно считать комментарий А. Давутоглу: «Она (политика “нулевых проблем с соседями”. – *Авт.*) не должна служить “прикрытием” для действий, направленных против мира».

Бывший министр иностранных дел Турции Шюкрю Син Гюрель еще на Стамбульской конференции в 2009 г. высказал мнение о том, что беспроблемных, «нулевых» отношений не бывает. «В проведении этой политики важно не само по себе отсутствие проблем, а разрешение их не с помощью силы и угроз, а путем переговоров на взаимоприемлемой основе» [2].

От Запада – на Восток?

Одним из главных вопросов, которым в настоящее время интересуются западные страны, остается дальнейшая внешнеполитическая ориентация Турецкой Республики. Многие исследователи заговорили о смене ее внешнеполитических ориентиров с переориентацией на Восток. Запад обеспокоен тем, что Турция все чаще проявляет свою независимость. Так, в 2003 г. Турция отказалась предоставить сухопутным силам США свою территорию для нападения на Ирак; в 2008 г. ограничила проход американских боевых кораблей в Чёрное море через проливы Босфор и Дарданеллы; выступила против Израиля, который является стратегическим союзником США; неоднократно голосовала против введения жестких санкций ООН по отношению к Ирану; совместно с Бразилией в 2010 г. предложила свой вариант решения «иранской ядерной проблемы», принятый Тегераном.

Также причины беспокойства Запада кроются в заявлениях турецких властей о теплых личных отношениях с мусульманскими лидерами и осуществлении Р.Т. Эрдоганом ближневосточного турне по странам «арабской весны». Тем более что Турция арабам ближе, чем другие государства, в силу ментальной, цивилизационной и исторической общности. Арабские провинции в составе Османской империи издавна пользовались широкой автономией, а в начале XX в. Ахмед Кевдет-паша напоминал султану Абдул Хамиду о том, насколько важно относиться к арабам с уважением,

поскольку их язык был языком ислама¹. К тому же Турция представляет собой вполне успешную модель «исламской демократии» как один из возможных вариантов нового пути развития арабских государств.

Плюсы от сближения Турецкой Республики с восточными странами следующие.

1. Расширяя сотрудничество со странами Востока, Турция повышает свое политическое влияние и международный престиж.

2. В 2004 г. торговый оборот с арабскими странами составлял около 13 млрд долл., сегодня он достигает 30 млрд долл., т.е. смещение в пользу восточного направления имеет выгодные последствия для турецкого государства и с экономической точки зрения.

3. За счет постепенного создания на Ближнем Востоке региональных зон безопасности, свободной торговли и безвизового режима Турция превращается, по словам турецких политологов, в «региональную супердержаву».

4. Турецкая Республика проявляет интерес к проблемам региона и выступает в роли посредника при урегулировании региональных кризисных ситуаций, что укрепляет стабильность в регионе².

В выборе восточного вектора политики не все усматривают плюсы в качестве регионального лидера.

В частности, А. Джакар считает, что, «ухудшая отношения с Израилем и США, превращаясь в угрозу режимам лидеров арабских стран и отдаляясь от Запада, Турцию могут ожидать определенные негативные последствия. Во-первых, в какой-то степени будут ослаблены возможности турецких властей вести борьбу с терроризмом. В этом случае некоторые террористические организации, действующие на территории Турции или против нее, могут воспользоваться поддержкой израильских спецслужб. Тогда увеличится число вылазок боевиков, что ослабит Турцию и поставит ее в безвыходное положение. Во-вторых, не исключены совместные операции против Турции в финансовой сфере, что подорвет ее положение на международной арене. Следует понимать, что

¹ Финкель К. История Османской империи. Видение Османа. – М.: АСТ, 2010.

² Гаджиев А.Г. К вопросу о некоторых особенностях турецкой внешнеполитической стратегии на Ближнем Востоке // URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/19-06-10a.html>

одно лишь упоминание о Турции наряду с такими акторами международных отношений, как Иран и ХАМАС, будет негативно сказываться на ее международном престиже и снизит к ней доверие»¹.

Турция заявляет о своей ответственности в палестино-израильском конфликте, урегулировании проблемы Нагорного Карабаха, разрешении кипрского вопроса, на Балканах, в Средиземноморье, Ираке, Афганистане и Центральной Азии, что международное сообщество воспринимает как претензию на региональное лидерство, а значит, и смену внешнеполитической стратегии. Многие политики и политологи полагают, что изменение политического курса Анкары вызвано неясными перспективами принятия Турции в Европейский союз.

Как сказал министр обороны США Роберт Гейтс, «если страна, лежащая по обе стороны Босфора, начинает смещаться в восточном направлении, это в немалой степени вызвано тем, что кое-кто в Европе отталкивает ее, отказываясь дать Турции ту органическую связку с Западом, которой она добивается»².

Но несмотря на то что Турция действительно устала ждать «на пороге» Евросоюза, не думается, что это даст сколько-нибудь значительный повод для смены геостратегии. Скорее всего, наблюдается процесс не смещения Турции по оси Восток – Запад, как это подается в ряде западных СМИ, а формирования новой оси на геополитическом пространстве региона.

Как отмечает эксперт Турецкого центра международных отношений и стратегического анализа Джелалеттин Йавуз, указанный процесс предполагает сближение с одним полюсом при отдалении от другого. Однако Турция не стремится примкнуть к пока еще не существующему конкретному полюсу на Востоке, а старается сформировать такой полюс и занять в нем центральные позиции, поскольку в настоящее время НАТО больше не является гарантом территориальной целостности Турции.

Лидеры ПСР также неоднократно заявляли, что страна не сменила своих приоритетных внешнеполитических направлений и современную внешнюю политику турецкого государства можно назвать «активной», но никак не «провосточной».

¹ Джакар А.А. О внешнеполитической активности Турции на Ближнем Востоке // URL: iimes.ru/rus/stat/2010/15-06-10c.html

² Занд Б. Как Запад теряет Турцию // URL: <http://www.inosmi.ru/europe/20100616/160644928.html>

В.С. Ягья отмечает, что «следует вести речь о диверсификации направлений внешней политики и об отказе от замкнутости международной деятельности страны в рамках западного мира». В подтверждение своих слов он приводит высказывание премьер-министра Турции Р.Т. Эрдогана: «Турция никогда не рассматривала Восток как альтернативу Западу, а Юг – Северу... будучи светским, демократическим и социальным государством, Турция взяла на себя ответственность быть мостом между Западом и исламским миром» [2].

Это вполне соответствует геополитическим устремлениям самого ЕС.

Интересны и выводы турецкого политолога Аманды Ачакоджи: «Нет необходимости иметь одно-единственное геополитическое направление, как нет необходимости делать выбор. Итак, никому не следует ожидать, что Анкара откажется от НАТО или уйдет с переговоров о членстве в ЕС»¹.

В ноябре 2013 г. была открыта 22-я глава в переговорах о членстве в ЕС, и главный переговорщик, Эгемен Багыш, уверил общественность: «Внутри страны мы будем в любом случае продолжать реформы, ведь для нас очень важно вступить в Евросоюз»².

В январе 2014 г. Р.Т. Эрдоган посетил Брюссель, где высказался за более плодотворные переговоры по вступлению Турции в Евросоюз. Да и ответный официальный, январский, визит французского президента в Турцию – первый за последние 22 года – говорит сам за себя.

В декабре 2013 г. парламент Турции одобрил все необходимые законы и документы для подписания соглашения о депортации в отношении нелегальных мигрантов, прибывающих в европейские страны через турецкую территорию. Одновременно с этим была начата либерализация визового режима, которую Р.Т. Эрдоган назвал «решающим моментом в отношениях с ЕС»³.

Активно реализуются инфраструктурные амбиции государства. Первый железнодорожный тоннель под проливом Босфор,

¹ Akcakoca A. Is the West losing Turkey? Probably not // Today's Zaman. 2009. 11 November.

² Турция листает главы эпоса о евроинтеграции // URL: <http://Euronews.com>

³ Турция и ЕС подписали соглашение о безвизовом режиме // URL: <http://istanbulexpert.ru>

соединяющий Азию и Европу, открылся в Стамбуле в конце октября 2013 г., в день празднования 90-летия Турецкой Республики. Идея, высказанная еще в XIX в. султаном Османской империи Абдул Меджидом, сегодня реализована правительством Р.Т. Эрдогана. В 2015 г. планируется завершить строительство третьего моста через Босфор, который поможет разгрузить трафик на дорогах Стамбула. К 2017 г. инфраструктурные успехи продолжит открытие третьего аэропорта в Стамбуле, который должен стать одним из самых больших в мире. Все эти проекты имеют целью превратить Стамбул в международный хаб. Тот уровень развития, который был достигнут Турцией за последнее десятилетие, стал возможным в результате демократизации и реформ, которые по большому счету осуществлялись благодаря поддержке и требованиям Запада.

Однако А. Давутоглу считает, что западные страны неправильно воспринимают турецкое государство в качестве объекта своего влияния и в рамках своих внешнеполитических целей.

«Турция уже не находится в сфере американского влияния, а сама способна проводить свою внешнеполитическую стратегию в том или ином направлении, действия которой направлены не против и не в интересах отдельной страны или даже группы стран, а преследуют прежде всего свои национальные интересы»¹. В этой связи Р.Т. Эрдоган отмечает, что хотя Турция и не забывает о вступлении в Евросоюз, но из-за застоя в переговорах о вступлении его задача, как человека, несущего ответственность за 75 млн турок, состоит в том, чтобы думать и об альтернативных вариантах.

Нельзя не отметить, что Турция совсем не стремится получить одобрение со стороны Европы любой ценой. Всё это время Турция оставалась независимой страной со своим собственным мнением на происходящие в мире события.

Так, Турция не приняла западной позиции по украинскому кризису. «Вы помешались на коммунизме. Россия – цивилизованная страна со своими законами, – заявил представитель МИД Турции в Европейском союзе и главный переговорщик Мевлют Чавушоглу. – Украина сегодня, я надеюсь, неделима, но она уже опасно разделена. Целостность страны сейчас находится в опасности. Два года наши друзья-европейцы пытаются сказать украинцам: “Или

¹ Гаджиев А.Г. К вопросу о попытках Турции выйти из-под влияния Запада // URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/14-07-10b.html>

выберете нас, или мы не будем вас поддерживать” – и этот подход неправильный. – Он также добавил: – Мы хотим продолжать сотрудничать с Европой, но ей необходимо пересмотреть свою политику»¹.

Историческая встреча президента России В.В. Путина с президентом Р.Т. Эрдоганом увенчалась решением повернуть трубопровод нереализованного «Южного потока» в Турцию. Через территорию этой страны теперь будет проходить ежегодно больше 50 млрд м³ российского газа.

А. Миллер отметил: «Наша стратегия меняется в отношении европейского рынка в принципе. Решение об остановке “Южного потока” – это начало конца нашей модели работы на рынке, когда мы ориентировались на поставки конечному потребителю на европейском рынке».

Турция давно и последовательно идет к своей энергетической мечте – стать ключевым транзитным энергетическим узлом в регионе. То, что мечта сбудется так скоро, предугадать было сложно, но Турция умеет быстро реагировать на выпадающие ей шансы. Европа откровенно «заигралась» в санкции против России, для европейцев сам факт выступить против России важнее объективной реальности.

«Европейский союз, Европейская комиссия просто подарили Турции газовый вентиль. И я думаю, что Турция может воспользоваться этим в ее диалоге с Европой. Ну а мы получили нового стратегического партнера в газовом бизнесе. Турция – очень динамично развивающийся газовый рынок, по итогам 2014 г. они с третьего места по объему наших поставок выходят на второе место», – говорит А. Миллер.

Более десяти лет Р.Т. Эрдогану удастся поддерживать высокий процент доверия населения. Он вошел в историю как незаурядный премьер-министр, а теперь и как президент, победивший на первых прямых президентских выборах с 52% голосов в первом туре. С 1 декабря Турция приняла председательство в G20, что дает возможность этому политику и его государству проявить свое лидерство на мировой арене.

¹ Турция обвинила Европу в разжигании войны на Украине // URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1770825.html>

Литература

1. Гаджиев А.Г. К вопросу о некоторых особенностях турецкой внешнеполитической стратегии на Ближнем Востоке // URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/19-06-10a.html>
2. Гаджиев А.Г. К вопросу о попытках Турции выйти из-под влияния Запада // URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/14-07-10b.html>
3. Давутоглу А. Нагорно-Карабахский конфликт // Информационно-аналитическое обозрение. 2011. 20 апреля // URL: <http://www.economy.az/archives/56519>
4. Джакар А.А. О внешнеполитической активности Турции на Ближнем Востоке // URL: [iimes.ru/rus/stat/2010/15-06-10c.html](http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/15-06-10c.html)
5. Занд Б. Как Запад теряет Турцию // URL: <http://www.inosmi.ru/europe/20100616/160644928.html>
6. Кипр начал бурение на шельфе – Турция решила не отставать // Радио Голос России. 2011. 19 сентября // URL: <http://rus.ruvr.ru/2011/09/19/56375861.html>
7. Политическая концепция ПСР до 2023 года // URL: <http://www.akparti.org.tr>
8. Турция и ЕС подписали соглашение о безвизовом режиме // URL: <http://istanbulexpert.ru>
9. Турция листает главы эпоса о евроинтеграции // URL: <http://Euronews.com>
10. Турция обвинила Европу в разжигании войны на Украине // URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1770825.html>
11. Финкель К. История Османской империи. Видение Османа. – М.: АСТ, 2010. – 829 с.
12. Ягья В.С. Турция в современной системе мировой политики // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке / Под ред. В.С. Ягьи. – СПб., 2011. – С. 168–224.
13. Akcakoca A. Is the West losing Turkey? Probably not // Today's Zaman. 2009. 11 November.
14. Davutoglu A. Stratejik Derinlik: Turkiye'nin Uluslararası Konumu, Istanbul, 2009. – 262 S.
15. Pope H. Pax Ottomana? The Mixed Success of Turkey's New Foreign Policy // Foreign Affairs. 2010. Nov/Dec. Vol. 89. Iss. 6. P. 161.

*«Обозреватель-Observer»,
М., 2015 г., № 7, с. 90–99.*

М. Ходынская-Голенищева,
кандидат исторических наук,
Второй секретарь
Постоянного представительства РФ при ООН
и других международных организациях в Женеве
КРИЗИС В СИРИИ
(Межсирийский переговорный процесс
и политическая сирийская оппозиция)

Ситуация в Сирии продолжает деградировать. Сирийский конфликт стал одним из наиболее разрушительных со времен геноцида в Руанде в 1994 г.¹ Более 200 тыс. погибших, около 8 млн внутренне перемещенных лиц, более 3 млн беженцев. Треть территории страны захвачена боевиками «Исламского государства».

Политика, экономика

Межсирийские переговоры в Женеве в начале 2014 г. не привели к запуску всеобъемлющего политического процесса из-за недоговороспособности делегации сирийской оппозиции. Сейчас попытки запустить устойчивый межсирийский диалог предпринимает Россия. В начале 2015 г. в Москве по инициативе российской стороны состоялись консультации между представителями официального Дамаска и оппонентов Б. Асада. Запланировано проведение следующих раундов московских контактов. Эти усилия особенно востребованы в условиях беспрецедентного всплеска на Ближнем Востоке террористической угрозы и разгула одиозных джихадистских группировок: «Исламского государства» (ИГ), Джабхат ан-Нусры и др., что напрямую угрожает существованию Сирии и безопасности региона.

В этом контексте интерес представляет анализ сирийских оппозиционных партий и движений. Важно установить, чьи интересы они проводят, кто из них может сыграть полезную роль в процессе урегулирования, а кто добивается дальнейшей дестабилизации ситуации для достижения узкоконъюнктурных целей.

Политическая система Сирии

Для современной Сирии характерно сильное президентское правление с опорой на армию и спецслужбы. Эта политическая система сложилась при президенте Хафезе Асаде (1971–2000)

и была в значительной степени обусловлена сохранявшимся в то время состоянием конфронтации с Израилем и режимом чрезвычайного положения, введенным в начале 1960-х годов².

Основную роль в политико-партийной жизни государства традиционно играла Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ), основанная в Сирии в 1947 г. При этом, несмотря на то что ПАСВ продолжала занимать ключевое место в политической системе в годы, предшествовавшие началу трагических событий в Сирии, для партии были характерны известная деидеологизация, усиление прагматических начал, переориентация с панарабских на внутренние дела³.

Придя к власти в 2000 г., Б. Асад взял курс на некоторую экономическую и социально-политическую либерализацию жестко централизованного государства с авторитарной практикой руководства, попытался ускорить темпы модернизации Сирии⁴. В 2003 г. ПАСВ приняла решение ослабить вмешательство в политическую и экономическую жизнь страны.

Были приняты меры, призванные оживить партийную деятельность: в 2009 г. одну из статей устава Прогрессивного национального фронта Сирии (объединяет ряд сирийских левых партий, включая ПАСВ) изменили таким образом, чтобы сократить чересчур обширные полномочия ПАСВ. Многие запрещенные партии возобновили деятельность. Был принят новый Устав ПАСВ, где появились пункты о демократических реформах, правах человека, укреплении плюрализма и демократии. Начался процесс совершенствования структуры правительства. Однако с началом волнений в Сирии в 2011 г. эти реформы были приостановлены.

Тем не менее в стране существовали оппозиционные объединения, добивавшиеся перемен и предлагавшие свое видение путей реформирования сирийского государства. Многие имели отделения за рубежом. Это и Национальный координационный комитет за демократические перемены, и Национальный фронт за перемены и освобождение, и Течение за строительство государства, и Партия демократического союза Курдистана, и Демократическая платформа, и др. В рядах этих и других партий немало известных в Сирии и за ее пределами деятелей (Х. Манаа, Х. Абдельазым, Р. Насер, А. Хейр). Некоторые из них были репрессированы.

Таким образом, с начала конфликта в Сирии в 2011 г. у Запада, нацелившегося на свержение Б. Асада, была возможность выстроить сотрудничество с этими силами, которые добивались

демократизации государственного управления. Однако у всех этих объединений был один «недостаток», не позволявший США и их союзникам взаимодействовать с ними: они твердо выступали против силового вмешательства в Сирию и не желали слепо выполнять команды из-за рубежа.

В этих условиях, простимулировав всплеск «народного гнева» и подготовив повстанцев, но не получив быстро нужного результата, США и их союзники решили пойти опробованным на многих регионах мира путем. А именно: создать за рубежом оппозиционные группы и, поддерживав их материально, политически и медийно, объявить их настоящей, популярной политической силой, противостоящей режиму и нацеленной построить демократическое и свободное общество. Вашингтону были нужны люди, готовые проводить его политику в сирийских делах.

Марионеточная оппозиция

2 октября 2011 г. в г. Стамбуле был создан Сирийский национальный совет (СНС). За его учреждением стояли Франция и Катар, однако этот шаг поддерживался «Группой друзей Сирии» (неформальный клуб из 107 государств, объединенных целью свержения Б. Асада).

СНС был сформирован из представителей движения «Братья-мусульмане» и базировавшихся на Западе так называемых «сирийских правозащитников» (граждан Франции – Б. Кодмани, США – Р. Зияде, подданного Великобритании – А. Монадждед, и т.д.). Все эти «активисты» работали или были тесно связаны с крупными британскими и американскими фондами (Совет по международным отношениям, Американский институт мира, Движение за справедливость и развитие, Совет по демократии, Общество Генри Джексона, британские Чатэм-хаус и Центр стратегических исследований и коммуникаций, и др.), цель которых – поддерживать «демократию и права человека». Еще с 2006 г. эти организации начали массированную кампанию по «продвижению демократических стандартов в Сирии».

На конференции «Группы друзей Сирии» 1 апреля 2012 г. в Стамбуле Совет был признан «законным представителем сирийцев и “зонтичной” организацией сирийской оппозиции»⁵. Там же было решено оказывать ему материальное содействие. Внутрисирийская оппозиция отказалась войти в состав СНС, объяснив это

несогласием с тем, что структура поддерживает идею иностранного вмешательства.

Зарубежные спонсоры Совета вели дело к тому, чтобы замкнуть его на вооруженные группировки. Тогда, по их замыслу, можно было бы говорить о формировании в Сирии «широкого спектра вооруженных и политических сил», противостоящих режиму.

Внимая советам покровителей, в начале 2012 г. СНС установил связь со сформированной в Турции так называемой оппозиционной Сирийской свободной армией (ССА) во главе с беглым полковником Р. Асаадом. Несмотря на то что в феврале 2012 г. СНС создал военное бюро по связям с ССА по вопросу о закупках вооружений, многие сирийские оппозиционеры утверждали, что вооруженные повстанцы не признавали авторитет политического руководства СНС и что в целом отношения между структурами выстраивались сложно.

СНС так и не смог стать консолидированной и авторитетной оппозиционной структурой. Чрезмерный «прокатарский» крен, засилье «Братьев-мусульман», агрессивная риторика – все это привело зарубежных спонсоров СНС к мысли о необходимости создания более представительной и менее радикальной группы «оппозиции». Госсекретарь США Х. Клинтон (2009–2013) дала понять Сирийскому нацсовету, что в Вашингтоне «перестали доверять ему в силу его неэффективности и слабого влияния на процессы»⁶.

Подконтрольная «Группе друзей Сирии» оппозиция

По прошествии полутора лет с начала сирийского кризиса 11 ноября 2012 г. в Катаре «Группой друзей Сирии» была создана так называемая «Национальная коалиция революционных и оппозиционных сил» (НК). Объединение состояло из эмигрантов, финансировалось из-за рубежа и было неизвестно сирийцам, большинство из которых узнали про Нацкоалицию из СМИ. В принятой новоиспеченным объединением декларации первым пунктом указывались не реформы и права человека, а отказ от диалога с властями и безоговорочный курс на свержение Б. Асада⁷ и политического режима со всеми его опорами и символами.

Небезынтересная деталь: накануне создания Нацкоалиции с подачи западных СМИ и НПО состоялся первый «вброс» инфор-

мации о насилии, которое чинили в Сирии боевики. До этого западные правозащитники и журналисты избегали упоминания преступлений оппонентов Б. Асада, сосредоточиваясь на «зверствах режима». Это позволило новоиспеченному объединению во время инаугурации торжественно объявить о том, что Национальная коалиция отвергает экстремизм и нацелена на предотвращение нарушений прав человека. Западные правозащитники рассуждали в том духе, что вот, дескать, какая власть нужна сирийцам⁸ после «стольких десятилетий тирании».

Несмотря на старания спонсоров, Нацкоалиция так и не стала консолидированным политическим объединением. Причин тому несколько.

Прежде всего, на протяжении периода существования НК раздирали административная чехарда и бесконечная смена руководства. С одной стороны, на ее деятельность проецировалось соперничество внешних игроков. С другой – это было осознанной линией «кураторов» Нацкоалиции: в их «кадровом резерве» всегда находилось несколько персон, которые соперничали за симпатии внешних покровителей, были взаимозаменяемы и послушны, реальным авторитетом не пользовались и полностью зависели от внешних спонсоров. Первый глава НК (бывший имам мечети Омейядов в Дамаске А.М. Хатыб) быстро поплатился за то, что был готов начать внутренний процесс согласований модальностей начала переговоров с Дамаском: его отправили в отставку.

Частью Нацкоалиции оставался и радикальный СНС. Являясь проводником интересов регионалов, игравших в сирийских событиях не самую конструктивную роль, он превратился в «троянского коня», который изнутри расшатывал Коалицию и провоцировал размолвки между «прокатарской» и «просаудовской» группировками тогда, когда сталкивались интересы соперничавших в сирийских делах Эр-Рияда и Дохи.

Тем не менее Дамаск был готов к контактам с НК, даже несмотря на ее агрессивные заявления. Власти предложили провести консультации за границей, если объединение не было готово приехать в Дамаск⁹.

Не способствовало усилению Нацкоалиции и то, что Западу не удалось решить задачу формирования сцепки: НК – умеренная вооруженная оппозиция. Дело в том, что сразу после создания Нацкоалиции началась волна ее «непризнания» вооруженными группировками¹⁰. На Западе стали опасаться, что НК, не имевшая

влияния «в поле», останется непопулярной доморощенной группой.

Поэтому параллельно усилиям по приданию НК имиджа «серьезной, внушающей доверие политической структуры» продолжался поиск так называемых «умеренных группировок», которые можно было бы совместить с этим политическим движением и представить всё это вместе в качестве так называемого «демократического фронта», противостоящего диктатуре и разделяющего западные ценности.

Бывает ли «умеренная» вооруженная оппозиция?

Сначала ставка была сделана на близкую к Нацкоалиции Свободную сирийскую армию. Однако к середине 2014 г. ССА была деморализована и неэффективна (внешние игроки, добивавшиеся перелома военной ситуации, предпочитали спонсировать исламистов) и в большей степени служила в качестве базы для рекрутирования радикалами новых членов террористических банд. В распоряжении Запада остались только экстремисты.

Тогда «друзья Сирии» решили выбрать из них «умеренных». К этой категории был причислен Исламский фронт. Дабы отбить критику в адрес Запада о том, что он делит террористов на «плохих» и «хороших», «друзья Сирии» составили так называемый «кодекс поведения» исламистских группировок, воюющих в Сирии, и убедили экстремистов из Исламского фронта, Исламского союза Аджнад аш-Шам, Легиона аш-Шам и Бригады аль-Фуркан принять его. Эти банды торжественно заявили об отмежевании от терроризма.

Фасадно-имиджевый характер такого шага был очевиден, поскольку джихадисты продолжали совершать резонансные преступления. Наиболее же «умеренная», в западном понимании, Свободная сирийская армия координировала до 80% операций с террористами, включая Джабхат ан-Нусру и Исламский фронт, «представителей» которого НК планировала привезти на Международную конференцию по Сирии в Монтрё (Швейцария) в январе 2014 г.¹¹

Задачу сформировать фронт «умеренных» исламистских группировок и «привязать» их к прозападным политическим группам США выполнить не удалось. Реальность состояла в резком усилении исламистов. К 2014 г. треть территории страны была

захвачена боевиками «Исламского государства» (ИГ), на юге Сирии были сильны позиции Джабхат ан-Нусры и других банд. С поля боя постепенно «выдавливали» тех, кто недостаточно усердно добивался создания «халифата» на Ближнем Востоке.

Экспертами признавалось, что именно террористические группировки, в первую очередь «Исламское государство», стали основной вооруженной силой, противостоящей правительству. Их бойцы получали более щедрое содержание, в их распоряжении было современное оружие. ИГ в совершенстве владело медийными и пропагандистскими технологиями, которые позволяли ему вербовать новых членов, в том числе из стран Европы и США. ИГ быстро завоевывало новые территории, для группировки не существовало государственных границ. Захватив обширные земли в Ираке, ИГ затем объявило сирийский г. Ракка столицей «халифата», в Ливии учредило оплот в г. Дерна. Боевики ИГ были активны в Йемене, Египте, в Сахаро-Сахельском регионе.

На этом фоне в Вашингтоне продолжались дебаты по вопросу о возможности поставок США оружия Нацкоалиции для передачи связанным с ней группировкам. Несмотря на ряд шагов, направленных на милитаризацию конфликта (американские инструкторы в приграничных областях Иордании, программа «Обучи и оснасти» по подготовке на территории Турции и Иордании сирийских повстанцев и т.д.), Вашингтон всё же не был готов начать массированные поставки оружия боевикам.

Нацкоалиция была этим недовольна. Особенно это проявилось в ходе межсирийских переговоров в начале 2014 г.: НК была уверена в том, что факт поставок ей оружия во время диалога с правительством усилит ее позиции и скроет недостаток квалификации ее переговорщиков. Оппозиционеры, требуя от внешних спонсоров вооружения, ссылались на то, что Б. Обама «обещал» поставить их еще в июне 2013 г., но так и не сдержал слово¹². Разочарована была и Свободная сирийская армия. Ее бывший глава – генерал С. Идрис – публично критиковал Запад за неготовность поддержать в военном плане повстанцев, что не позволяет им свергнуть режим¹³.

Обсуждая вопрос о возможности предоставления боевикам вооружений, администрация США на деле не спешила с этим даже несмотря на то, что в это время в Турции работали офицеры ЦРУ, задачей которых было определение групп, которым можно было бы поставить оружие, а также разработка логистики¹⁴. По каналам

ЦРУ передавалось некоторое снаряжение. Однако до полноценной масштабной военной помощи дело так и не дошло.

Можно сказать, что в США сложилось два подхода к вопросу о поставках оружия боевикам. Первый заключался в том, что давать оружие группировкам опасно¹⁵, поскольку нет гарантий, что оно не окажется в руках террористов. Еще в феврале 2012 г., выступая на слушаниях в Конгрессе США, госсекретарь Х. Клинтон сказала: «Когда Аз-Завахири из “Аль-Каиды” выступает в поддержку сирийской оппозиции, следует задать себе вопрос, кого мы вооружаем, если принимаем решение о поставках»¹⁶.

Многие западные эксперты, ранее занимавшие серьезные политические посты, говорили о нереалистичности надежд на то, что будет возможным отследить движение потоков оружия, которое предполагалось поставлять так называемым «умеренным» группировкам. Бывшие генсекретари НАТО Хавьер Солана и Яап де Хооп Схеффер в совместной статье написали, что расчеты на то, что Запад сможет «усилить, а затем дистанционно контролировать умеренные силы» являются оптимистическими¹⁷. Свою роль сыграла и активная работа с американцами патриотической сирийской оппозиции, которая пыталась убедить США в том, что поставленное Вашингтоном оружие будет перепродаваться джихадистам¹⁸.

Вторая точка зрения следовала обратной логике: чтобы усилить «умеренных боевиков», которые, по разумению Запада, должны были победить «кровавый режим», а также заставить Россию – «друга Асада» – задуматься¹⁹, нужно было вооружить повстанцев; с помощью подобных «стимулов» удастся объединить ряды неджихадистских групп, радикалы будут маргинализированы и к власти при поддержке «умеренных» удастся привести Нацкоалицию. Сторонники вооружения антиасадовских группировок отмечали, что это позволит свергнуть режим «через недели, а не через месяцы», а значит – «спасет мирные жизни»²⁰.

Из западных государств особенно настаивала на поставках боевикам оружия Франция. Глава французского МИД Л. Фабиус убеждал союзников в том, что если оружие «умеренным» группировкам не дать, то Сирия неминуемо окажется в руках исламистов. Подпитка же «нетеррористических» формирований, как считал министр, позволит им закрепиться в так называемых «освобожденных районах» и расширять свое влияние²¹. Только 21 августа 2014 г. – когда «Исламское государство» уже захватило целые провинции в Сирии и Ираке, а западное сообщество искало способы

борьбы с джихадистами, угрожавшими региону и Европе, – в интервью газете «Ле Монд» Лоран Фабиус признал, что Париж снабжал боевиков оружием с ведома ЕС и США.

Если на Западе шли дебаты о целесообразности вооружения повстанцев, то некоторые государства региона смотрели на это более «свободно». Лига арабских государств (ЛАГ) приняла резолюцию о том, что сирийскому народу будут оказываться «все формы требуемой помощи»²², чтобы он смог защитить себя. В турецком г. Адана (в 100 км от границы с Сирией) Катар, Саудовская Аравия и Турция создали центр по прямому снабжению сирийской вооруженной оппозиции оружием и средствами связи²³.

Периодически появлялись сообщения о заходе в турецкий порт Искандерун кораблей с вооружением для боевиков. Можно вспомнить задержание ливанскими властями весной 2012 г. судна «Лутфулла-2» с оружием или историю с ливийским судном «Интисар», доставившим туда 400 т боеприпасов в январе 2013 г. Все это делалось, разумеется, с молчаливого согласия Запада²⁴. Нет сомнений в том, что львиная доля этих вооружений – кому бы они ни предназначались – на данном этапе находится в руках «Исламского государства» и наиболее радикальных группировок.

НК против патриотических оппозиционных групп

Ошибкой американцев стало то, что они постоянно «обнадеживали» Национальную коалицию. США оказывали давление на спецпредставителей Генсекретаря ООН по Сирии К. Аннана и Л. Брахими, пытаясь заставить их работать только с ней и игнорировать другие оппозиционные группы. Запад и его союзники лоббировали участие представителей НК в многочисленных международных форумах по Сирии, приглашали на заседания «Группы друзей Сирии». В Турции (в Газиантепе) было создано связанное с НК так называемое «временное правительство в изгнании» во главе с А. Тумой, которое «друзья Сирии», видимо, планировали привезти в Дамаск после «падения режима» или отдать ему под управление захваченные боевиками районы Сирии.

Зацикленностью на выполнении лишь части Женевского коммюнике (формирование Переходного управляющего органа), угрозами жестких санкций против Дамаска, если этого не будет сделано²⁵, Запад также посылал оппозиционерам неверный сигнал, концентрируя их внимание на перспективах получения постов

в новом правительстве, а не на необходимости поиска путей политического урегулирования кризиса. Запад же советовал Национальной коалиции не соглашаться на участие в политическом процессе, пока ситуация «в поле» не изменится в пользу боевиков.

Для НК западные аналитики с помощью НПО разрабатывали проекты по обустройству постасадовской Сирии, стимулируя тем самым рост ее аппетитов. Одним из резонансных документов стало исследование «На следующий день» (The Day After Project), в котором предлагалась полномасштабная перекройка системы власти в стране с акцентом на разрушение государственных основ. Реализация такой схемы представляла бы собой путь к приводу в руководство ослабевшим и децентрализованным государством прозападных оппозиционеров при последующей их работе под руководством извне²⁶.

В условиях ожесточенного внутреннего конфликта обещания оппозиционерам со стороны Запада высоких государственных постов в постасадовском сирийском правительстве служили стимулом для продолжения вооруженного противостояния и лишали оппонентов Б. Асада мотивации договариваться – ведь НК рассчитывала на то, что режим скоро падет. И можно понять разочарование Национальной коалиции, когда после применения в Сирии в 2013 г. отравляющих веществ вместо обещанных Вашингтоном оппозиции бомбардировок Сирии (ведь США объявили о том, что Б. Асад пересек «красную черту») в сентябре 2013 г. было достигнуто дипломатическое решение в виде российско-американской договоренности об уничтожении сирийского химического арсенала под контролем ООН и Организации по запрещению химического оружия.

Несмотря на то что США были стороной в соглашениях о химической демилитаризации Сирии, НК опубликовала заявление о том, что российско-американские договоренности по уничтожению сирийского химоружия вредны, поскольку поощряют Б. Асада продолжать кровавую кампанию²⁷.

Наконец, в Вашингтоне переоценили потенциал Нацкоалиции, при этом недооценив сирийский народ. Американцы рассчитывали на то, что после начала конфликта и объявления ими Б. Асада «нелегитимным» высокопоставленные сирийские политики и военные «побегут с корабля». Исходя из этих соображений, США, Великобритания, Франция и Турция квалифицировали Нацкоалицию в качестве «единственного законного представителя сирийского народа», надеясь, что в целях «самосохранения» в нее

переметнутся все «сомневающиеся». То же самое сделала ЛАГ²⁸, хотя некоторые входящие в нее государства и отмежевались от соответствующего решения Лиги.

Спешка эта стала ошибкой. Объявив, что Нацкоалиция представляет всех сирийцев, «друзья Сирии» лишили себя политического маневра. Теперь они были вынуждены лоббировать НК без оглядки на то, пользуется ли она поддержкой, одновременно не подпуская к политическому процессу патриотическую сирийскую оппозицию, которая могла бы усилить переговорные позиции оппонентов Б. Асада. Хорошо иллюстрирует результат такой непродуманной линии поведение некоторых государств, в начале кризиса поддержавших Нацкоалицию под давлением США. На саммите ЛАГ в Эль-Кувейте весной 2014 г. (ранее ЛАГ предоставила НК место Сирии, а трибуну для выступления – председателю НК А. Джарбе) флаг Нацкоалиции был заменен на флаг Сирийской Арабской Республики (САР), а А. Джарбу попросили не находиться в зале, где проходил саммит. Осенью 2014 г. глава ЛАГ Н. аль-Араби дал понять НК, что в изменившихся условиях ей лучше забыть о претензиях на место Сирии в Лиге.

По причине неготовности все большего числа государств бездумно поддерживать антиасадовскую политику, базирующуюся на агрессивных принципах, начала терять членов и «Группа друзей Сирии». По прошествии времени из 107 членов «Группы» безоговорочно продолжать курс на продвижение непопулярной и радикальной Нацкоалиции оказались готовы лишь 11 государств (США, Франция, Катар, Саудовская Аравия, Турция и некоторые другие). Эти страны, потратившие на НК немало финансовых и политических ресурсов, уже не могли отказаться от ее поддержки. А возможность выстроить конструктивные отношения с патриотической внутренней оппозицией они для себя сами закрыли.

Своего рода «лакмусовой бумажкой» в том, что касается компетентности Нацкоалиции и ее способности играть серьезную роль в сирийских делах, стал Женевский процесс переговоров между правительством и оппозицией в начале 2014 г. После выдвижения в Женеве российско-американской инициативы о межсирийском диалоге в мае 2013 г. до начала переговоров в январе 2014 г. прошло девять месяцев. И это притом что Россия практически сразу после достижения договоренностей между Москвой и Вашингтоном по вопросу о необходимости созыва Международной конференции по Сирии и незамедлительного

начала межсирийского диалога провела с сирийским правительством успешную работу в пользу его согласия прибыть на переговоры.

А вот Нацкоалиция в течение всего этого времени выдвигала условия²⁹ – то создание гуманитарных коридоров, то уход Б. Асада, то вывод из Сирии «Хезболлы». Девять месяцев Вашингтон якобы работал с Нацкоалицией в пользу ее приезда в Женеву и формирования делегации. Ценой этого «ожидания» стали тысячи сирийских жизней, которые были потеряны из-за затягивания начала диалога по прекращению насилия. При этом западные партнеры ссылались на то, что у НК мало переговорного опыта³⁰, ей нужно время, чтобы приобрести соответствующие навыки. Такая тактика вызвала возмущение даже ряда западных политиков – ведь ждать «идеального» момента для начала диалога можно было бесконечно³¹.

Настоящая причина задержки состояла в другом. Во-первых, Нацкоалицию все это время раздирали внутренние «разборки». Во-вторых, несмотря на широкий спектр противостоявших Б. Асаду сил, американцы, взявшиеся формировать делегацию для переговоров, никого, кроме НК, в Швейцарию привозить не собирались. Им нужно было, чтобы напротив правительственной делегации сидела команда подконтрольных им лиц, которые в ходе диалога занимались бы продвижением интересов Вашингтона.

В этой связи США выдвинули для всех других оппозиционных групп условие: если они хотят принять участие в переговорах, то должны согласиться, что будут присутствовать на них под «зонтиком» Нацкоалиции. Несмотря на американское давление и даже попытки некоторых регионалов подкупить партии, умеренные оппозиционные движения отказались от требования подчиниться НК. Ведь Коалиция была создана зарубежными спонсорами после начала кризиса, не являлась серьезной политической организацией, способной предложить план урегулирования, и стала единственным объединением, призывавшим к осуществлению бомбовых ударов по Сирии.

Внутренняя оппозиция требовала подключить ее к переговорам на равных. Она считала необходимым, чтобы объединенная делегация оппозиции выработала единую переговорную стратегию, которую можно было бы продвигать в ходе диалога с правительством. Это усилило бы позиции оппонентов Б. Асада и уменьшило зависимость оппозиционной делегации от влияния извне³².

Осознавая свою долю ответственности за итоги межсирийского диалога, эти партии готовились к переговорам. Националь-

ный координационный комитет разработал рекомендации, реализация которых позволила бы сделать государственную систему Сирии более прозрачной и эффективной. Как вариант – рассмотреть возможность трансформации САР из президентской в парламентскую республику³³. Комитет предложил провозгласить перемирие на время переговоров³⁴. Эту возможность серьезно рассматривали и власти³⁵.

Реформирование государственного аппарата Сирии в сторону большей подотчетности обществу предложил Национальный демократический альянс Сирии³⁶. Он же разработал проект новой конституции САР³⁷.

Переговорную программу представила Партия демократического союза Курдистана – в ней акцент был сделан на обеспечении прав курдов при соблюдении принципа территориальной целостности страны. К ним присоединились другие этнические и конфессиональные меньшинства, озабоченные перспективой прихода к власти джихадистов. «Союз сирийских христиан» предложил меры по недопущению массового исхода христиан из Сирии³⁸.

Однако американцы ни одну из этих партий в делегацию оппозиции не включили, объявив их «марионетками режима». Особенно не устраивали Вашингтон Национальный координационный комитет (из-за его серьезного экспертного и переговорного потенциала, способного выставить Нацкоалицию в ходе диалога в невыгодном свете) и Партия демократического союза Курдистана (из-за того, что в свое время она отказалась войти в Сирийский национальный совет, о чем ее просили глава СНС А. Сиды и бывший министр иностранных дел Турции А. Давутоглу на встрече в Эрбиле).

Всё завершилось тем, что в Швейцарию для переговоров с правительством приехала команда, состоявшая только из представителей Нацкоалиции, которую незадолго до этого потряс очередной раскол: из нее вышел Сирийский национальный совет.

Именно тот факт, что оппонентов Б. Асада представляла их самая слабая часть, и привел к тому, что переговоры пришлось прервать: договороспособность делегации от Нацкоалиции была крайне низка, целью коалиционеров было не договариваться, а отвергать все предложения правительственной делегации и затем в ходе пресс-конференций клеймить режим.

Российские дипломаты в ходе непубличных контактов объясняли американским коллегам, что тактика последних на безусловное продвижение Нацкоалиции приведет к провалу перегово-

воров, поскольку делегация от этой эмигрантской структуры не сможет представлять чаяния всех движений, объединяющих оппонентов Б. Асада, что НК не пользуется авторитетом среди сирийцев и мало осведомлена о проблемах страны.

Подобный ущербный состав делегации оппозиции нес большие риски с точки зрения реализации будущих договоренностей. За бортом диалога были оставлены все патриотические группы. Голос в переговорах с правительством должны были получить оппозиционеры, которые вели многолетнюю борьбу за реализацию своих взглядов. И можно было понять, почему они не желали вливаться в делегацию, состоящую из людей, которые придерживались агрессивных подходов, противоречащих интересам государства.

Американцы «наказали» внутреннюю оппозицию за ее взгляды, не допустив их к переговорам. Как показало время, это вышло Вашингтону «боком». Делегация Нацкоалиции в ходе переговоров показала себя слабым и неконструктивным блоком. В частности, она отказалась от предложения правительства САР объявить о готовности совместно бороться с терроризмом.

Россия и сирийская оппозиция

В этих условиях влиятельные группы сирийской внутренней оппозиции «тянулись» к России, поскольку нуждались во внешней силе, способной помочь их голосам «пробиться», и знали, что в Москве готовы к контактам со всеми сторонами, нацеленными на поиск путей политического урегулирования.

Известно, что оппоненты официального Дамаска неоднократно обращались к американцам, которые сами вызвались в ходе подготовки к «Женева-2» сформировать делегацию сирийской оппозиции и привести ее к столу переговоров³⁹. Однако неизменно получали один ответ – либо с Нацкоалицией, либо об участии в переговорах можно забыть. Большинство уважаемых оппозиционных партий не могли согласиться на лидерство в политпроцессе организации, призывавшей к бомбардировкам собственной страны.

В более выгодной позиции оказалась Россия. Не создавая «карманных» структур, она открыла двери перед конструктивно настроенными объединениями и наладила с ними взаимодействие. В Москву приезжали представители всех оппозиционных групп, и даже НК. Обмен мнениями с крупными оппозиционными силами был необходим для лучшего понимания происходящего в Сирии

и вокруг нее и, соответственно, выработки эффективной стратегии межсирийского примирения.

Всё это, разумеется, вызывало раздражение Запада, который стал искать в действиях Москвы конспирологические подтексты и пришел к выводу, что Россия поддерживает собственных ставленников, чтобы внести раскол в ряды оппозиционеров⁴⁰. На самом деле Запад не устраивал тот факт, что Россия стала единственным крупным игроком на сирийском направлении, не порвавшим связей ни с одной из сторон, что позволило ей играть эффективную роль в политическом урегулировании.

Россия поддерживала постоянный канал связи с обеими сторонами конфликта. Таких преимуществ не было больше ни у кого. США и их союзники ограничили себе поле для маневра. И если региональные государства преследовали в Сирии собственные интересы, связанные с принудительным изменением расстановки сил на Ближнем Востоке, то Запад, продолжавший риторику о так называемом продвижении демократических ценностей в Сирии, загнал себя в угол. Он не мог отказаться, не потеряв лица, от поддержки Коалиции, которая так и не сумела превратиться в консолидированную партию и обрести союзников внутри Сирии.

Объявив сирийского президента вне закона и сделав ставку на Нацкоалицию, Запад столкнулся с ситуацией, когда Б. Асад не только не потерял популярности, но и без труда выиграл выборы летом 2014 г. А США и их союзники были вынуждены продолжать продвигать НК, которая к 2015 г. представляла из себя зрелище печальное. Однако иное означало бы для Запада расписаться в неспособности адекватно оценить ситуацию и в том, что, в очередной раз вмешавшись во внутренние дела суверенного государства, они не удосужились предположить, что население страны способно самостоятельно определить свои приоритеты и в советах извне не нуждается. Картину дополняло и то, что США и их союзники фактически вели в Сирии войну на стороне «нелегитимного», по их мнению, Асада, помогая правительству бороться с «Исламским государством».

В деле смены режима в Сирии Запад действовал испытанными методами. В центр стратегии были поставлены поддержка выборочных оппозиционных движений и агитация переходить на «правильную сторону истории». Однако создать «пятую колонну» заранее в Сирии Запад не смог: политическая система и работа органов безопасности в стране были построены таким образом, чтобы минимизировать внешнее деструктивное вмешательство во

внутреннюю жизнь государства. В итоге в более сильном положении оказались патриоты страны, а не те, кто рвался к власти с помощью иностранных покровителей.

Позиция России

Что касается России, ее работа со сторонами конфликта в пользу переговорного урегулирования дает свои плоды. Последовательная позиция Москвы о необходимости запуска диалога между представителями Дамаска и вменяемой части сирийской оппозиции, в ходе которого сами сирийцы без подсказки извне определяют будущее своего государства, разделяется все бóльшим числом игроков. Свидетельство тому – позитивное восприятие российской инициативы по организации межсирийских консультаций в Москве в начале 2015 г. со стороны Дамаска, большинства сирийских оппозиционных организаций и заинтересованных государств.

Оппоненты Дамаска согласились с российской логикой, что сплачиваться они должны не на основе лидерства одной из организаций, а на базе общей идеологии, в центре которой должны быть суверенитет Сирии, ее территориальная целостность, необходимость борьбы с терроризмом. Свидетельством готовности сирийцев идти по этому пути стало согласование по итогам контактов в российской столице в январе 2015 г. – впервые за четыре года конфликта – двух документов – «Московских принципов» и «Призыва к международному сообществу».

Хотелось бы надеяться, что российская инициатива позволит постепенно выйти на достижение главной задачи в контексте политического процесса – организации полноценных межсирийских переговоров по всем вопросам урегулирования, на которых делегация сирийской оппозиции будет иметь действительно репрезентативный характер – как того требует Женевское коммюнике от 30 июня 2012 г.

Только всеобъемлющий диалог между сирийцами позволит остановить кровопролитие и начать работать над созданием общесирийского фронта противостояния «Исламскому государству», угрожающему стране и региону. Без борьбы с джихадистами решить задачу сохранения Сирии невозможно, и это должны понять и внешние игроки, от которых требуется пересмотр отношения к официальному Дамаску и оказание помощи сирийским властям в противостоянии терроризму – как это происходит в Ираке.

Такой пересмотр уже начался: западные журналисты стали писать о том, что Б. Асад может стать частью решения сирийского кризиса⁴¹. В январе 2015 г. Дж. Керри, говоря о главе Сирии, впервые за четыре года конфликта назвал его «президентом Асадом»⁴². В феврале 2015 г. состоялся визит в Дамаск делегации французских парламентариев.

* * *

Чем быстрее «друзья Сирии» поймут, что именно терроризм является основной угрозой Ближнему Востоку, тем больше будет возможности консолидировать все здравомыслящие сирийские силы на общей платформе и дать шанс патриотической оппозиции принять реальное участие в усилиях по прекращению насилия и строительству безопасного, светского и стабильного сирийского государства.

Примечания

- ¹ La Syrie, Pire Crise Humanitaire Depuis le Rwanda Selon l'ONU // Le Monde. 18.08.2014.
- ² Ахметов В.М., Филоник А.О. Мир глазами президента Сирии Хафеза Асада. – М.: ИВ РАН, 2000. – С. 24. (Akhmetov V.M., Filonik A.O. 2000. Mir glazami prezidenta Sirii Hafeza Asada. M.) (in Russian).
- ³ Аксюхин А.И., Али-Заде Э.А., Ахмедов В.М. Сирийская Арабская Республика. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1997. – С. 69. (Aksyukhin A.I., Ali-Zade E.A., Akhmedov V.M. 1997. Siriyskaya Arabskaya Respublika. M.) (in Russian).
- ⁴ Сейид Ш.М. Сурия бейна аль-истихдаф ва аль-ислях (Сирия между вмешательством и реформами). – Каир, 2005. – С. 8.
- ⁵ Chairman's Conclusions Second Conference of The Group of Friends of the Syrian People, 1 April 2012. – Istanbul, 1 April 2012. – http://www.mfa.gov.tr/chairman_s-conclusions-second-conference-ofthe-group-of-friends-of-the-syrian-people_-1-april-2012_-istanbul.en.mfa
- ⁶ Щегловин Ю.Б. Некоторые итоги конференции сирийской оппозиции в Дохе. – <http://www.iimes.ru>
- ⁷ Насс иттифак Доха ли инша' аль-иатиялф аль-ватаний ликува саура ва аль-муарада ас-сурия (Дохийское соглашение о формировании Национальной коалиции сирийских оппозиционных и революционных сил). – Доха, 2012.
- ⁸ Syria: A Priority for New Opposition Group: Curb, Condemn, Investigate and Punish Abuses by All Factions. – <http://www.hrw.org/ru/node/111360>
- ⁹ Steele J. Syrian Minister Offers to meet Opposition Leader Overseas // The Guardian. 13.02.2013.

- ¹⁰ Syrian Insurgents Reject West-Imposed Coalition, Declare Own Islamic State. – <http://www.rt.com>
- ¹¹ Vinograd C. Syria rebels: Islamic militants nabbed our weapons. – <http://bigstory.ap.org/article/syrian-rebels-islamists-welcome-peace-talks>
- ¹² Spencer R. Syrian Rebels Seek New US Arms Supplies as Geneva Talks // The Telegraph. 23.01.2014.
- ¹³ L'Embargo Sur les Armes Vers la Syrie ne Pénalise Que les Opposants au Régime Assad // Le Monde. 27.02.2013.
- ¹⁴ The New York Times. 21.06.2012.
- ¹⁵ Hubbard B. US Faces Dilemma in Support for Syria Rebels // International Herald Tribune. 20.04.2013.
- ¹⁶ Заявление официального представителя МИД России А.К. Лукашевича по вопросу о поставках оружия сирийской оппозиции. МИД России. 2 марта 2012 г. – www.mid.ru
- ¹⁷ Solana J., Scheffer J. de H. Geneva Talks Hold the Only Key to Syria // International Herald Tribune. 12.06.2013.
- ¹⁸ Хейату ат-тансик аль-ватаний ли куваат-тагйир ад-димукратый. Баян сыхафий. Димашк (Национальный координационный комитет за демократические перемены. Заявление для СМИ). – Дамаск, 2013.
- ¹⁹ Arming the Syrian Rebels is Justified // Financial Times. 15.06.2013.
- ²⁰ Rifkind M. A Call to Arm Syria's Rebels // The New York Times. 8.08.2012.
- ²¹ Erlanger S. France Calls for Pledged to Syrians to be Honored // International Herald Tribune. 29.01.2012.
- ²² Джамиа дуали аль-арабия. Аль-аудаа аль-хатыр фи сурия (Лига арабских государств. «Опасное развитие ситуации в Сирии»). 2013.
- ²³ Doherty R., Bakr A. Secret Turkish Nerve Centre Leads Aid to Syria Rebels. – www.reuters.com
- ²⁴ Fisk R. Syrian War and Hypocrisy // Independent. 29.07.2012.
- ²⁵ Х. Клинтон: США готовы перейти к рассмотрению жестких акций против Сирии. – www.interfax.ru
- ²⁶ The Day After Project: Supporting a Democratic Transition in Syria. – www.thedayafter-sy.org
- ²⁷ The US-Russian Negotiations on Chemical Weapons Elimination in Syria. – <http://www.mid.ru>
- ²⁸ Иалят Доха. Ижтимаа джами ад-адувал аль-арабия аля мустава аль-кимма (Дохийское заявление. Встреча ЛАГ на высшем уровне). – Доха, 2013.
- ²⁹ Комментарий ДИП МИД России в связи с решением Генеральной ассамблеи Национальной коалиции коалиционных и революционных сил по вопросу об участии в Международной конференции по Сирии. – www.mid.ru
- ³⁰ Mabillard B. L'Opposition Sous Pression // Le Temps. 14.02.2014.
- ³¹ Solana J., Scheffer J. de H. Op. cit.
- ³² Мубадара аль-Кахира ли саут муваххид лиль-муарада ас-сурия фи аль-муатамар ад-даулий хауля сурия (Жинив 2) (Каирская инициатива для выработки общего подхода сирийской оппозиции в ходе международной конференции по Сирии («Женева-2»). – Каир, 2013.
- ³³ Мисак аль-ватаний ас-сурий. Хейатат-тансик аль-ватаний (Национальный координационный комитет за демократические перемены. «Национальный

- сирийский пакт: предложения к переговорам с правительством»). – Дамаск, 2013.
- ³⁴ Баян аль-хитамиль лиль-муатамар аль-ватаний ли инказ сурия (Заключительное заявление национальной конференции по спасению Сирии). – Дамаск, 2012.
- ³⁵ Заявление министра иностранных дел России С.В. Лаврова по итогам беседы с заместителем председателя Совета министров Сирии К. Джамилем и госсекретарем по делам национального примирения Сирии А. Хейдаром. – Москва, 21 августа 2012 г. – www.mid.ru
- ³⁶ Машруа аль-мархаля аль-интикалия ва ат-ташриаия. Ат-тад-жамму ад-димукратый аль-муваххад («Проект реформ в законодательной сфере в переходный период». Национальный демократический альянс Сирии). – Париж, 2013.
- ³⁷ Projét de Constitution Syrienne. Réunion Democratique Unifié. – Paris, 2013.
- ³⁸ Report on the Situation of Syriac Christians in Syria. Syrian National Council of Syria. – Damascus, 2013.
- ³⁹ Malbrunot G. Les États-Unis Accueillent des Opposants Syriens Proches de Moscou // Le Figaro. 27.02.2013.
- ⁴⁰ Mabillard B. La Russie Place Ses Affidés Pour Atomiser l'Opposition Syrienne // Le Temps. 12.11.2013.
- ⁴¹ Petite S. Quand Bachar el-Assad Devient Fréquentable // Le Temps. 28.01.2015.
- ⁴² Tisdal S. US Changes its Tune on Syrian Regime Change as ISIS Treat Takes Top Priority // The Guardian. 25.01.2015.

«Азия и Африка сегодня», М., 2015 г., № 6, с. 13–20.

М. Володина,
кандидат исторических наук,
младший научный сотрудник (ИМЭМО РАН)
**АЛЖИРО-МАРОККАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В СВЕТЕ ЗАПАДНОСАХАРСКОГО КОНФЛИКТА**

Западносахарский конфликт, отличающийся большой сложностью и многофакторностью, продолжал в 2014 г. влиять как на состояние региональной безопасности в Северной Африке в целом, так и на межгосударственные отношения Алжира и Марокко. Особую значимость западносахарская проблема приобрела в связи со свержением режима М. Каддафи в Ливии и возникшим там политическим вакуумом, который характеризуется практически полным отсутствием контроля над протекающими в этой стране хаотическими и неконтролируемыми процессами.

Непрекращающаяся война в Мали, ставшая следствием падения режима Каддафи, захват боевиками оружия, которое теперь беспрепятственно распространяется по соседним странам, стано-

вятся главными угрозами для Африки и всего мирового сообщества. Нерешенность западносахарского конфликта способствует также возрастанию террористической угрозы, поскольку многие террористы привлекают на свою сторону население, неудовлетворенное центральной властью или ввиду ее отсутствия (как в случае с Западной Сахарой).

Проблема Западной Сахары являет собой сложный комплекс многолетних и исторических особенностей взаимоотношений стран в Северной Африке. В многолетнем территориальном споре за территорию Западной Сахары переплетаются как политико-экономические, так и регионально-территориальные противоречия, которые еще больше усугубляются устремлением сюда различных политических игроков, преследующих здесь собственные интересы.

Марокко ставит своей целью воссоединить земли, которые, как считают в королевстве, исторически принадлежат ему, что является вопросом геополитического престижа страны, средством повышения авторитета монарха среди подданных, но также и способом получить значительную экономическую выгоду от эксплуатации сухопутной и прибрежной территории Западной Сахары, богатой минеральными и рыбными ресурсами. В свою очередь, Алжир, для которого остается неприемлемым усиление роли Марокко на региональном уровне, поддерживает право населения Западной Сахары на самоопределение и создание независимого суверенного государства, рассчитывая также укрепить собственные политические и экономические позиции в регионе Магриба. Ведь в случае обретения Западной Сахарой полноценной независимости Алжир станет одним из основных поставщиков углеводородов в эту страну, сможет также, предоставляя Западной Сахаре финансовую и техническую помощь, активно участвовать в разработке нефтяных месторождений и дальнейшем развитии нефтяной промышленности в этой стране.

В сложном и двойственном положении в связи с сахарской проблемой оказались европейские страны. Признавая государства, которые обрели свое нынешнее географическое очертание после Второй мировой войны, европейские лидеры уклоняются тем не менее от открытой поддержки курса Марокко на возвращение своих исторических территорий. В то же время, учитывая существование тех государств со сложным этнокультурным и этнолингвистическим составом населения, где проявляются центробежные тенденции, в Европе очень настороженно и с большой опаской воспри-

нимают проблемы, порожденные сецессией, ирредентизмом и пр., т.е. такие проблемы, которые становятся камнем преткновения в отношениях одного или двух государств.

Причинами длительного и затяжного конфликта в Западной Сахаре являются несогласованность позиций различных западно-сахарских племен по вопросу предоставления независимости Западной Сахаре, сама специфика социально-политической структуры западносахарского общества, а также географические особенности этого региона. Испокон веков проживавшие здесь племена находились в постоянной борьбе друг с другом из-за сурового климата пустыни и как следствие этого – отсутствия продовольствия, что вынуждало их периодически совершать набеги на караванные пути с целью поиска провизии и средств к существованию. По этой причине в пустыне практически исключена иерархическая политическая структура, которая выступала бы гарантом безопасности племен, являлась бы балансиrom в возможных противостояниях различных племен.

В силу удаленности друг от друга различных племен, их кочевого образа жизни, а также трудностей, возникающих при проведении полноценных социологических исследований, трудно подсчитать истинную численность западносахарского населения. Так, в начале 1980-х годов некоторыми исследователями приводились сбалансированные цифры (ввиду значительных расхождений данных у французов и испанцев) – около 150 тыс. человек¹. К настоящему времени эти оценки достигли 500 тыс. человек, однако приведенные данные вызывают сомнение, поскольку западносахарские племена постоянно кочуют, и они включены в статистику марокканского государства. Потому-то отчасти вопрос о принадлежности этих племен к образовавшемуся в Западной Сахаре государству является проблемой самоопределения и идентификации каждого члена местных сообществ.

Важным фактором развития Северной Африки является сложносоставной характер взаимоотношений основных политических «игроков» в этом регионе – Марокко, Алжира и Ливии. Если Ливия (благодаря М. Каддафи) находила определенный баланс в выстраивании своей внешнеполитической стратегии, то Алжир и Марокко были исторически связаны кругом противоречий и взаимных претензий.

¹ Saxena S.C. Western Sahara: No Alternative to Armed Struggle. – Delhi, 1995. – P. 8.

С самого начала борьбы за независимость Западной Сахары лишь Фронт ПОЛИСАРИО (Народный фронт за освобождение Сагийет-эль-Хамра и Рио-де-Оро) стал той единственной организацией, которая открыто выступила за полную независимость. Другие политические объединения, выражавшие интересы населения Западной Сахары, были нацелены с момента своего создания исключительно на борьбу с колониальными испанскими властями. 17 июня 1970 г. произошла кровавая драма в одном из кварталов Аль-Аюна, где испанскими властями был дан жесткий отпор со стороны недовольного населения. Многие представители Фронта ПОЛИСАРИО были арестованы, а его руководитель, Мухаммед Сид' Брагид Башири, убит. Именно в этот день западносахарский народ осознал, что обрести свободу и независимость невозможно лишь мирным путем. Это событие ознаменовало собой начало становления народного самосознания западносахарцев.

В наши дни проблема признания западносахарской независимости так все еще остается далекой от разрешения, главным образом, ввиду несовпадения позиций по этому принципиальному вопросу между представителями ПОЛИСАРИО и Марокко.

В 2006 г. Королевский консультативный совет по делам Сахары (Марокко) выдвинул план, предусматривающий предоставление Западной Сахаре статуса автономии под суверенитетом Марокко. Фронт ПОЛИСАРИО категорически отверг подобный сценарий, полагая, что именно население Западной Сахары, располагая правом на самоопределение, должно само определить статус нового государства путем проведения всенародного референдума. Представители ПОЛИСАРИО подкрепляют свою позицию ссылками на соответствующие статьи Устава ООН, где обосновывается право на национальный суверенитет именно народа, а не только конкретного государства. Лидеры Фронта ПОЛИСАРИО отклонили подобное предложение, поскольку, как они убеждены, народ Западной Сахары выступает за полную независимость своей страны, а не за автономию в составе Марокко. Таким образом, провозглашенная Фронтом ПОЛИСАРИО в 1976 г. Сахарская Арабская Демократическая Республика (САДР) остается частично признанным государством. Его суверенитет признан более чем 60 странами, в то время как другие временно заморозили признание САДР, ожидая результатов референдума по самоопределению. Можно надеяться, что это событие не заставит себя долго ждать – не без активного участия всех политических сил Западной Сахары, а также при нахождении консенсуса между двумя сторонами

конфликта (Марокко и Фронтом ПОЛИСАРИО), и более сбалансированной марокканской внешней политики.

Примечательно, что именно события в Западной Сахаре послужили своеобразным детонатором «арабской весны». Речь идет о состоявшейся 8 ноября 2010 г. в Эль-Аюне (западносахарском городе на границе с Марокко, контролируемом марокканской администрацией) манифестации, участники которой выступили против продолжающейся дискриминации, бедности и нарушения прав человека в отношении местных жителей. Было выдвинуто также требование о предоставлении независимости Западной Сахаре. Эти события послужили отправной точкой новой политической доктрины Марокко в отношении «своих» южных территорий – включение западносахарской проблемы в конституционную реформу в стране.

События «арабского пробуждения», начавшиеся в 2011 г., затронули основные государства африканского континента, особенно ту его часть, которая и до арабских революций находилась в «турбулентном» внутривнутриполитическом состоянии. Бесконтрольный оборот в регионе оружия (что стало следствием гражданской войны в Ливии) привел к расширению пояса террористического влияния групп, связанных с «Аль-Каидой» и другими джихадистскими организациями. В свою очередь изменение геополитической карты Северной Африки и смещение ее прежних геостратегических осей стало исходным пунктом в обострившейся борьбе различных (в том числе и террористических) заинтересованных сторон за минеральные ресурсы (война в Мали является ярким подтверждением начавшегося процесса).

В этой связи возникает вопрос о необходимости поддержания внутреннего порядка в сопредельных странах и выстраивания новой внешней политики крупными государствами на африканском континенте. В подобных условиях руководителям стран, являющимся региональными центрами в Африке, предстоит выработать единый комплексный подход к решению таких сложных задач, как борьба с терроризмом и устранение конфликтных очагов на континенте. Однако многолетние трения и «шероховатости» во взаимоотношениях некоторых государств лишь усугубляются под воздействием политической нестабильности в Северной Африке.

Алжир и Марокко вновь демонстративно отказываются от совместных поисков компромиссных решений по ряду принципиальных вопросов, касающихся проблемы Западной Сахары. Поли-

тическая недалёковидность глав этих государств, как полагают некоторые эксперты, а также непростая внутривластная ситуация в Алжире и Марокко чреватые серьёзными последствиями для сохранения безопасности в регионе, поскольку именно эти две страны смогли сохранить внутреннюю стабильность в ходе «арабской весны»; они же остаются в регионе теми основными политическими центрами, от взаимных и слаженных действий которых зависит будущая устойчивость всей Северной Африки. От решения западносахарской проблемы, а главное – от установления взвешенных партнёрских отношений между ключевыми политическими силами Северной Африки – Марокко и Алжиром, зависит политическая, экономическая, социальная стабильность в данном регионе. Ведь тупиковая ситуация во взаимоотношениях между Марокко и Алжиром блокирует деятельность Союза Арабского Магриба (эта созданная в 1989 г. организация призвана способствовать региональной интеграции и совместному решению важных экономических и социальных проблем Северной Африки).

Решение западносахарской проблемы остается для короля Марокко Мухаммеда VI главным политическим приоритетом. В новой Конституции, опубликованной королем (декретом) короля Марокко 29 июля 2011 г. и ставшей своеобразным ответом на массовые протестные выступления в марокканских городах, особое внимание уделяется именно вопросу Западной Сахары. В главе 5 Основного закона впервые в марокканской истории язык хассания (разговорный арабский язык Западной Сахары) рассматривается как «неотъемлемая часть идентичности Марокко»¹. Таким образом, западносахарский компонент отныне официально включен в традиционное наследие марокканской культуры. Можно при этом, однако, предположить, что власти королевства подобным шагом пытаются разрешить не только имеющиеся культурно-исторические противоречия между марокканским населением и жителями Западной Сахары, находящимися под юрисдикцией Марокко, но также и политическую задачу. Ведь данная статья Конституции во взаимосвязи с той ее частью, где речь идет о запрете создания региональных партий в Марокко, в дальнейшем воспрепятствует Фронту ПОЛИСАРИО стать легальной силой в марокканской политической системе.

¹ Эл. ресурс: [http://www.amb-maroc.fr/constitution/Nouvelle_Constitution_%20Maroc 2011.pdf](http://www.amb-maroc.fr/constitution/Nouvelle_Constitution_%20Maroc%202011.pdf)

Марокко активно использует богатую ресурсами территорию Западной Сахары: воды, которые омывают ее берега, являются самыми «рыбообильными» в мире. Само рыболовство предоставляет 74 тыс. рабочих мест жителям Марокко; 78% от всего рыбного промысла Марокко – это рыба, выловленная у берегов Западной Сахары, и качество этой рыбы отвечает всем строгим требованиям международного контроля, что позволяет Марокко заниматься рыбным экспортом. Сельское хозяйство Западной Сахары также активно развивается и приносит значительные дивиденды марокканскому правительству. Богата территория Западной Сахары и фосфатами. Марокко стремится к монополизации производства фосфатных удобрений, которые в этой стране в настоящее время составляют около 80% от мирового производства. Государство, обладающее большими запасами фосфатов, может диктовать свои нормы на международном рынке, и Марокко как страна, использующая 45,1% мировых запасов фосфатов (не включая сюда фосфатные ресурсы Западной Сахары), может повлиять на судьбу многих государств, особенно тех, чье благосостояние напрямую зависит от развития сельского хозяйства. На территории Западной Сахары залегают богатейшие месторождения фосфатов, одним из которых является Бу Краа. Его запасы превышают 10 млрд т (около 10% мировых запасов). Сочетание таких факторов, как огромные запасы фосфатов, высокое содержание минерала в руде, возможность ее добычи открытым способом, близость рудников к побережью Атлантического океана, существенно сокращает производственные и транспортные расходы и делает добычу этих минералов в Западной Сахаре чрезвычайно выгодной.

О значимости западносахарских земель для экономического развития Марокко говорит тот факт, что около половины национального бюджета страны идет на покрытие социальных нужд южных территорий Марокко, т.е. южных провинций и самой Западной Сахары. И подобные меры уже приносят свои плоды: благодаря активному строительству школ, многие районы Западной Сахары по уровню грамотности превосходят некоторые регионы Марокко¹. Королевство выделяет колоссальные финансовые средства для реализации своих амбициозных планов, направленных на развитие инфраструктуры, строительство дорог. В ноябре 2013 г. был запущен второй этап инвестирования в Западную Сахару,

¹ Cherkaoui M. Morocco and the Sahara. Social Bonds and Geopolitical Issues. – Oxford, 2007. – P. 84.

предусматривающий вложения на 12,5 млрд долл. и рассчитанный на десять лет. Марокканские власти надеются превратить Западную Сахару в важный морской транспортный узел для всего региона Западной Африки, сделав эту страну одной из самых удобных транспортных артерией на Атлантическом побережье Африки.

При всем обилии финансовых потоков из Марокко она продолжает страдать от социальных диспаритетов – неравномерности развития и географической обособленности многих районов от основных городских агломераций. Безработица среди молодежи по-прежнему остается крайне высокой – 28%, а среди дипломированных специалистов – 41%. Для сокращения неравномерности развития Западной Сахары необходимо комплексное реформирование всего социального пространства: должны внедряться механизмы обновления элит, борьба с клановой, племенной и клиентelistской системой, которая блокирует продвижение молодежи по социальной лестнице на местном уровне.

Многие представители традиционных племенных структур активно вступают в ПОЛИСАРИО, поскольку они недовольны засилием промарокканской элиты (глав и представителей традиционных племен) во всех ветвях власти. Именно этот важный фактор, который постепенно набирает силу и стимулирует процессы размежевания с Марокко, может стать своеобразным «стеклянным потолком». С его обрушением марокканская власть будет вынуждена признать независимость Западной Сахары. В целях «контролируемости» ситуации и умирения политически активных жителей марокканскими властями поддерживается стремление западносахарцев к развитию политической системы представительства в регионе: первые региональные выборы в Западной Сахаре (на территории Марокко) были намечены на весну 2015 г. Их проведение может стать своеобразной отправной точкой для постепенного включения западносахарского населения в жизнь региона. Легитимация представительства Западной Сахары в государственных органах (пока хотя бы в рамках марокканского государства) окажется неоценимой для будущего политического развития этого, пока еще частично признанного, государства.

Особый интерес многих геополитических акторов вызвали исследования, подтвердившие наличие у берегов Западной Сахары крупных нефтяных месторождений. В 2001 г. было подписано соглашение о проведении разведки и добычи нефти между Марокко, американской компанией *Kerr Mc-Gee* и французской *Total*.

Однако Комиссия по правам человека ООН осудила подобное соглашение, ущемляющее права коренного населения Западной Сахары и не учитывающее его интересы, поскольку государство до сих пор не признано мировым сообществом, а договор был подписан марокканской стороной, что было расценено как препятствие к обретению независимости Западной Сахары. Западные компании были вынуждены признать незаконность своих действий, и «нефтяная программа» была отложена.

Однако в настоящий момент основным фактором обострения напряженности в регионе стало заявление американской корпорации Космос Энерджи с долевым капиталом марокканских нефтяных компаний о запланированном в ближайшее время начале бурения скважин у берегов Западной Сахары – недалеко от города Буждур. Многие исследователи и журналисты назвали подобные планы «битвой за нефть в последней колонии Африки»¹. Подобные действия в случае обнаружения крупных нефтяных залежей в этом районе могут привести к тому, что западные нефтяные компании, тщательно соблюдающие международные конвенции и договоренности, могут начать активно содействовать решению проблемы Западной Сахары (прежде всего оказывая давление на марокканские власти), что повлечет за собой проведение всеобщего голосования в Западной Сахаре по вопросу предоставления ей независимости, которую эта страна в конечном итоге и обретет.

Не стоит ждать скорейшего обретения Западной Сахарой независимости. Более вероятным видится поэтапное решение западно-сахарской проблемы с особой ролью экономических факторов, связанных с нефтедобычей, а соответственно, и с заведомо выгодными финансовыми контрактами. Эти факторы могут побудить западные компании активнее выступать за скорейший выход «замороженного» западносахарского конфликта из той тупиковой ситуации, в которой он в настоящее время находится. Важную роль могут также сыграть международные организации, если они увеличат свое участие в решении западносахарской проблемы.

*«Запад – Восток – Россия 2014.
Ежегодник. ИМЭМО РАН»,
М., 2015 г., с. 121–127.*

¹ Эл. ресурс: <http://www.algerie1.com/flash-dactu/sahara-occidental-le-financial-times-evoque-la-bataille-pour-le-petrole-dans-la-derniere-colonie-dafrique>

Ю. Свешникова,
младший научный сотрудник НИУ ВШЭ (Москва),
ассистент профессора в Международном институте
исламской мысли и цивилизации (Куала-Лумпур)
**МАЛАЙЗИЯ В КАПКАНЕ ИСЛАМИЗАЦИИ:
СВОБОДА СОВЕСТИ В ОБМЕН
НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРЕДИТ**

На фоне агрессивной деятельности исламистов в Ираке и Сирии другие потенциально опасные участки распространения воинствующего исламизма на время остались в тени. К числу таких регионов, на которые следовало бы обратить внимание, относятся Юго-Восточная Азия с ее традиционно мягким исламом, завезенным мусульманскими купцами через Малаккский пролив. В странах Малайского архипелага ислам всегда смешивался с доисламскими обычаями, женщины традиционно были активны, а буквализм в толковании религиозных текстов не приветствовался. Отсюда и сильная суфийская традиция, и большое разнообразие различных школ, не только внутри суннитской ветви – например, шииты и мусульмане секты Ахмадия тоже представлены в странах архипелага.

Представительство ислама в странах Малайского архипелага довольно разнообразно, и процессы исламизации разнятся по интенсивности, в зависимости от каждой отдельно взятой страны. В странах с преобладающим мусульманским населением, таких как Малайзия или Индонезия, умеренная исламизация отчасти имеет тенденцию рассматриваться как позитивное стремление выстроить социальные процессы в соответствии с нормами ислама.

В данной статье речь пойдет о Малайзии, которая в последнее время проявила себя в качестве локомотива исламизации науки и общественно-политической жизни, при этом сохраняя статус «азиатского тигра», и в целом динамично развивающейся многонациональной и многоконфессиональной страны. Действительно ли государству Малайзия удастся соблюдать баланс между традицией и модерном, который бы обеспечил мирное сосуществование столь разнообразного населения и положительный образ на внешней арене, который стратегически необходим для притока инвестиций? Судя по общественно-политическому дискурсу последних лет, борьба между традиционными элементами и модерном становится всё более заметной, а общество всё менее сбалансированным.

Исламское или светское государство?

Население Малайзии оценивается в более чем 30 млн жителей¹, из которых большинство составляют малайцы, преимущественно мусульмане – около 50%. Общая доля мусульман в стране – около 60%². В экспертном сообществе и политической элите страны присутствуют те, кто уже сейчас назвал бы Малайзию «исламским государством», как, например, в 2001 г. о ней отозвался самый влиятельный за всю ее историю премьер-министр Махатир Мохамад. Поощрение этой концепции создало питательную почву для усиления радикалистских настроений, провоцирующих углубление межрелигиозных противоречий.

Волна «исламского пробуждения» настигла Малайзию в 1980-х годах, получив импульс от иранской революции 1979 г., и имела шанс прижиться в Малайзии, которая как постколониальное государство по-прежнему находилась в поиске национальной идентичности. «Стремление вернуться к “настоящему исламу” в то время было очень сильно, – говорит директор Исламского фронта возрождения (Islamic Renaissance Front – IRF) доктор Ахмад Фарук Муса. – В то же время некоторые политические лидеры видели в распространении этих идей возможность усилить свое собственное влияние»³.

В результате стремления обуздать нарастающее влияние исламистских идей, упорядочить их и поставить на службу политической легитимности правящих элит были учреждены соответствующие государственные институты, такие как Малайзийский департамент исламского развития (Jabatan Kemajuan Islam Malaysia – JAKIM) и Исламский религиозный департамент штата Селангор (Jabatan Agama Islam Selangor – JAIS), уполномоченные издавать фетвы⁴. За время существования названных органов не раз появлялось предложение утвердить суннитскую ветвь власти (а иногда ее

¹ Department of Statistics Malaysia, official portal. – URL: <http://www.statistics.gov.my/portal/populationclockNEW/BI.php>

² Malaysia, The World Fact Book, Central Intelligence Agency, updated January 8, 2014. – URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/my.html>

³ Zakaria N. Ulama and theologians trying to control Islam, December 25, 2013. – URL: <http://www.theantdaily.com/news/2013/12/23/ulama-and-theologians-tryingcontrolislam>

⁴ Предписания религиозно-правового характера, в данном случае обязательные к исполнению мусульманами.

конкретный мазхаб – шафиитский) единственно приемлемой версией ислама в стране. Также было запрещено проповедовать ислам согласно шиитскому учению, в связи с чем на собрания мусульман-шиитов был проведен ряд рейдов.

На самом же деле утверждать, что Малайзия – исламское государство, противоречило бы Конституции, из текста которой логически следует, что в стране осуществляется светское управление, а ислам как «религия государства» исключительно в церемониальных целях. Статья 3 Основного закона гарантирует каждому право мирно исповедовать свою религию. Исключение установлено ст. 11 (4), которая позволяет ограничивать религиозную пропаганду среди мусульман на уровне законодательства отдельных штатов или на уровне федерации в целом. Так, решением Национального совета фетв от 5 мая 1996 г. шиизм включен в список идейных течений, которые запрещено проповедовать, хотя и дозволено исповедовать.

В широком смысле всё то, что на сегодняшний день не соответствует традиционно принятому в Малайзии шафиитскому мазхабу, может считаться в той или иной степени ересью, поскольку может нарушить единство малайцев¹. Это создает дополнительные причины для нагнетания напряженности в отношении христиан и мусульман-шиитов, которых обвиняют в попытках обратить мусульман-суннитов в другую религию. Проблема здесь не только в религиозном единстве, но и в национальном, которое, в первую очередь, относится к малайско-мусульманской части населения, отсюда и плотное переплетение малайского национализма и ислама². Однако если на заре независимости малайскими политиками использовался в большей степени националистический фактор, то с момента иранской революции и роста запроса на исламизацию общественной жизни стал преобладать религиозный компонент.

¹ Marchinkowski Ch. Facets of Shi'ite Islam in Contemporary Southeast Asia (II): Malaysia and Singapore, Institute of Defence and Strategic Studies Singapore, N 121, December 29, 2006. – P. 11.

² Согласно Конституции Малайзии, даже национальная принадлежность определяется в том числе через конфессиональную ориентацию – чтобы считаться малайцем, необходимо быть мусульманином.

Демонизация религиозных меньшинств

В ноябре 2005 г. в отчете о международной религиозной свободе Госдепартамента США было отмечено, что «правительство Малайзии выступает против интерпретаций ислама, которые оно сочло отклоняющимися от традиционных, утверждая, что эти взгляды угрожают национальной безопасности»¹. Согласно веб-сайту Малайзийского департамента исламского развития 56 учений были запрещены для проповедования мусульманам. Тогда они включали шиизм и даже трансцендентальную медитацию среди других². Параллельно правительство проводит мониторинг деятельности религиозных меньшинств.

Отчет Госдепа уже 2012 г. подтвердил общий тренд ущемления прав религиозных меньшинств и показал, что одной из наиболее заметных целей нападок в последние годы оказались мусульмане³. Эти настроения имеют свои причины, не связанные с религиозной практикой меньшинства⁴ или с интенсивной проповеднической деятельностью шиитов среди суннитов. Атмосфера недоверия и даже ненависти создавалась постепенно через средства массовой информации, деятельность исламских организаций и с помощью высказываний некоторых политиков.

Например, министр внутренних дел Ахмад Захид Хамиди высказался о том, что последователи этого направления ислама представляют угрозу национальной безопасности, поэтому шиизм надо ограничить. В 2013 г. Хамиди обвинил заместителя председателя Всемалайзийской исламской партии Мохаммада Сабу в принадлежности к шиизму⁵. Дело было названо «вопросом веры» и поручено Департаменту исламского развития для расследования, но по сути подразумевало обвинение в угрозе национальной безо-

¹ URL: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/2005/51518.htm>

² Возможность задержания лиц, исповедующих запрещенные течения, предоставлял в течение долгого времени акт о внутренней безопасности, который предполагал возможность задержания без суда на срок до 60 дней, а в случае необходимости – до двух лет. Был отменен в 2012 г.

³ URL: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/religiousfreedom/#wrapper>

⁴ Например, в Малайзии нет практики кровавого самоистязания в дни Ашуры, годовщины мученической смерти третьего шиитского имама – Хусейна, как это можно иногда встретить, например, в Ираке.

⁵ Minister: Shiism to be curbed to protect national security, Malaysiakini, December 13, 2013. – URL: <http://www.malaysiakini.com/news/249247>

пасности¹. Министр Хамиди прокомментировал это дело так: «Ислам ставит публичные интересы выше индивидуальных прав», подразумевая, что единство мусульманской уммы важнее прав отдельных меньшинств². Заявления подобного рода поощрили практику превентивных действий в отношении предполагаемых угроз.

В июле 2013 г. главный министр штата Кедах Мухриз Махатир, сын Махатира Мохаммада, повторил эдикт Национального совета фетв и отметил, что основное беспокойство властей связано с опасностью обращения мусульман-суннитов в шиизм³, по сути апеллируя к религиозному единству малайского большинства как способу защиты публичного интереса.

Впрочем, шииты стали не единственным объектом нападков со стороны государственных институтов, политиков и исламских организаций из сторонников буквалистского толкования писаний. Летом 2011 г. был произведен рейд на методистскую церковь в Петалинге по подозрению обращения в христианство присутствующих там мусульман. Доказательств означенной деятельности представлено не было, но исламистские организации незамедлительно призвали к «защите мусульманской веры в стране»⁴ и необходимости принять более строгие законы, карающие вероотступничество⁵.

Другой эпизод относится к 2008 г. и касается изъятия 32 Библий у христиан, возвращающихся из Филиппин, – книги были конфискованы и переданы для инспекции в Министерство внутренней безопасности⁶. А 2 января 2014 г. сотни Библий были конфискованы из Библейского сообщества – на основании того,

¹ Jakim to get proof of Mat Sabu's Shia link, New Straits Times, December 16, 2013. – P. 4.

² Zurairi Ar. In religious auction, ulama urge PAS to shun «liberals» // The Malaysian Online, November 21, 2013. – URL: <http://www.themalaymailonline.com/malaysia/article/in-religious-auction-ulama-urge-pas-to-shun-liberals>

³ URL: <http://www.touristmy.com/%D8%AE%D8%A8%D8%B1-%D8%A7%D9%88%D9%84/7948-tourist-online-news-malaysia.html>

⁴ Tosatti M. Malaysia, Radical Islam on the rise, November 23, 2011. – URL: <http://www.vaticaninsider.lastampa.it/en/world-news/detail/articolo/malesiamalaysia-malasia-islam-diritti-delle-minoranze-derechos-de-las-minorias-minority-right>

⁵ Вероотступничество представляет собой еще одну долгоиграющую тему в малайзийском исламском дискурсе, в частности по вопросу: должно ли вероотступничество караться смертной казнью?

⁶ Bibles Confiscated at Airport, February 5, 2008. – URL: http://www.world-watchmonitor.org/2008/02-February/newsarticle_5212.html

что накануне решением суда было запрещено использование слова «Аллах» и ряда других слов арабского происхождения немусульманами в результате судебного разбирательства против католической газеты *The Herald*, начатого в 2007 г. В 2011 г. кабинет принял решение из десяти позиций, которое позволяло христианам Малайзии использовать коранические слова¹, традиционно использовавшиеся на службах, а также для перевода религиозных текстов на малайский язык. Однако в июне 2014 г. Высший суд подтвердил решение апелляционной инстанции октября 2013 г. о запрете использовать слово «Аллах» и некоторые другие в публикациях и богослужениях².

Гонка благочестия

Настроения защиты ислама и мусульман от распространения всевозможных идей, в частности относящихся к отличным течениям в исламе или абстрактным «западным ценностям», обусловлены внутри- и внешнеполитическими причинами, а отнюдь не реальной угрозой идейной целостности мусульманского большинства. Распространение этих настроений, нарушающих гармонию многоконфессионального государства, стало возможным благодаря особому климату, созданному в процессе политической борьбы двух основных политических партий – Объединенной малайской национальной организации (ОМНО) и Всемалайзийской исламской партии (ПАС). Политическое противостояние этих двух партий – националистической, борющейся за права малайцев, и консервативной исламской, со временем стало напоминать «гонку благочестия». Для того чтобы привлечь голоса малайско-мусульманского большинства, члены партий стали использовать любую возможность, чтобы обвинить оппонента в недостаточной преданности исламским идеалам. Так, программа изначально более националистической ОМНО, бессменного лидера в системе парламентской монархии Малайзии, приобрела крен в религиозную сторону.

¹ Does 10-point agreement still hold? S'gor to ASK Zahid for clarification on Malay Bible, January 7, 2014. – URL: http://www.malaysia-chronicle.com/index.php?option=com_k2&view=item&id=210411:does-it-still-hold?-sgor-to-ask-zahid-for-clarificationon-10-point-agreement-for-malay-bible&Itemid=2#axzz2qrdKWNnF

² Hellmann M. Malaysia's Highest Court Upholds Ban on Christians Using the Word, June 23, 2014. – URL: <http://www.time.com/2910780/malaysias-highest-courtupholds-ban-on-christians-using-the-word-allah/>

Согласно стратегии премьера Махатира, ОМНО изначально позиционировалась как единственная партия, способная гарантировать процветание малайцев и национальное единство. Со временем единство внутри малайской части мусульманской уммы также стало фактором политики партии. Доктор Фарук Муса замечает, что правительство, ведомое ОМНО, теперь «старается позиционировать себя как амир аль-муминин (лидер мусульман), а значит, все должны ему беспрекословно повиноваться»¹. Изначально же традиционалистская ПАС стала частью относительно либеральной оппозиции. В этом процессе шиитский вопрос и взаимные межрелигиозные подозрения также стали удобным инструментом для «разоблачения» оппонентов в отступлении от идеалов ислама.

Осенью 2013 г. мусульманские НКО вместе с Малайзийским департаментом исламского развития заявили о глобальном заговоре против ислама, осуществляемом с помощью распространения идей либерализма, плюрализма, феминизма, социализма и других, о чем представитель департамента высказался в пятничной проповеди. В 2014 г. попытка подавить интеллектуальный протест, выразившийся в некоторых публикациях в СМИ и выступлениях на публичных мероприятиях, встретила реакцию в виде привлечения преподавателей и социальных активистов к ответственности согласно Акту о мятеже (Akta Hasutan).

Организации крайнего толка, такие как, например, Организация исламской солидарности (Ikatan Muslimin Malaysia – ISMA), именно в последние годы стали особенно активны в продвижении шариата как единственной основы законодательства страны, вместо дуальной правовой системы, включающей также светское законодательство. По инициативе ПАС на публичное обсуждение было вынесено предложение о введении исламского уголовного права в штате Келантан с соответствующими традиционной интерпретации телесными наказаниями. Подобные обсуждения создают ряд ложных дихотомий, когда неискушенной публике предлагается выбрать между поддержкой инициатив исламистских сил и тем, чтобы считаться отступником от исламских ценностей. Это, в свою очередь, делает более интенсивным поиск внешних врагов (21), раскольников в исламе и способствует распространению конспирологических теорий, что является удобным инструментом

¹ Zakaria H. A PAS-Umno union not necessarily best for Islam, December 27, 2013. – URL: <http://www.theantdaily.com/news/2013/12/27/pas-umno-union-not-necessarilybest-Islam>

отвлечения публичного внимания от социально-экономических проблем.

Исламизация и внешнеполитические приоритеты

Внешняя политика Малайзии, особенно со времени премьерства Махатира Мохаммада (1981–2003), была также нацелена на решение в первую очередь внутривластных задач. Расширение сотрудничества с Саудовской Аравией в эру Махатира помогло привлечь многомиллионные инвестиции на развитие инфраструктуры – строительство дорог, портов, больниц, а также удовлетворить некоторые религиозные потребности – обеспечить квоты на хадж, получить инвестиции в религиозное образование и проекты по распространению «правильного» ислама суннитского толка. С января 1985 г. было даже запущено вещание совместной саудийско-малайзийской радиостанции Нида уль-ислам («Голос ислама»), прямо из Мекки, с контентом о событиях в мусульманском мире¹. В мае 2014 г. в медиа разыгрался скандал в отношении компании «Кэддберри», в шоколаде которой якобы обнаружили производные свинины. Повторные тесты не подтвердили предположение, но неприятный осадок остался и, вероятно, нанес урон имиджу шоколадного гиганта.

За время развития двусторонних отношений страны подписали ряд соглашений, в том числе о нецелесообразности двойного налогообложения в мае 2013 г., соглашения о сотрудничестве в сфере науки и технологии, в том числе последнее в декабре 2011 г. В 2013 г. Малайзия открыла в КСА торговую миссию². Саудовская Аравия утвердилась на 19-м месте в списке торговых партнеров Малайзии, и на 16-м месте – по объемам импорта. В 2011 г. государства подписали соглашение о сотрудничестве в области безопасности.

В попытке обеспечить соответствующий имидж мусульманской страны и сбалансировать организации, требующие большей

¹ McDaniel D.O. Broadcasting in the Malay World: Radio, Television, and Video in Brunei, Indonesia, Malaysia and Singapore, New Jersey: Ablex Publishing Company, 1994. – P. 121.

² Fareed S. Malaysia to expand trade ties with Saudi Arabia // Saudi Gazette. – URL: <http://www.saudigazette.com.sa/index.cfm?method=home.regcon&contentid=20130522166780>

исламизации общественной жизни, правительство запустило ряд инициатив, например Международный исламский университет Малайзии, аффилированный с Организацией исламского сотрудничества (ОИС), Исламский фонд экономического развития, Организацию исламского банкинга и др.

Параллельно ОМНО работала над созданием имиджа Малайзии как динамично развивающейся мусульманской страны, которая станет примером для мусульманской уммы, участвуя в обсуждении палестинского вопроса, решении вопросов мусульманских меньшинств в регионе. Эти достижения со временем стало возможным противопоставить ПАС, которая с 1979 г. поддерживала активные контакты с новым иранским шиитским режимом¹ и рассматривала его в качестве успешной модели исламского государства. Противопоставить некоторую альтернативную политику ПАС оказалось важным для ориентации ОМНО на укрепление отношений с Саудовской Аравией, одним из главных беспокойств которой с 1979 г. стало возможное распространение иранской революции в другие мусульманские страны.

С идеологической точки зрения ситуация тоже складывалась в пользу КСА. Если шиитское учение неоднократно называлось представляющим угрозу суннитско-шафиитскому единству, то экстремистские взгляды, вдохновленные ваххабизмом, который является основной идеологией Королевства, официального порицания в Малайзии так и не нашли². В сумме с ростом числа задержаний иранских граждан по подозрению в контрабанде наркотиков и использовании иранцами Малайзии в качестве перевалочного пункта для нелегальной миграции в Австралию, а также повышением напряженности в отношении Ирана со стороны КСА в связи с перспективой американо-иранского потепления Малайзия также заняла более жесткую позицию в отношении шиитского меньшинства и иранских мигрантов. В том числе для иранцев безвизовый въезд был сокращен с 90 дней до двух недель, по официальному заявлению – в связи с попыткой предотвратить нелегальную миграцию. Параллельно с ужесточением визового режима и удли-

¹ Idris A. Malaysia's Relations with Saudi Arabia Under Tun Dr. Mahathir Era, 1981–2003 // University Utara Malaysia, Perpustakaan Sultanah Bahiyah. – URL: <http://www.repo.uum.edu.my/3171/1/S7.pdf> <http://repo.uum.edu.my/3171/1/S7.pdf>

² Idris A. Malaysia's Relations with Saudi Arabia Under Tun Dr. Mahathir Era, 1981–2003 // University Utara Malaysia, Perpustakaan Sultanah Bahiyah. – URL: <http://www.repo.uum.edu.my/3171/1/S7.pdf> <http://repo.uum.edu.my/3171/1/S7.pdf>

нением процесса рассмотрения заявлений ограничились возможности трудоустройства иранцев в Малайзии, и, скорее всего, в дальнейшем негласное ограничение коснется приема иранских студентов в университеты – по причине защиты национальной безопасности на идеологическом уровне.

В сентябре 2013 г. в результате продолжительной кампании против мусульман-шиитов исламистские группы направили министру иностранных дел просьбу прекратить дипломатические отношения с Ираном. На что, однако, министр заявил, что проблемы распространения шиизма в Малайзии являются внутренними и не касаются отношений государства с Ираном¹ (26).

В целом пример Малайзии соответствует теории о прочной взаимосвязи внешней и внутренней политики постколониальных стран, где внешняя политика строго ориентирована на удовлетворение внутривнутриполитических нужд. Национальная идентичность также отчасти определяется через внешнюю политику, что для Малайзии отражается в стремлении выступать прогрессивным лидером мусульманского мира с одновременным акцентом на исламских ценностях в их местной интерпретации и попытках исламизации различных сфер жизни, порой в ущерб интересам этноконфессиональных меньшинств и единству многомиллионной нации.

Ислам на этом пути послужил правящей элите как в качестве исходной базы для выстраивания внешней и внутренней политики, так и инструментом для балансирования в борьбе с оппонентами и выполнения внешнеполитических задач, в частности привлечения инвестиций со стороны суннитских покровителей и партнеров.

Использование ислама в качестве такого инструмента задействовало и прием поиска внешнего и внутреннего врага, на роль которого в том числе успешно подошли мусульмане-шииты – внутренний враг внешнего происхождения. Внутри страны борьба с девиантными течениями позволяет повысить легитимность действующей власти и сплотить мусульманское большинство вокруг правительства, вовне – создать образ прогрессивного суннитского государства, следующего правильным канонам ислама. В этом смысле восприятие «шиитской угрозы» сближает Малайзию с суннитскими монархиями Персидского залива. В то же время отношение к буквалистскому толкованию Священных Писаний в духе ваххабитской идеологии более лояльное, а местами боль-

¹ <http://www.touristmy.com/8226-ماليزيا-اخبار-tourist-online-news-malaysia.html>

шая строгость в подходе к ритуальной стороне ислама может восприниматься как знак большей духовности, т.е. в позитивном ключе, несмотря на включение таких организаций, как Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ), в список террористических организаций.

В долгосрочной перспективе стремление к большей исламизации встретит активное сопротивление этноконфессиональных меньшинств и прогрессивно настроенных элементов внутри мусульманского большинства. Консервативные группы постараются определить последних как внутреннего врага, выполняющего замысел внешних сил. С другой стороны, прогрессивные силы в самом политическом истеблишменте предпримут попытки сгладить этот тренд путем предложения новых инициатив и вынесения их на публичное обсуждение, как, например, теперь на различных уровнях обсуждается пакет законопроектов о национальном единстве, имеющий небольшие шансы на принятие в ближайшем будущем.

«Вестник аналитики», М., 2014 г., № 4, с. 56–64.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Д. Пахомов,

директор Фонда поддержки
христианских церквей «Международный фонд
Христианская Солидарность», сопредседатель
Международной ассоциации «Христианство и Ислам»

ДОКЛАД НА СЛУШАНИЯХ

В ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЕ РФ НА ТЕМУ:

**«О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
“ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА”**

НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

14 июля 2015 г., г. Москва. В Общественной палате Российской Федерации состоялись общественные слушания на тему «О противодействии деятельности “Исламского Государства” на территории Российской Федерации». В данном представительном мероприятии в частности приняли участие:

Протоиерей Всеволод Чаплин – Председатель Синодального отдела Московского Патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества.

Муфтий Крганов Альбир Рифкатович – член Комиссии ОП РФ по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений.

Епископ Сергей Ряховский – председатель Российского объединенного Союза христиан веры евангельской.

Сатановский Евгений Янович – президент Института Ближнего Востока.

Бакланов Андрей Глебович – Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Саудовской Аравии в 2000–2005 гг.

Андреев Владимир Владимирович – заместитель директора Департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД России.

Захарова Анжелика Валентиновна – президент Национального конгресса Славянских народов Грузии.

Хизриева Галина Амировна – старший научный сотрудник сектора исследований межнациональных и религиозных проблем Центра гуманитарных исследований РИСИ.

Пахомов Дмитрий Вячеславович – директор Фонда поддержки христианских церквей «Международный фонд “Христианская Солидарность”»; сопредседатель Международной ассоциации «Христианство и Ислам»; а также многие другие представители экспертного сообщества и общественности.

Приводим текст доклада директора Фонда поддержки христианских церквей «Международный фонд “Христианская Солидарность”», сопредседателя Международной ассоциации «Христианство и Ислам» Пахомова Д.В., представленного на общественных слушаниях на тему «О противодействии деятельности “Исламского Государства” на территории Российской Федерации»:

«Уважаемые коллеги, благодарю за возможность выступить в столь представительном собрании!

Террористическая группировка “Исламское Государство” в своей деструктивной деятельности активно использует технологию “сетевых войн”, приобретающую всё большее значение в нашу информационную эпоху. “Цветные революции”, “арабская весна”, события в Сирии, Ливии, и тем более революционные события февраля 2014 г. на Украине, – классические примеры применения этой технологии. Вместе с тем технология сетевых войн не исчерпывается организацией “цветных революций” и политических кризисов: сфера ее воздействия гораздо шире. Цель сетевых войн – не прямое или скрытое управление ключевыми общественными процессами и институтами, а через них – политической и бизнесэлитой, руководством государств – объектов воздействия с целью принятия последними желаемых решений. Также сетевые войны практически не ограничены в инструментарии и не сводятся, вопреки распространенному мнению, только к информационным войнам в СМИ или в социальных сетях Интернета. Они включают в себя общественно-политические, дипломатические, организационные, разведывательные и силовые инструменты.

Ключевая тактика сетевой войны – распределенная атака, или “роение”. Это внешне самостоятельная деятельность различных акторов – общественных групп и движений, неправительственных и религиозных организаций, СМИ, силовых групп, отдель-

ных персоналий – в реальности координируемая и направленная на достижение одной или нескольких ключевых целей. Такой целью может быть атака на общественные группы и на лиц, принимающих решения, с целью принуждения их к действиям в желательном для операторов атаки направлении.

Управление подобным сообществом осуществляется опосредованным способом, при котором большинство непосредственных исполнителей либо используется “втемную”, с обозначением лишь предпочитаемого общего “направления движения”, либо участникам сети через посредников ставятся узкоспецифические задачи без раскрытия общего плана действий и конечной цели. “Роеение” не требует “ручного” управления всеми участниками процесса, абсолютное большинство участников сети действует по собственной инициативе, самостоятельно изыскивая наилучшие способы выполнения своих задач. Завуалированность иерархических связей и оперативная взаимозаменяемость компонентов сети позволяет последней выдерживать атаки против нее – что значительно повышает эффективность, автономность и выживаемость сетевых структур различного толка по сравнению с классическими иерархическими (официальными) структурами. Участники сетевой атаки синхронизируют и координируют свои действия: в рамках сети всегда хорошо налажены процессы обмена информацией и координации действий, что обеспечивает еще одно преимущество сетевых организаций по адаптации и скорости реагирования по сравнению с классическими общественными, государственными и религиозными институтами...

...В XX веке, в период господства атеистической идеологии, роль религии в общественных процессах существенным образом сократилась, но в последние десятилетия, после краха коммунистической идеологии и сопутствовавшего ей “научного атеизма”, религия вновь возвращается в “большую игру”, оказывая всё более возрастающее влияние на умы людей.

Объективный анализ актуальной межнациональной и межрелигиозной ситуации, как в самой Российской Федерации, так и в государствах образовавшихся после распада Советского Союза, а также вопрос, связанный с распространением экстремистских идей в исламской упаковке, увы, неутешителен!

Этническое и религиозное разнообразие России является как преимуществом, так и уязвимостью: продвижение экстремистских националистических и религиозных идей в таком обществе значительно облегчается, а при значительном ухудшении социально-

экономической обстановки с высокой вероятностью приводит к внутриполитическому взрыву.

В преимущественно исламских регионах Северного Кавказа наблюдаются две противоположные тенденции – внешняя стабилизация ситуации, выражающаяся в формировании жестких региональных политических систем и снижении количества радикальных силовых проявлений исламистского экстремизма (в том числе терактов), и скрытая экспансия экстремистских и джихадистских идей на фоне общей исламизации молодежи. Наиболее активен этот процесс в Дагестане, где смена власти и последовавшая попытка нового руководителя Рамазана Абдулатипова реформировать систему неформальных клановых и властных квот в региональной власти в значительной степени потерпела неудачу. В настоящее время процесс скрытой экспансии экстремизма джихадистского толка конвертируется в повышение силовой экстремистской активности. Примером подобной тенденции можно назвать теракты в г. Грозном в декабре 2014 г. Таким образом, минимум вооруженной и террористической активности экстремистов, достигнутый в результате подавления прежних, существовавших еще с периода двух чеченских войн, радикальных движений, оказывается преодолен вследствие нарастания новых негативных тенденций в исламском сообществе Северного Кавказа.

На глубокое вовлечение молодежи республик Северного Кавказа с преимущественно исламским населением (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия) в религиозную жизнь ислама накладывается значительное повышение роли Интернета и социальных сетей, делающих доступными агитацию иностранных радикальных джихадистских движений, а также агитация “миссионеров” этих движений непосредственно “на местах”. Также негативную роль оказывает симпатия некоторой части имамов этих республик к салафитской версии ислама, при этом данные представители духовенства не формируют негативное отношение к экстремистским джихадистским движениям и вооруженному экстремистскому подполью. Общую негативную тенденцию усиливает и тот факт, что в июне 2015 г. террористическая группировка “Исламское государство” объявила о создании провинции (вилаята) на территориях Чечни, Ингушетии, Дагестана и Кабардино-Балкарии, с соответствующим заявлением выступил второй человек в террористической организации Абу Мухаммад аль-Аднани, выполняющий функции пресс-секретаря Абу Бакра аль-Багдади.

Основная деятельность по предотвращению подобных угроз (в том числе исходящих от террористической группировки “ИГ”) для Российской Федерации в настоящее время возложена на уполномоченные органы государственной власти. Вместе с тем в практической реализации данных деструктивных влияний значительно возрастает роль технологии “сетевых войн” – для купирования угроз такого типа требуются неклассические подходы. Соответственно, повышается роль организаций гражданского общества. Это обстоятельство делает необходимым создание в России эффективных общественно-политических и общественно-религиозных сетевых структур – операторов технологии “сетевых войн”.

Для решения описанных выше задач в феврале 2015 г. в Москве была создана Международная ассоциация “Христианство и Ислам”.

Сопредседателями Международной Ассоциации “Христианство и Ислам” являются Ваш покорный слуга, директор фонда “МФХС” – Пахомов Дмитрий Вячеславович и заведующий отделом исламских исследований Института стран СНГ – Сафаргалиев Ильдар Фаатович.

Задачи проекта:

- Укрепление межрелигиозного и межнационального мира в Российской Федерации через укрепление диалога между представителями двух крупнейших традиционных религий России – Христианства и Ислама, а также посредством создания общественной сети христианских, исламских и конструктивных национал-патриотических организаций.

- Повышение роли Христианства и Ислама в общественной, политической и культурной жизни России.

- Народная (Общественная) дипломатия в государствах постсоветского пространства и Ближнего Востока.

- Системный мониторинг угроз политической дестабилизации в этнорелигиозной и социальной сфере в Российской Федерации и в государствах постсоветского пространства.

- Системный мониторинг угроз Российской Федерации исходящих от политической турбулентности и деятельности международных террористических организаций (в том числе и псевдорелигиозного толка) в странах ближнего и дальнего зарубежья.

По инициативе Международной ассоциации “Христианство и Ислам”, поддержанной Русской православной церковью и целым

рядом традиционных для Российской Федерации конфессий, в ноябре текущего 2015 г. будет проведена единая для всех традиционных религиозных организаций России неделя молитвы о мире на Ближнем Востоке.

Благодарю за внимание!»

Текст предоставлен Международной ассоциацией «Христианство и Ислам», для публикации в бюллетене «Россия и мусульманский мир». (Дата поступления в редакцию 15.07.2015.)

М. Билалов,

доктор философских наук,
профессор, заведующий кафедрой онтологии
(Дагестанский государственный университет)

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ СУФИЗМА И САЛАФИЗМА

В научной, философской и политологической литературе сегодня значительное внимание уделяется основным экономическим, политическим, психологическим и иным причинам обострения внутриконфессиональных отношений в исламе. Здесь важно выявить глубинные теоретические разногласия традиционного для Северного Кавказа ислама (его мистической ветви – суфизма) с салафизмом. Суфизм в современных формах исследуется в работах Р.И. Насырова [6], А. Моррисона [5], Д.О. Фоля (J.O. Voll) [10], М. Риттера (M. Rytter) [9], Х. Хемисси (H. Khemissia) [8] и многих других. В данной статье мы обращаем внимание на изначальные философские – онтологические и гносеологические – расхождения суфизма с салафизмом. При этом, с одной стороны, обращаемся к историко-философскому наследию ислама, с другой – философски осмысливаем само мусульманство как религию.

Как специфическую форму культуры религию изучает философия религии. Сегодня она предстает в науке как философская дисциплина, решающая своим категориальным аппаратом традиционные вопросы религии. В таком качестве она известна как философская теология. Но философия может рассматривать религию просто как один из предметов познания, пытаясь постичь ее сущность, специфику, причины возникновения, закономерности развития. Однако атеистически направленная философия в советский период не всегда была объективной в оценке философского насле-

дия ислама. Ныне получили распространение исследования, носящие эмпирический характер, в которых толкуются аяты и суры Корана. Часто некоторые философы изучение религии подменяют соперничеством с верующими и алимами в знании Корана.

Считается, что первоначальная философия ислама формируется как сплав аристотелизма и неоплатонизма. На этой почве развил мировоззрение мутазилитов первый крупный философ ислама аль-Кинди (IX в.), обосновывая божественное творение мира из ничего, исходя из абсолютной веры. Позже аль-Фараби, Авиценна и Аверроэс в своих учениях рассматривают проблемы сущего, сущности, существования как предметов метафизики. Аль-Фараби дал подробное описание объективного идеализма Платона, но он, скорее, ближе к Аристотелю по своему мировоззрению. Он заложил основы восточного перипатетизма. Аверроэс вслед за Аристотелем признает существование первопричины (перводвигателя) и настаивает на важном для монотеизма моменте – на признании Бога как творца всего сущего. Признание универсальной божественной причинности Аверроэс согласовал с эмпирической причинностью, в том числе между душевными и телесными явлениями, и последовательно выступал против окказионализма аль-Газали. Он также не согласен с теорией эманации Авиценны, в которой не объяснялось, как Бог действует во всех вещах, отрицалась его способность создавать многое. При всех различиях метафизических трактовок бытия у названных философов в исламском философском учении утвердилось положение, что Бог есть создатель всего материального мира, он – Абсолют по своим качествам; не является материей; не смешивается с сотворёнными. Всё это и легло в идейную основу монотеизма мусульманской религии.

Суфизм примечателен большей широтой и древностью истоков – ими являются домонотеистические религии, идеи различных цивилизаций; выходя по содержанию за рамки ислама, суфизм обретает целостность как мистическая ветвь мусульманства. Если фундаментальный ислам безусловно отделяет Аллаха от материального мира, в мистическом исламе Бог пронизывает своим существом все бытие. Но здесь одна тонкость: не Аллах – в каждой вещи, не он – каждая вещь. Это было бы пантеизмом, когда обнаруживают Бога в материи. Основная онтологическая доктрина суфизма «вахдат аль-вуджуд» была панентеистической. Ее сторонники считали, что все вещи находятся в Аллахе. Выдающийся систематизатор философии суфизма, придавший ей целостность и логическое системное единство, испанский араб Ибн аль-Араби

представляет Бога как целостный мир. Он создал концепцию, которая впоследствии была названа «вуджудизм»: Бог как высшее единое проявляется во многом. Это единое как бытие и едино, и единственно, оно осуществляет триадический цикл по схеме: интеллигибельное единое – феноменальное многое, с этой схемой соотносится триадичный ритм отчуждения Логоса в Космос, затем это отчуждение снимается, и Логос возвращается к себе как гностик (концепция совершенного человека). В этом своеобразном человеческом Логосе, который имеет онтологический аспект в виде универсальной реальности – множественности неотдифференцированного феноменального бытия – и проявляется первая эпифания Абсолюта. Такое понимание Бога является традиционным и для христианской мистики и, на наш взгляд, есть панентеизм (промежуточное учение между теизмом и пантеизмом), утверждающий, что Вселенная покоится в Боге, а мир есть способ проявления Бога (см.: [2]).

Доктрина вуджудизма имела последователей в Малой Азии, Иране и Северной Индии. Но как в онтологии ортодоксальной исламской философии, так и в суфизме метафизические проблемы решались неоднозначно. Ярыми противниками вуджудизма были достаточно авторитетные суфии (Ибн Таймийа, Ибн Халдун, Ибн Хаджар аль-Аскалани), его отвергали многие сирийские, египетские и магрибские факихи. Но важно то, что онтология философии суфизма во всех своих версиях противоречит основному постулату ортодоксального ислама о творении Богом мира из ничего и расшатывает монотеизм мусульманской религии.

Обратимся к теоретико-познавательным изысканиям ислама и суфизма. IX–XII столетия – время расцвета рационалистических философских учений в мусульманских странах. Таковым было философское учение аль-Фараби. Он настаивал на превосходстве философского разума над теологией, утверждая, что можно только с помощью логики познать истину, хотя божественное откровение сохраняло свои позиции и здесь. Да и самые выдающиеся исламские философы – Авиценна и Аверроэс – не признавали превосходства теологии над философией, пытались примирить разум и веру. Рационализм укреплял свои позиции по мере развития астрономии, математики, медицины мусульман. Восточный перипатетик Ибн Сина написал знаменитый «Канон врачебной науки». На его философские взгляды заметно повлияли античные стоики. В его трудах содержатся идеи неоплатонизма, хотя вся его философия пронизана духом аристотелизма и соответствующего

рационализма. Ибн Рушд полагал, что истина доказательна, и потому познать ее могут только философы, а не теологи. Но народу нужна религия, народ не может приобщиться к истине, требующей сложных доказательств. Рационализм древнегреческих философов разделял Яхья ас-Сухраварди, отстаивая универсальный статус религии.

Философско-метафизические идеи исламских мыслителей весьма последовательно связаны с их гносеологическими идеями, что позволяет дать философское осмысление мусульманской религии с точки зрения теории познания. Такой подход плодотворен и потому, что сегодня гносеология, как и в Новое время, обладает развитым категориальным аппаратом и предстает как ведущий раздел философии. Опираясь на нее, можно утверждать, что во всех монотеистических религиях сложилась определенная познавательная культура. У нее есть структурные элементы, из которых выделяется познание как постижение Бога, которое во всех религиях означает совершенствование человека в социальном, этическом, эстетическом и интеллектуальном смыслах. Другой структурный элемент этой культуры – это характеризующие диалектически противоречивый характер познания познавательные идеи, фиксирующие в религиях бесконечное движение к абсолютной истине, разделяющие познание на ступени от чувственного, интуитивного к разумному и т.п. Идея сложности и противоречивости познания, свойственная не только исламу, но и другим мировым религиям, нацеливает человека на неуклонное самокритичное стремление совершенствовать свои знания, считая их недостаточными. Религия в целом и ислам в частности дали познавательной культуре важную идею о самопознании человека как цели всего познания. Религиям, на наш взгляд, обязана познавательная культура человечества – осмыслением аксиологической и когнитивной синтетичности познавательной деятельности.

Основная единица религиозного мировоззрения – вера. Она фиксируется в познавательной культуре как неотъемлемый этап и результат познавательного процесса, а изучение религиозной и рациональной веры позволяет уточнить содержание понятия «убеждение» и его соотношение с основным понятием теории познания – знанием. Причем единство веры и знания – основа целостности познавательной деятельности, слитности и неразъемности в ней когнитивных и ценностных начал, и эта идея познавательной культуры изначально заложена в религиозном сознании. И аль-Фараби, и Авиценна, и Аверроэс, и многие другие ислам-

ские мыслители не только не обошли данную проблематику, но и внесли существенный вклад в мировую гносеологию ее плодотворным осмыслением.

Правда, познавательная культура в интерпретации мусульманских философов, как, впрочем, и у средневековых европейских философов, заимствует у религиозного сознания не только позитивные, но и негативные традиции: умаление роли разума в познании, гносеологический пессимизм и агностицизм, отрыв знания от практики и т.п. Это становится одной из причин противостояния философии и религии, науки и религии.

Нам представляются оригинальными и достаточно практически эффективными для анализа современной духовной жизни методологически значимые выводы о теоретико-познавательном содержании суфизма как традиционного для северокавказских народов направления ислама. Но гносеология суфизма, так же, как его онтология, во многом противостоит соответствующим идеям ортодоксального ислама. Как отмечалось, свою роль здесь сыграло то обстоятельство, что суфизм перенял много идей из домонотеистических религий, его философия формируется на значительно более обширной основе. Из предшествующей познавательной культуры суфизм выбрал гносеологические идеи, как общие для всех вероисповеданий, так и ставшие основой специфически суфийских представлений о познании. Мы полагаем, что по своему богатству теоретико-познавательными идеями суфизм превосходит философские составляющие и буддизма, и христианства (см.: [2]).

Как религиозная мистико-философская система суфизм вобрал в себя достижения предшествующей культуры и был развит в сочинениях ученых Джунейда аль-Багдади, аль-Бистами, Ибн аль-Араби, Абу Хамида аль-Газали, ас-Сухраварди и др. Широта онтологических и гносеологических идей суфизма продемонстрирована Яхьей ас-Сухраварди, который под влиянием зороастризма отошел от рационализма и культивировал в познании мистицизм. Другим составляющим суфизма, как известно, был шаманизм с его верой в экстатическое общение с потусторонним миром.

Особое значение для суфизма имеет комплекс идей неоплатонизма с его центральной идеей – идеей эманации – истечения мира от первоначальной духовной сущности и возможности обратного экстатического слияния с ней. Именно эту идею культивировал аль-Газали в «Опровержении философов» и в главном

труде «Оживление наук о религии». Аль-Газали принял в качестве реальных человеческих познавательных способностей иррациональные и мистические сферы духа. В этом смысле он вполне современен с точки зрения гносеологии и эпистемологии XX в. Он пишет, что «существует много ступеней познания», потому «суфизм требует полного преобразования сознания» «неразвитого человека». Путь к истине – сомнение, этот путь сопровождают вера и знание [3, с. 44–5].

В то же время аль-Газали подверг критике последователей Аристотеля и Платона за признание решающей роли рационального в познании. Результат был весьма негативным – развитие фундаментального ислама в философском аспекте было на многие века остановлено. Наступила пора господства мистицизма во всех его проявлениях. Лишь в мусульманской Испании – Андалусии Ибн Баджи, Ибн Туфайль, Ибн Рушд продолжили традиции рационализма. Последний написал полемический ответ в адрес аль-Газали – «Опровержение опровержения». Но и в Андалусии суфизм получил поддержку философов, а Ибн аль-Араби не только развил мистицизм аль-Газали, но, как выше отмечалось, превратил суфизм в логически и теоретически стройное учение. В частности, он дает довольно верное в русле аристотелевского перипатетизма толкование знания: «это понятие, имеющееся в душе человека и связанное с существующим либо несуществующим предметом в соответствии с его сущностью, определяющей, каков он есть в настоящий момент или каким он станет, обретя бытие» [4, с. 44]. Утверждая, что у воображения и разума разные области применения, он все же в человеческом познании считает главным мистическое воображение. За века, прошедшие после времени аль-Араби, суфизм быстро распространился по миру, и его адаптированные к местной культуре и психологии тарикаты – кадирия, саадия, мевлевия, бекташия, чиштия, ясавия, накшбандия – возникли в Ираке, Сирии, Турции, Иране, Средней Азии и других странах.

Это было время заката мусульманского просвещения, упадка философии и поворота ее к консерватизму. В результате в Аравии в середине XVIII в. зародилось движение ваххабитов. Лишь к концу XIX в. просветительские идеи проникли в исламский регион (афганец Джемаль Аддин аль-Афгани, египтянин Мухаммед Абдо, индеец Мухаммад Икбал). Они пытались возродить исламскую философию на синтезе цивилизаций Востока и Запада, культивировать свободное толкование (джтихад) Корана и Сунны, отвергая формальное следование его догмам (таклид). Были реанимированы

идеи восточного перипатетизма. Они настаивали на приоритете разума над мистицизмом, признавая нравственные интенции суфизма к самоочищению, отвергали многие ритуалы суфиев, поклонение святым и их могилам, аскетизм.

Тем не менее современный интеллектуальный ислам питают истоки исламской духовности и мистицизма аль-Газали, с одной стороны, рационализм Ибн Сины – с другой. Поэтому онтологические и гносеологические истоки современных противоречий внутри ислама остаются традиционными. Тот же панентеизм суфизма накладывает особый отпечаток на его концепцию познания, объектом которого оказывается Бог – единственная реальность, тогда как материальный и иной мир – его отблеск. В теории суфизма доминируют гносеологические и этико-эстетические идеи; в их терминах пояснения получают даже онтологические аспекты суфизма. Вуджудисты, как и прежде, причину творения объясняют в стремлении некоего надмирового Абсолюта, называемого Сущностью (аз-зат), Реальностью (аль-хакк), Единством (аль-ахадийа), к самолицезрению и самопознанию в предметах сотворенной Вселенной (аль-халк). Метафизические вопросы далее поясняются в терминах наиболее развитой суфийской концепции – концепции совершенного человека.

Дискретное состояние атрибутов божественного совершенства во Вселенной обретает свое единство только в человеке. Затем мы обнаруживаем идею (отшлифованную много веков спустя Гегелем), что лишь в «совершенном человеке» (аль-инсан аль-камиль) Абсолют познает себя во всей полноте, т.е. в его самопознании человек обретает подлинный образ мира. Причем, если религиозное сознание в целом, и в особенности ислам, не допускает постижимость Бога, то суфизм в своих радикальных формах допускает слияние субъекта с объектом и подобным образом постижение его в собственной сути. Мусульманское учение о Боге сводится к тому, что Бог выше всякого ощущения и познания. Любое создание, даже достигшее в своем совершенстве высшей ступени, не может Его постичь. Суфийское учение отрицает это положение ортодоксального ислама. Человек, являющийся частицей («джуз'ун») Бога (куллюна), стремится к слиянию с Ним, так же, как «все вещи возвращаются к своей основе».

Эта еретическая идея не только отдаляла суфизм от ортодоксального ислама, но и стала причиной раздоров между его адептами. Показательно в этой связи знаменитое изречение известного суфия X в. аль-Халладжа: «Я – истина», за которое он был предан

жестокой казни. После этого суфии стали в своих рассуждениях более осторожными. Человек – не абсолютная истина, а только ее частица, и он не совершенен, как Бог, но причастен к абсолютному совершенству.

В регионе Северного Кавказа в целом, в том числе и во многих районах Дагестана, в последние десятилетия приверженцы салафизма также выступали против чуждых исламу нововведений, якобы культивируемых суфизмом. Это касается принятых в традиционном для региона исламе поклонения святым местам, праздновании в той или иной форме дня рождения Пророка Мухаммада, других пророков. Есть и другие факты и ритуалы, взгляды на которые у суфистов и салафитов расходятся, что зачастую приводит к открытой вражде.

Одной из причин экстремистских настроений салафитов, их неприятия регионального традиционного ислама является структурная неоднородность, эклектичность суфизма, который допускает такие формы свободомыслия, как антиклерикализм, ересь, индифферентизм, скептицизм, пантеизм, панентеизм, деизм и даже атеизм. Салафизм категорично и резко реагирует на подобные факты и усматривает в определенном равнодушии официального регионального духовенства к ним грубое попрание канонов Корана.

Еще одна причина внутренних противоречий в исламской религии – аскетизм суфизма. Он формируется в исламе как религиозное подвижничество. Теоретическую базу аскетические движения нашли в синтезе ортодоксального ислама с различными немусульманскими философскими школами – неоплатонизмом, буддизмом и др., сделав акцент на осмыслении психического состояния верующего, экстатического состояния «хал», характеризующего соотношение сокровенных помыслов, душевных импульсов и внешних действий человека. В систему мусульманского мистицизма этот существенный элемент вносит суфийский мыслитель Баиазид (IX в.), считавший, что чувство полного уничтожения «я» достигается слиянием с Богом при полной медитации, подобно слиянию влюбленного с возлюбленной. Если ортодоксальный ислам достаточно системен, стратегически логичен, скажем, в монотеизме, то суфизм спонтанен, подвержен случайным отклонениям, характерным синергетическим системам.

Вся жизнь суфиев подчинена этой высокой цели – достижению состояния полного уничтожения, «небытия» собственного «я» (фана), что и есть постижение Бога, абсолютной истины. Подобный трансгрессивный выход субъекта за пределы обыденной пси-

хической нормы, который обладает универсальностью религиозного экстаза, известный французский философ и писатель Жорж Батай определил как феноменологическое проявление трансгрессивного трансцензуса к Абсолюту. Говоря о трансгрессии религиозной, связанной с экстатической чувственностью, современная философия углубляется в смысловое богатство суфизма, которого сегодня лишен консервативный ислам. Трансгрессивный характер духовного развития суфия – очередное подтверждение того, что его путь познания синергетически сложный, в отличие от упрощенной линейной схемы обыденного познания.

Ортодоксальный ислам не приемлет также практику достаточно популярного восточного мистического экстаза, тогда как суфизм изощряется в разнообразных способах изменения сознания. Суфии добиваются в своей практике потери ощущения времени, слуховых и зрительных галлюцинаций. Только так, по мнению адептов суфизма, можно приобщиться к тем истинам, постичь которые разум не в силах. В религиозных традициях и ритуалах суфийского ислама иррациональное предстает как специфически важный результат духовного совершенствования человека, достигаемый экстатическим опытом. Данная религиозная традиция неприемлема для консервативного ислама.

Мистицизм суфизма не является таким уж чуждым для религиозного сознания. Считается, «что феномен религиозного мистицизма проходит через стадии становления и развития древних структур народного самосознания, а затем сохраняется как архетип мистицизма в структуре религиозно-системного сознания, выполняя функции фенотипа». Суфизм и здесь проявляет свой универсальный статус, фиксируя мистическое как общее во всех религиях, независимо от того, осознается это ими или нет. Иррационалистические и мистические интенции суфизма, таким образом, это – то общее, что также служит сближению религий и культур, для которых они служат культуuroобразующим фактором. Отсюда следует, в частности, «мистицизм в рамках христианской и мусульманской культур выступает определенной концептуальной схемой, метакультурным ориентиром...» [1, с. 73]. Однако с этим подходом суфизма к современной культуре не согласен консервативный ислам, претендующий на исключительную роль в религиозной и духовной жизни современного человечества.

Указанные выше противоречия далеко не исчерпывают список идейно-философских разногласий противоборствующих умм в мусульманской религии. Глубинные разногласия связаны также

с толкованиями роли таких ключевых средств религиозно-познавательной активности человека, как вера и интуиция. Суфизм специфику веры усматривает не в божественном откровении, не в ее авторитарности, а в личностно-субъективном характере, в индивидуальном озарении, в достижении эмоционально-экстатического состояния уверенности и значительном влиянии на веру мистической интуиции (см.: [2]). В то же время интуитивистская концепция религиозной веры «менее иррациональна», даже считается интеллектуальным направлением в толковании религиозного опыта, тогда как «сторонники антиинтеллектуального направления стремятся очистить религиозный опыт от малейших наслоений познавательной деятельности» [7, с. 120].

В заключение отметим, что онтологические и гносеологические расхождения суфизма, на основе которого формировался традиционный для Северного Кавказа ислам, и фундаментального ислама – довольно весомое основание для противоречий внутри этой религии даже на бытовом уровне. В данной статье нет возможности выявить, насколько региональный ислам аутентичен суфизму, хотя основные их позиции совпадают. Конечно, надо учесть и другое – сегодня, в век глобализации, наблюдается смешение элементов разных ветвей ислама, и никакие призывы к сохранению чистого ислама не могут помешать этому процессу. Развитие общечеловеческой культуры показывает, что «чистым» не может быть ни один ее фрагмент, даже в такой консервативной ее составляющей, как религия. Ее адепты обречены на вечные дискуссии, которые, разумеется, не должны переходить в столкновения и войны.

Литература

1. Баранец А. Трансфеномен мистицизма как культурный фенотип в христианстве и исламе // Христианство и культура. К 2000-летию христианства. Ч. II. – Астрахань, 2000. – С. 73.
2. Билалов М.И. Гносеологические идеи в структуре религиозного сознания. – М.: Academia, 2003. – 128 с.
3. Газали. Мысли и афоризмы о любви, красоте, надежде, зависти и знании // Суфии: Собрание притч и афоризмов. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 640 с. (Серия «Антология мысли»). – С. 44–45.
4. Ибн аль-Араби. Мекканские откровения (аль-Футухат аль-маккийя): Пер. с араб., введ., прим. и библиогр. А.Д. Кныша. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1995. – С. 44.

5. Моррисон А. Суфизм, панисламизм и информационная паника: Нил Сергеевич Лыкошин и последствия андижанского восстания // *Tartaria Magna*. – 2013. – № 2. – С. 42–87.
6. Насыров Р.И. «Достижение истины» (тахкик) в гносеологии доктринального суфизма // *Вопросы философии*. – 2007. – № 10. – С. 138–150.
7. Сергеев М. Что такое религия? Размышление о природе религиозного опыта // *Вестник РФО*. – 2003. – № 4. – С. 120.
8. Khemissia H., Laremont R.R., Taj T. Sufism, Salafism and state policy towards religion in Algeria: A survey of Algerian youth // *The Journal of North African Studies*. 26 Apr. 2012. – P. 547–558 DOI: 10.1080/13629387.2012.675703
9. Rytter M. Transnational Sufism from below: charismatic counselling and the quest for well-being. *South Asian Diaspora*. – 29 Nov. 2013. – P. 105–119. DOI:10.1080/19438192.2013.862103
10. Voll J.O. Neo-Sufism: Reconsidered Again // *Canadian Journal of African Studies / La Revue canadienne des études africaines*. – 30 Oct. 2013. – P. 311–330 DOI:10.1080/00083968.2008.10751385

*«Исламоведение»,
Махачкала, 2015 г., № 1 (61), с. 61–68.*

С. Демиденко,

специалист-эксперт

Института стратегических оценок и анализа,

доцент НИУ ВШЭ, кандидат исторических наук

НОВАЯ КНИГА О КАТАРЕ: ЗАПОЛНЯЯ ПУСТОТЫ

Во второй половине 2013 г. в издательстве «Международные отношения» вышла монография «Катар в XXI веке: современные тенденции и прогнозы экономического развития»¹. Ее автор Э.О. Касаев – известный российский востоковед, посвятивший значительную часть своих исследований изучению экономических проблем эмирата.

До недавнего времени Катару в отечественной арабистике не уделялось достаточного внимания. Считалось, что эта относительно небольшая по площади и населению страна не играет существенной роли ни в экономике региона, ни в его политике, являясь лишь послушным орудием в руках Вашингтона и Лондона. Однако последние события на Ближнем Востоке, которые с легкой руки СМИ получили название «арабская весна», заставили исследова-

¹ Рецензия на книгу: Касаев Э.О. Катар в XXI веке: Современные тенденции и прогнозы экономического развития / Э.О. Касаев; [предисл. акад. Н.П. Лаврова]. – М.: Международные отношения, 2013. – 184 с.

телей более внимательно взглянуть на международное положение этого крошечного государства.

Сегодняшний Катар это не «забытая богом» страна, затерявшаяся где-то на периферии Аравийской пустыни и живущая подачками транснациональных нефтегазовых гигантов. Это монархия, активно участвующая в мировых политических и экономических процессах и пользующаяся лоббистской поддержкой в столицах Старого и Нового Света. Катар – претендент на региональное лидерство и один из крупнейших инвесторов в европейскую экономику (в кругах арабских юмористов не так давно даже ходила шутка о том, что британский принц Уильям и его супруга Кейт Мидлтон назовут первенца не иначе как «Катар Эйрвейз»)¹.

В монографии Э. Касаева впервые в научной литературе сделана успешная попытка проанализировать становление экономической мощи Катара, благодаря которой он превратился из «лающей мыши» (как презрительно называли эмират до недавнего времени его «великие» соседи) в весомого участника региональной политики.

В данном контексте не вызывают сомнений актуальность и своевременность труда Э. Касаева. Автор проделал серьезную исследовательскую работу, изучил и систематизировал большое количество источников, научной литературы и периодики. Опыт дипломатической службы в Катаре позволил ему существенно расширить источниковую базу за счет личных впечатлений и бесед с официальными представителями Дохи – политиками, дипломатами, бизнесменами.

В рецензируемой книге содержится подробный анализ основных показателей государственной экономики.

Фактическую часть монографии открывают главы, посвященные законодательному регулированию привлечения иностранных инвестиций и государственному планированию развития экономики эмирата. Подобная структура первой части работы вполне оправдана с точки зрения анализа достижений Катара. Не секрет, что большинство из ныне процветающих монархий Персидского залива уделяют повышенное внимание управлению и планированию. При этом именно жесткий контроль является залогом успеха богатых арабских государств.

¹ «Катар Эйрвейз» – национальная авиакомпания Катара, штаб-квартира которой находится в Дохе – столице эмирата.

Автор отмечает, что в государственной стратегии Катара проблеме малого и среднего бизнеса уделяется особое внимание¹. В представлении неискушенного читателя монархии Персидского залива развивают в первую очередь крупный бизнес (что логично, принимая во внимание огромное количество финансовых средств, аккумулируемых на государственных счетах из доходов от нефтегазовой торговли), однако, как показало исследование Э. Касаева, малое и среднее предпринимательство тоже находится в поле зрения властей эмирата. Причем, именно, развивая данный сектор экономики, Доха планирует в среднесрочной перспективе обеспечить себя сельхозпродукцией.

Анализ статистических данных приводит автора к выводу, что Катар активно приобретает земли сельхозназначения в таких странах, как Судан и Египет, где политическое влияние эмирата сегодня особенно заметно. Это позволяет по-новому взглянуть и на проблему так называемых «арабских революций», ибо участие Дохи в этих событиях имеет не только сугубо политические или религиозно-политические, но и экономические причины.

В нынешних условиях цены на земли сельхозназначения в Египте ниже, чем пять-шесть лет назад. Однако не стоит сводить роль Катара в «революции пирамид» лишь к заинтересованности «шейхов» в приобретении подешевевших земельных угодий. Выводы монографии Э. Касаева позволяют выявить новые грани такого сложного и малоизученного явления, как «новое пробуждение» арабского мира.

Весьма информативной является часть работы, посвященная углеводородному потенциалу Катара. Автор тщательно исследует положение эмирата на мировых рынках нефти и газа, уделяя повышенное внимание его стратегии по расширению своего влияния в данном сегменте мировой экономики. По его мнению, в ближайшее время основное внимание будет направлено на страны Северной и Латинской Америки, в которых Доха видит перспективный рынок сбыта катарского сжиженного природного газа (СПГ)².

В данном разделе наибольший интерес представляют рассуждения о перспективах крупного регазификационного терминала (для приема СПГ) «Голден пасс», построенного на берегу Мексиканского залива при участии эмирата (доля Катара в проекте – около 70%). Принимая во внимание высокую заинтересованность

¹ Касаев Э.О. Указ. соч. – С. 40.

² Там же. – С. 50.

США в строительстве этого объекта, Э. Касаев делает вывод, что американские нефтегазовые гиганты будут использовать «Голден пасс» для реэкспорта катарского газа в страны Латинской Америки¹. Данный факт примечателен для исследователей тем, что лишний раз подчеркивает серьезную взаимозависимость западного и арабского финансовых капиталов. Имея общие экономические интересы, они в настоящее время существенно влияют на изменение глобального политического устройства. В нем уже нет западных «хозяев» и униженных арабских компраторов, теперь там действуют равные партнеры, выстраивающие сложные финансово-политические схемы, играющие на интересах и слабостях друг друга.

Такие выводы в корне меняют представление о мире, разрушают стереотип, будто на планете всё и вся делается только по команде из Белого дома. Глобальный порядок эволюционирует, но многие эксперты не замечают этого, продолжая анализировать политические процессы по лекалам 50–60-летней давности. Книга Э. Касаева вносит свой вклад в разрушение этого укоренившегося в отечественном аналитическом сообществе подхода.

Интересным моментом в монографии являются рассуждения автора о перспективах так называемой «сланцевой революции» и развития в ее контексте индустрии производства СПГ. Основываясь на анализе долгосрочных договоров на поставки катарского сжиженного сырья в США, а также на соображениях экологической безопасности, Э. Касаев приходит к выводу, что сланцевый бум может в конечном итоге оказаться фикцией и Соединенные Штаты сами на него не очень рассчитывают². При этом шумиха вокруг «сланца» создается Вашингтоном умышленно, дабы поколебать позиции России на международных газовых рынках.

Отдельно следует сказать, что автор уделил значительное внимание анализу газового соперничества России и Катара. Эта проблема приобретает особую актуальность в контексте серьезного ухудшения отношений между обеими странами из-за Сирии.

Можно было бы подумать, что в основе конфликта лежат чисто экономические причины и интересы, однако исследование Э. Касаева показывает, что здесь у России и Дохи сейчас практически нет разногласий. Вполне возможно, в будущем они появятся, но нынешний уровень конкуренции не отличается остротой,

¹ Касаев Э.О. Указ. соч. – С. 51–52.

² Там же. – С. 51.

которая могла бы перерасти в политическую конфронтацию. Сегодня эмират считает себя не только лидером арабского мира, не признавая первенства «престарелых» саудовских монархов, но и ведущей страной всего исламского мира. В рамки этой парадигмы укладываются и активное участие Катара в «арабской весне», и распространение радикальных исламских идеологий в Европе и США, и поддержка, в свое время оказанная эмиратом северокавказским сепаратистам.

Возвращаясь к тексту монографии Э. Касаева, стоит отметить, что, исследуя экономику Катара, автор не заостряет внимание читателя лишь на углеводородном сегменте катарского хозяйства. Множество страниц посвящено анализу строительного сектора, финансовых возможностей эмирата и местного рынка труда.

Нельзя не согласиться с утверждением Э. Касаева относительно того, что активное привлечение инвестиций в строительный сектор в перспективе окажет серьезное влияние на темпы экономического развития эмирата¹. При этом особое внимание катарское руководство уделяет не только возведению объектов транспортной инфраструктуры, но и строительству новых заводов и фабрик. Весьма интересна ремарка автора о строительстве в эмирате сборочных производств. К сожалению, в рецензируемой монографии эта тема не получила развития. Однако сам факт наличия таких производств позволяет взглянуть на экономику эмирата под новым углом. Речь идет о диверсификации экономики и попытках руководства эмирата если не разорвать, то хотя бы частично поколебать полную зависимость развития государства от добычи углеводородов. Можно пожелать автору в своей следующей работе осветить данный аспект катарской проблематики более подробно.

Большой интерес представляют главы, затрагивающие отношения Катара с Соединенными Штатами и европейскими странами. На богатом фактическом материале показано стремительное взаимопроникновение капиталов, исследованы аспекты сращивания катарской и западной политических и предпринимательских элит через совместное финансирование крупных инвестиционных проектов как в самом эмирате, так и в Европе, и США.

Большое внимание в монографии уделено положению Катара в системе международных экономических отношений. Автор

¹ Касаев Э.О. Указ. соч. – С. 67.

подробно анализирует роль эмирата на рынке Персидского залива, характеризует отношение Дохи к созданию единой региональной валюты и общей железнодорожной сети стран – участниц Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. В целом нельзя не согласиться с выводом Э. Касаева о том, что сегодня эта организация переживает кризис и пока не способна разорвать пути зависимости национальных валют от американского доллара¹.

Важным разделом книги является описание банковской системы Катара. Вопросам функционирования так называемого «исламского банкинга» в отечественной научной литературе не уделяется достаточного внимания, но монография Э. Касаева хотя бы частично приподнимает завесу над тайной деятельности банков в условиях религиозного запрета на ссудный процент (риба). Автор дает читателю общее представление о том, что такое «двойная покупка», каким образом формируются доходы банков и частных вкладчиков, в чем заключается принцип доходности исламских облигаций (сукук)².

Книга содержит весьма ценный фактический материал, собранный автором в буквальном смысле по крупицам. Он может быть полезен не только для теоретиков-востоковедов, но и для бизнесменов-практиков, желающих выйти на арабийский рынок и закрепиться там. Особенно ценной в связи с этим представляется та часть работы, которая посвящена анализу законодательства в области привлечения иностранных инвестиций. Автор детально описывает процедуру заключения государственных контрактов, подробно рассказывает о нюансах функционирования иностранного бизнеса в Катаре³.

Несомненными достоинствами работы Э. Касаева являются простой доходчивый язык и хорошая структурированность текста. Книгу легко читать, она не перегружена лишними фактами. К недостаткам монографии можно отнести то, что автор, подробно рассказав о деловых контактах Катара с США, не уделил должного внимания изучению взаимозависимости катарской и американской финансовых элит. Прояснение данного вопроса позволило бы исследователям лучше представить лоббистские возможности катарской правящей семьи Аль Тани и степень ее влияния на Белый дом, что особенно важно в контексте событий на Ближнем Востоке.

¹ Касаев Э.О. Указ. соч. – С. 91–92.

² Там же. – С. 84–85.

³ Там же. – С. 22–27.

Другим недостатком монографии можно считать то, что в разделе, посвященном отношениям эмирата с Европой, автор обошел вниманием Францию и поверхностно осветил связи с Испанией. А ведь эти две страны не только импортируют катарский СПГ, но и выступают важнейшими внешними инвестиционными рынками эмирата.

Возможно, автору стоило бы посвятить хотя бы несколько абзацев и катарским вложениям в европейские медиаактивы. В последние годы данное направление в экономико-политической деятельности эмирата становится все более заметным.

В тексте монографии имеются пассажи, которые утяжеляют его общее восприятие. Возможно, лишней покажется часть работы, посвященная политической ситуации в Катаре¹. В ней отсутствует глубокий анализ, дано лишь самое общее (справочное) представление о положении дел. Слишком подробно автор останавливается на описании катарского «города будущего» – Лусайла².

Вышеперечисленные отдельные недостатки, без которых не обходится ни один научный труд, ни в коем случае не умаляют научных заслуг Э. Касаева, который, по меткому выражению академика РАН Н.П. Лаверова, написавшего предисловие к рецензируемой монографии, восполнил образовавшийся вокруг эмирата информационно-аналитический вакуум.

Нельзя не отметить, что книга вышла именно в тот момент, когда российское академическое и экспертное сообщество начало проявлять к эмирату повышенный интерес, понимая, что на Ближнем и Среднем Востоке появилась новая влиятельная сила, готовая активно участвовать как в региональных, так и в глобальных политико-экономических процессах.

*«Проблемы национальной стратегии»,
М., 2014 г., № 2 (23) с. 225–229.*

¹ Касаев Э.О. Указ. соч. – С. 28–31.

² Там же. – С. 69–71.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2015 – 10 (280)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 15/IX-2015 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 8,6 Уч.-изд. л. 7,8
Тираж 250 экз. Заказ № 99

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9